

В Е Р О Н И К А Р О Т

Т Ы О П А С Е Н , Е С Л И Т Ы Д Р У Г О Й
ДИВЕРГЕНТ

Annotation

В мире, где живет Беатрис Прайор, люди делятся на пять фракций, каждая из которых посвящена определенному качеству человеческой личности. Эти фракции – Правдолюбие, Альтруизм. Лихость, Товарищество и Эрудиция. Каждый год в определенный день подростки, достигшие 16 лет, имеют право выбрать свой путь. От того, что решит Беатрис, зависит, останется ли она со своей семьей или станет тем, кем ей хочется быть на самом деле. И девушка делает выбор, который удивляет всех, в том числе и ее саму. Ее жизнь меняется окончательно и бесповоротно. У нее появляются новые друзья, новые обязанности и новые чувства – любовь к немного нелюдимому и загадочному наставнику. Однако у Трис есть и собственная тайна, смертельно опасная для нее в том случае, если кто-то проведаёт о ней. И эта тайна вот-вот может быть раскрыта...

Книга также выходила под названием «Избранная».

- [Вероника Рот](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Благодарности](#)
-

Вероника Рот

Дивергент

*Моей матери, подарившей мне эпизод, когда
Беатрис осознает, насколько сильна ее мать, и
недоумевает, отчего не замечала этого так долго*

*Veronica Roth
DIVERGENT*

*Copyright © 2011 by Veronica Roth
Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division
of HarperCollins Publishers Faction symbol art
© 2011 by Rhythm & Hues Design Jacket art and design by Joel Tippie*

© Киланова А., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо»,
2014

Глава 1

В моем доме всего одно зеркало. Оно спрятано за подвижной панелью в коридоре наверху. Наша фракция разрешает мне смотреться в него во второй день каждого третьего месяца, – день, когда мама подстригает мне волосы.

Я сижу на стуле, а она стоит за спиной и щелкает ножницами. Пряди падают на пол тусклым светлым кольцом.

Закончив, мама убирает мои волосы назад и стягивает в узел. Я замечаю, какой спокойной она выглядит, насколько она сосредоточенна. Она достигла мастерства в искусстве отрешения. О себе я не могу сказать того же.

Пока она не смотрит, я украдкой бросаю взгляд на свое отражение – не из тщеславия, а из любопытства. За три месяца внешний вид человека может очень сильно измениться. В стекле отражается узкое лицо, большие круглые глаза и длинный тонкий нос – я по-прежнему похожа на ребенка, хотя несколько месяцев назад мне исполнилось шестнадцать. Другие фракции отмечают дни рождения, но не мы. Это было бы потаканием нашим прихотям.

– Готово, – говорит мама, закрепив узел шпильками.

Наши взгляды встречаются в зеркале. Слишком поздно отводить глаза, но, вместо того чтобы отругать меня, мама улыбается нашему отражению. Я чуть хмурюсь. Почему она не выговаривает мне за то, что я смотрю в зеркало?

– Итак, день настал, – произносит она.

– Да, – отвечаю я.

– Ты волнуешься?

Я мгновение смотрю себе в глаза. Сегодня день проверки склонностей, которая покажет, какая из пяти фракций мне подходит. А завтра, на Церемонии выбора, я решу, в какую фракцию вступить; я определю всю свою будущую жизнь; я решу, остаться с семьей или покинуть ее.

– Нет, – говорю я. – Тесты не должны повлиять на наш выбор.

– Правильно, – улыбается мама. – Идем завтракать.

– Спасибо. За то, что подстригла мне волосы.

Она целует меня в щеку и закрывает зеркало панелью.

Мне кажется, мать была бы красивой в другом мире. Под ее серым балахоном – худощавое тело. У нее высокие скулы и длинные ресницы, и,

когда она распускает волосы на ночь, они волнами ниспадают на плечи. Но в Альтруизме она должна скрывать свою красоту.

Мы вместе идем на кухню. В такие утра, когда мой брат готовит завтрак, когда рука отца ерошит мне волосы, пока он читает газету, а мать напевает себе под нос, убирая со стола, – в такие утра мне особенно стыдно, что я хочу их покинуть.

В автобусе воняет выхлопными газами. Каждый раз, как он налетает на неровный участок мостовой, меня швыряет из стороны в сторону, хотя я держусь за сиденье обеими руками.

Мой старший брат Кaleb стоит в проходе и держится за поручень над головой. Мы с ним не похожи. У него темные волосы и горбатый нос, как у отца, и зеленые глаза и ямочки на щеках, как у матери. Когда он был младше, подобное сочетание черт казалось странным, но теперь оно ему идет. Если бы он не был альтруистом, уверена, в школе на него бы заглядывались.

Он также унаследовал мамин дар к самопожертвованию. Он уступил свое место угрюмому правдолюбу, ни секунды не размышляя.

На правдолюбье черный костюм с белым галстуком – стандартная униформа Правдолюбия. Их фракция ценит честность и видит истину в черно-белом свете, вот почему они так одеваются.

По мере того как мы приближаемся к центру города, промежутки между домами становятся все более узкими, а дороги – ровными. Здание, которое когда-то носило название Сирс-тауэр – мы называем его «Втулкой», – выплывает из тумана, черный столб на горизонте. Автобус проезжает под эстакадой. Я ни разу не ездила на поезде, хотя они не переставали ходить и рельсы проложены повсюду. На поездах ездят только лихачи.

Пять лет назад добровольцы-рабочие из Альтруизма заменили покрытие на некоторых дорогах. Они начали с центра города и шли к окраинам, пока не кончились материалы. Дороги рядом с моим домом по-прежнему потрескавшиеся и неровные, и ездить по ним небезопасно. Впрочем, у нас все равно нет машины.

Пока автобус раскачивается и подпрыгивает на дороге, лицо Калеба остается безмятежным. Он хватается за поручень в поисках равновесия, и рукав серого балахона спадает с его плеча. По непрерывному движению его глаз понятно, что он наблюдает за окружающими – старается видеть только их и забыть о себе. Правдолюбьи ценят честность, но наша фракция, Альтруизм, ценит самоотверженность.

Автобус останавливается перед школой, и я встаю и протискиваюсь мимо правдолюбца. Перешагивая через ботинки мужчины, я хватаюсь за руку Калеба. У меня слишком длинные брюки, и я никогда не была особенно грациозной.

Здание Верхних ступеней – самое старое из трех городских школ: Нижних ступеней, Средних ступеней и Верхних ступеней. Как и окружающие дома, оно построено из стекла и стали. Перед ним стоит большая металлическая скульптура, на которую лихачи залезают после уроков, подстрекая друг друга забираться все выше и выше. В прошлом году я видела, как одна лихачка упала и сломала ногу. Это я сбегала за медсестрой.

– Сегодня проверка склонностей, – говорю я.

Калеб старше меня меньше чем на год, поэтому мы учимся в одном классе.

Он кивает, когда мы входим в парадную дверь. В тот же миг все мои мышцы напрягаются. Атмосфера пронизана голодом, как будто каждый шестнадцатилетка пытается выжать все возможное из своего последнего дня. Вероятно, после Церемонии выбора нам больше не придется ходить по этим коридорам: как только мы примем решение, нашим образованием займутся наши новые фракции.

Уроки сегодня урезаны вдвое, чтобы мы успели посетить их до проверки склонностей, которая начнется после обеда. Мое сердце уже бьется в ускоренном темпе.

– Тебя ничуть не волнует, что покажет проверка? – спрашиваю я Калеба.

Мы останавливаемся на развилке, откуда он пойдет в одну сторону, на углубленный курс математики, а я – в другую, на историю фракций.

Он вздергивает бровь.

– А тебя?

Я могла бы сказать ему, что много недель переживаю из-за того, что покажет проверка – Альтруизм, Правдолюбие, Эрудицию, Товарищество или Лихость.

Вместо этого я улыбаюсь и говорю:

– Не очень.

Он улыбается в ответ.

– Что ж... приятного дня.

Я иду на историю фракций, покусывая нижнюю губу. Он так и не ответил на мой вопрос.

В коридорах тесно, хотя свет из окон создает иллюзию простора;

в нашем возрасте это единственное место, где фракции смешиваются. Сегодня толпа пропитана новой энергией, ажиотажем последнего дня.

Девочка с длинными кудрявыми волосами кричит «Эй!» у меня над ухом, махая подружке вдалеке. Рукав пиджака задевает мою щеку. Затем меня толкает эрудит в голубом свитере. Я теряю равновесие и падаю на пол.

– С дороги, Сухарь! – рывкает он и идет дальше по коридору.

У меня вспыхивают щеки. Я встаю и отряхиваюсь. Несколько человек остановились, когда я упала, но никто не предложил мне помощь. Их взгляды провожают меня до конца коридора. Подобные случаи происходят с членами моей фракции уже несколько месяцев: Эрудиция издает враждебные отчеты об Альтруизме, и это начало влиять на отношения в школе. Серая одежда, простая прическа и скромные манеры моей фракции должны помочь мне забыть о себе, а также помочь всем остальным забыть обо мне. Но сейчас они делают меня мишенью.

Я останавливаюсь у окна в крыле «Е» и жду, когда придут лихачи. Я каждое утро так делаю. Ровно в 7.25 лихачи подтверждают свою отвагу, спрыгивая с движущегося поезда.

Отец называет лихачей бузотерами. Они покрыты пирсингом и татуировками и носят черную одежду. Их главная задача – охранять ограду вокруг нашего города. От чего – я не знаю.

Они должны приводить меня в замешательство. Я должна недоумевать, какая связь между смелостью – добродетелью, которую они ценят превыше всего, – и металлическим кольцом в носу. Вместо этого я не могу отвести от них глаз.

Поезд пронзительно гудит, звук эхом отдается у меня в груди. Фонарь, приделанный спереди к паровозу, включается и выключается, когда поезд проносится мимо, визжа на железных рельсах. Остается всего несколько вагонов, и тут куча молодых парней и девчонок в темной одежде высыпается из мчащихся вагонов, кто-то падает и катится, остальные пробегают пару шагов и обретают равновесие. Один из мальчиков, смеясь, обнимает девочку за плечи.

Наблюдать за ними – глупая привычка. Я отворачиваюсь от окна и пробираюсь сквозь толпу в класс истории фракций.

Глава 2

Проверка начинается после обеда. Мы сидим за длинными столами в столовой, и распорядители называют по десять имен за раз, по одному для каждой проверочной комнаты. Я сижу рядом с Калобом и напротив нашей соседки Сьюзен.

Отец Сьюзен ездит на работу через весь город, поэтому у него есть машина и он подвозит дочь в школу и домой каждый день. Он предлагал подвозить и нас, но, как говорит Калоб, мы предпочитаем выходить из дома попозже и не хотим доставлять ему неудобств.

Ну конечно, не хотим.

Распорядители – в основном добровольцы-альтруисты, хотя в одной из проверочных комнат сидит эрудит, а в другой – лихач, чтобы проверять альтруистов, потому что правила запрещают проверку членами собственной фракции. В правилах также говорится, что мы не можем подготовиться к тесту, поэтому я не знаю, чего ожидать.

Я перевожу взгляд со Сьюзен на столы лихачей на другой стороне комнаты. Лихачи смеются, кричат и играют в карты. За третьей группой столов эрудиты щебечут над книгами и газетами в вечном поиске знаний.

Стайка товаров в желтом и красном сидят кружком на полу и играют в ладушки, читая стишок. Каждые несколько минут раздается взрыв смеха, когда одна из них выбывает и садится в середине круга. За столом рядом с ними размахивают руками правдолюбы. Кажется, они спорят о чем-то, но вряд ли всерьез, ведь некоторые из них продолжают улыбаться.

Мы за столом Альтруизма сидим тихо и ждем. Традиции фракций регулируют даже праздное поведение и подавляют личные предпочтения. Сомневаюсь, что все эрудиты хотят учиться дни напролет или что всем правдолюбам по душе жаркий спор, но они могут пренебречь обычаями своих фракций не больше меня.

Имя Калеба называют в следующей группе. Он уверенно идет к выходу. Мне незачем желать ему удачи или заверять, что беспокоиться не о чем. Он знает, где его место, и, насколько мне известно, всегда знал. Мое самое раннее воспоминание о брате – когда нам было по четыре года. Он выбрал меня за то, что я не отдала свою скакалку маленькой девочке на детской площадке, которой было не с чем играть. Сейчас он редко читает мне нотации, но я навсегда запомнила неодобрение на его лице.

Я пытаюсь объяснить ему, что у меня другие инстинкты – мне даже не

пришло в голову уступить место правдолюбу в автобусе, – но он не понимает.

«Просто делай, что должно», – всегда говорит он. Для него все так просто. Но не для меня.

У меня сжимается желудок. Я закрываю глаза и открываю только через десять минут, когда Калёб садится на место.

Он весь белый как мел. Он прижимает ладони к коленям – я так делаю, если хочу стереть с них пот, – затем отрывает их, и его пальцы дрожат. Я открываю рот, чтобы о чем-то спросить, но слова не вылетают. Я не вправе спрашивать его о результатах, а он не вправе отвечать мне.

Доброволец-альтруист называет имена следующего круга. Двое из Лихости, двое из Эрудиции, двое из Товарищества, двое из Правдолюбия, и наконец: «Из Альтруизма: Сьюзен Блэк и Беатрис Прайор».

Я встаю, потому что должна, но, будь моя воля, я оставалась бы на месте до конца проверки. В груди словно надувается пузырь, который с каждой секундой становится все больше и больше, угрожая разорвать меня изнутри. Я иду за Сьюзен к выходу. Люди, мимо которых я прохожу, наверное, не различают нас. Мы носим одинаковую одежду и одинаково причесываем свои светлые волосы. Единственная разница – то, что Сьюзен, вероятно, не тошнит и, насколько я могу судить, ее руки не дрожат так сильно, что приходится держаться за подол рубашки.

Рядом со столовой выстроились в ряд десять комнат. Они используются только для проверки склонностей, так что я ни разу не бывала в них прежде. В отличие от остальных комнат в школе они отделены не стеклами, а зеркалами. Я наблюдаю за собой, бледной и испуганной, идущей к одной из дверей. Сьюзен нервно улыбается мне и заходит в комнату 5, а я захожу в комнату 6, где меня ждет лихачка.

Она не кажется такой суровой, как молодые лихачи, которых я встречала. У нее маленькие темные глаза с заостренными уголками; на ней черный пиджак – как от мужского костюма – и джинсы. Лишь когда она поворачивается, чтобы закрыть дверь, я вижу татуировку на ее шее: черно-белого ястреба с красным глазом. Если бы у меня в горле не стоял ком, я спросила бы, что это значит. Это наверняка что-то значит.

Внутренние стены комнаты покрыты зеркалами. Я вижу свое отражение со всех ракурсов: серая ткань, скрывающая очертания спины, длинная шея, узловатые пальцы, красные от прилива крови. Потолок светится белым. Посередине комнаты стоит откидывающееся кресло, как у стоматолога, а рядом с ним – машина. В подобном месте должны происходить ужасные вещи.

– Не бойся, – говорит женщина, – это не больно.

У нее черные прямые волосы, но на свету я вижу в них прожилки седины.

– Садись и устраивайся поудобнее, – продолжает она. – Меня зовут Тори.

Я неуклюже опускаюсь в кресло и откидываюсь, положив голову на подголовник. Свет режет глаза. Тори возится с машиной справа от меня. Я пытаюсь сосредоточиться на ней, а не на проводах в ее руках.

– Почему ястреб? – выпаливаю я, когда она прикрепляет электрод к моему лбу.

– Впервые вижу любопытного альтруиста. – Она вздергивает брови.

Я ежусь, и мои руки покрываются гусиной кожей. Мое любопытство – ошибка, предательство ценностей Альтруизма.

Тихонько напевая, Тори прижимает еще один электрод к моему лбу и поясняет:

– В некоторых частях древнего мира ястреб символизировал солнце. В свое время я решила, что, если на мне всегда будет солнце, я перестану бояться темноты.

Я пытаюсь удержаться от очередного вопроса, но тщетно.

– Вы боитесь темноты?

– Я боялась темноты, – поправляет Тори.

Она прижимает следующий электрод к своему собственному лбу, прикрепляет к нему провод и пожимает плечами.

– Теперь он напоминает мне о страхе, который я преодолела.

Она встает сзади. Я сжимаю подлокотники кресла так крепко, что костяшки моих пальцев белеют. Тори тянет на себя провода, прикрепляет их к себе, ко мне, к машине у себя за спиной. Затем передает мне пробирку с прозрачной жидкостью.

– Выпей, – говорит она.

– Что это?

Мое горло как будто распухло. Я с трудом сглатываю.

– Что случится?

– Я не могу тебе сказать. Просто доверься мне.

Я шумно выдыхаю и опрокидываю содержимое пробирки в рот. Мои глаза закрываются.

Они открываются всего лишь через мгновение, но я оказываюсь в другом месте. Я снова стою в школьной столовой, но все длинные столы пусты, и за стеклянными стенами идет снег. На столе передо мной стоят две корзины. В одной лежит кусок сыра, в другой – нож длиной с мое

предплечье.

Женский голос за спиной произносит:

– Выбирай.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Выбирай, – повторяет женщина.

Я оборачиваюсь, но за спиной никого нет. Я возвращаюсь к корзинам.

– Что мне с ними делать?

– Выбирай! – кричит она.

Когда она кричит на меня, страх исчезает, сменяясь упрямством. Я хмурюсь и скрещиваю руки на груди.

– Как знаешь, – произносит она.

Корзины исчезают. Я оборачиваюсь на скрип двери и вижу в нескольких ярдах от себя пса с острым носом. Он припадает к земле и крадется ко мне, скаля белые зубы. Глубоко в его горле клокочет рык, и я понимаю, почему пригодился бы сыр. Или нож. Но уже слишком поздно.

Убежать? Но пес быстрее меня. Я не могу прижать его к земле. В голове пульсирует кровь. Я должна принять решение. Если перепрыгнуть через какой-нибудь стол и загородиться им... нет, я слишком маленькая, чтобы прыгать через столы, и слишком слабая, чтобы опрокинуть один из них.

Пес рычит, и я почти чувствую, как звук вибрирует в моем черепе.

В учебнике по биологии написано, что собаки чуют запах страха из-за химического вещества, которое человеческие железы выделяют при угрозе насилия. Такое же вещество выделяют звери, на которых собаки охотятся. Запах страха побуждает их нападать. Пес приближается ко мне, царапая когтями по полу.

Я не могу убежать. Не могу драться. Вместо этого я слышу зловонное дыхание пса и стараюсь не думать о том, что он только что съел. В его глазах нет белков, только черное мерцание.

Что еще я знаю о собаках? Я не должна смотреть ему в глаза. Это знак агрессии. В детстве я просила у отца щенка и теперь, стоя перед когтистыми лапами пса, не могу припомнить почему. Пес подходит ближе, не переставая рычать. Если взгляд в глаза – знак агрессии, то каков знак покорности?

Я дышу громко, но ровно. Опускаюсь на колени. Меньше всего мне хочется лежать на полу перед псом – лицом на уровне его зубов, – но это лучшее, что я могу придумать. Я вытягиваю ноги и опираюсь на локти. Пес крадется все ближе, пока не обжигает мне лицо своим жарким дыханием. Мои руки дрожат.

Он лает мне в ухо, и я сжимаю зубы, чтобы не закричать.

Что-то шершавое и влажное касается моей щеки. Пес перестает рычать и, когда я снова поднимаю на него глаза, шумно дышит. Он лижет мое лицо. Я хмурюсь и сажусь на пятки. Пес кладет лапы мне на колени и лижет мой подбородок. Я отшатываюсь, вытирая слюни с кожи, и смеюсь.

– А ты совсем не страшное чудовище, верно?

Я встаю медленно, чтобы не напугать пса, но он совсем не похож на дикого зверя, который стоял передо мной несколько секунд назад. Я протягиваю руку, осторожно, готовая отдернуть ее, если понадобится. Пес тычется мне в руку головой. Внезапно я радуюсь, что не выбрала нож.

Я моргаю, а когда открываю глаза, на другой стороне комнаты стоит девочка в белом платье. Она протягивает руки и визжит:

– Щеночек!

Она бежит к собаке, стоящей рядом со мной, и я открываю рот, чтобы предупредить ее, но слишком поздно. Пес оборачивается. Он не рычит, а лает, огрызается и щелкает пастью, и мышцы бугрятся под его шкурой, как витки проволоки. Он вот-вот прыгнет. Не размышляя, я бросаюсь на пса; наваливаюсь на него всем телом, обхватив руками толстую шею.

Я ударяюсь головой об пол. Пес исчез, как и маленькая девочка. Я осталась одна – в проверочной комнате, на этот раз пустой. Я медленно поворачиваюсь вокруг и не вижу себя ни в одном зеркале. Толкаю дверь и выхожу в коридор, но это не коридор; это автобус, и все сиденья заняты.

Я стою в проходе и держусь за поручень. Рядом со мной сидит мужчина с газетой. Его лицо заслоняет газета, но я вижу его руки. Они испещрены шрамами, как будто он обгорел, и сжимают бумагу, как будто хотят ее смять.

– Знаешь этого парня? – спрашивает он и постукивает по фотографии на первой странице газеты.

Заголовок гласит: «Жестокий убийца наконец задержан!» Я разглядываю слово «убийца». Немало воды утекло с тех пор, как я в последний раз читала это слово, но все равно его очертания наполняют меня страхом.

На фотографии под заголовком – молодой парень с простым лицом и бородой. По-моему, я его где-то видела, только не помню где. И в то же время мне кажется, что не стоит говорить мужчине об этом.

– Ну так что? – В его голосе звенит злоба. – Знаешь его?

Не стоит... нет, ни в коем случае нельзя! Мое сердце колотится, и я сжимаю поручень, чтобы руки не дрожали, чтобы не выдали меня. Если я скажу ему, что знаю парня из статьи, со мной случится что-то ужасное. Но

я могу убедить его, что ничего не знаю. Я могу прочистить горло и пожать плечами... но это будет ложью.

Я прочищаю горло.

– Знаешь? – повторяет он.

Я пожимаю плечами.

– Ну?

Я содрогаюсь. Мой страх иррационален; это всего лишь тест, а не реальность.

– Не-а, – небрежно отвечаю я. – Понятия не имею, кто это.

Он встает, и я наконец вижу его лицо. На нем темные солнечные очки, и рот его искривлен злобой. Его щеки испещрены шрамами, как и руки. Он наклоняется к моему лицу. Его дыхание пахнет сигаретами. «Не реальность, – напоминаю я себе. – Не реальность».

– Ты лжешь, – говорит он. – Ты лжешь!

– Я не лгу.

– Я вижу это по твоим глазам.

Я выпрямляю спину.

– Ничего вы не видите.

– Если ты его знаешь, – тихо говорит он, – то можешь меня спасти. Можешь меня спасти!

Я щурюсь.

– Увы, – говорю я и выпячиваю челюсть, – я его не знаю.

Глава 3

Я просыпаюсь с потными ладонями и ощущением вины. Я лежу в кресле в зеркальной комнате. Откинув голову назад, я вижу за спиной Тори. Поджав губы, она снимает электроды с наших голов. Я жду каких-то слов о проверке – что все закончилось или что я неплохо справилась, хотя разве можно плохо справиться с подобной проверкой? – но она молча снимает провода с моего лба.

Я сажусь и вытираю ладони о брюки. Наверное, я сделала что-то неправильно, пусть все и происходило всего лишь у меня в голове. У Тори такое странное лицо, потому что она не знает, как сказать мне, какой я ужасный человек? Лучше бы она не тянула с ответом.

– Очень неожиданно, – говорит она. – Извини, я на секундочку.

Неожиданно?

Я прижимаю колени к груди и зарываюсь в них лицом. Жаль, мне не хочется плакать, ведь слезы могли бы принести облегчение. Как можно провалить тест, к которому не дают подготовиться?

Время течет, и я нервничаю все больше. Мне приходится вытирать ладони каждые несколько секунд, потому что на них собирается пот... а может, просто потому, что это слегка успокаивает. А вдруг мне скажут, что я не гожусь ни в одну фракцию? Мне придется жить на улицах, с бесфракционниками. Но это невозможно. Жить без фракции – значит не просто жить в нищете и убожестве, это значит быть отвергнутым обществом, лишенным самого главного в жизни: коллектива.

Мать сказала однажды, что мы не можем выжить одни, но даже если бы могли, то не захотели бы. Без фракции у нас нет цели и смысла жизни.

Я качаю головой. Нельзя об этом думать. Необходимо сохранять спокойствие.

Наконец дверь открывается, и входит Тори. Я хватаюсь за подлокотники кресла.

– Извини, что заставила волноваться, – говорит Тори.

Она стоит у моих ног, засунув руки в карманы, и выглядит бледной и напряженной.

– Беатрис, твои результаты неокончательны, – произносит она. – Как правило, каждый этап симуляции исключает одну или более фракций, но в твоем случае были вычеркнуты всего две.

Я гляжу на нее.

– Две? – повторяю я.

Горло перехватывает так, что трудно говорить.

– Если бы ты выказала рефлекторное отвращение к ножу и выбрала сыр, симуляция пошла бы по другому сценарию, который подтвердил бы твою склонность к Товариществу. Этого не случилось, а значит, Товарищество исключено. – Тори скребет в затылке. – Обычно симуляция развивается линейно и выделяет одну фракцию, исключая остальные. Принятые тобой решения не позволили отвергнуть следующий вариант, Правдолюбие, и мне пришлось изменить симуляцию и поместить тебя в автобус. Где твое упорство во лжи исключило Правдолюбие.

Она криво улыбается.

– Не переживай. Только правдолюбые говорят правду в этом случае.

Один из узлов в моей груди ослабевает. Может, я не ужасный человек.

– Я полагаю, что это не совсем так. Правду говорят правдолюбые... и альтруисты, – продолжает она. – А значит, у нас проблема.

У меня отвисает челюсть.

– С другой стороны, ты бросилась на пса, чтобы защитить от него маленькую девочку, а это альтруистическая реакция... Но когда мужчина сказал тебе, что правда спасет его, ты продолжала упорствовать во лжи. Это не альтруистическая реакция. – Она вздыхает. – Ты не убежала от пса – так поступают лихачи, но лихачи берут нож, а ты не взяла.

Она прочищает горло и продолжает:

– Твоя здравая реакция на пса означает сильную тягу к Эрудиции. Понятия не имею, как толковать твою нерешительность на первом этапе, но...

– Погодите, – перебиваю я. – Выходит, вы не представляете, к чему я склонна?

– И да и нет. Мой вывод, – поясняет она, – что ты выказала равную склонность к Альтруизму, Лихости и Эрудиции. Люди, которые получают подобный результат... – она оглядывается через плечо, как будто ожидает кого-то увидеть, – называются... дивергентами.

Последнее слово она произносит так тихо, что его почти не слышно, и снова становится напряженной и беспокойной. Она огибает кресло и наклоняется ко мне.

– Беатрис, – произносит она, – ты ни в коем случае не должна об этом рассказывать. Это очень важно.

– Мы не должны делиться результатами, – киваю я. – Я знаю.

– Нет.

Тори опускается на колени рядом с креслом и кладет руки на

подлокотник. Между нашими лицами всего несколько дюймов.

– Это другое. Я не о том, что ты не должна ими делиться сейчас; я о том, что ты не должны ими делиться ни с кем, никогда, что бы ни случилось. Дивергенция крайне опасна. Ты понимаешь?

Я не понимаю, как могут неокончательные результаты проверки быть опасны, но киваю. Мне все равно не хочется ни с кем делиться результатами.

– Ладно.

Я отлепляю руки от подлокотников и встаю. Меня пошатывает.

– Советую пойти домой, – говорит Тори. – Тебе нужно хорошенько поразмыслить, а ожидание вместе с остальными может пойти во вред.

– Я должна предупредить брата.

– Я сама ему скажу.

Выходя из комнаты, я держусь за лоб и гляжу в пол. Я не в силах смотреть Тори в глаза. Я не в силах думать о завтрашней Церемонии выбора.

Теперь это мой выбор, что бы ни показал тест.

Альтруизм. Лихость. Эрудиция.

Дивергенция.

Я решаю не садиться на автобус. Если я вернусь домой рано, отец заметит это, проверяя домашний журнал в конце дня, и мне придется объяснять, что случилось. Вместо этого я иду пешком. Мне нужно перехватить Калеба, прежде чем он обмолвится о чем-нибудь при родителях, но Калеб умеет хранить секреты.

Я иду посередине дороги. Автобусы стараются прижиматься к обочине, так что здесь безопаснее. Там и сям на улицах рядом с домами я вижу следы желтых линий. Они больше не нужны, ведь у нас так мало машин. Светофоры тоже больше не нужны, но кое-где они еще висят над дорогой, угрожая свалиться в любой момент.

Реновация медленно продвигается по городу, лоскутному одеялу новых, чистых зданий и старых, крошащихся. Большинство новых зданий стоит рядом с болотом, которое в прежние времена было озером. Добровольная организация Альтруизма, в которой работает мать, отвечает за большинство этих реноваций.

Когда я смотрю на образ жизни альтруистов глазами чужака, он кажется мне прекрасным. Когда я наблюдаю за совершенным согласием нашей семьи, когда мы ходим на званые ужины, где все убирают за собой без просьб и понуканий, когда я вижу, как Калеб помогает незнакомцам

носить сумки с продуктами, я заново влюбляюсь в подобную жизнь. И лишь когда пытаюсь жить ею, возникают проблемы. Я чувствую фальшь.

Но выбрать другую фракцию означает отречься от своей семьи. Навсегда.

Сразу за сектором Альтруизма начинается полоса остовов зданий и разбитых тротуаров, по которой я сейчас и иду. Местами дорога совершенно развалилась, обнажив канализационные системы и пустые тоннели, которые надо старательно обходить; местами так сильно воняет нечистотами и мусором, что приходится зажимать нос.

Здесь живут бесфракционники. Они не сумели завершить инициацию и вступить в фракцию, которую выбрали, и потому живут в нищете, выполняя работу, на которую никто другой не согласен. Они работают дворниками, строителями и сборщиками мусора, ткнут материю, водят поезда и автобусы. В обмен на свой труд они получают пищу и одежду, но, как говорит моя мать, ни того ни другого им не хватает.

Я вижу бесфракционника на углу впереди. На нем поношенный коричневый костюм, и кожа складками свисает с его челюсти. Он смотрит на меня, а я смотрю на него, не в силах отвести глаз.

– Извини, – говорит он дребезжащим голосом. – Нет ли у тебя чего-нибудь съедобного?

У меня комок встает в горле. Строгий голос в голове требует: «Опусти голову и иди своей дорогой».

Нет. Я качаю головой. Я не должна бояться этого мужчины. Ему нужна помощь, и я должна ему помочь.

– Мм... да.

Я лезу в сумку. Отец велит всегда носить еду в сумке, как раз на такой случай. Я протягиваю мужчине пакетик сушеных яблочных долек.

Он тянется к ним, но его пальцы смыкаются не на пакетике, а у меня на запястье. Он улыбается мне. У него трещина между передними зубами.

– Какие красивые глазки, – произносит он. – Жаль, остальное подкачало.

Мое сердце колотится. Я отдергиваю руку, но его хватка становится крепче. Я слышу что-то едкое и неприятное в его дыхании.

– Не слишком ли ты мала, чтобы разгуливать в одиночестве, дорогуша? – спрашивает он.

Я перестаю тянуть руку и выпрямляю спину. Я знаю, что выгляжу маленькой; ни к чему об этом напоминать.

– Я старше, чем кажусь, – возражаю я. – Мне шестнадцать.

Он широко растягивает губы, обнажая серый коренной зуб с черной

дырой. Я не могу понять, улыбается он или гримасничает.

– Выходит, сегодня у тебя особенный день? День перед выбором?

– Отпустите, – требую я.

В ушах звенит. Мой голос звучный и строгий... совсем не такой, как я ожидала. Он словно не принадлежит мне.

Я готова. Я знаю, что делать. Я представляю, как бью его локтем в живот. Вижу, как пакетик яблок летит в сторону. Слышу, как бегу прочь. Я готова действовать.

Но затем он отпускает мою руку, берет яблоки и говорит:

– Не промахнись с выбором, крошка.

Глава 4

Я подхожу к своей улице на пять минут раньше, чем обычно, если верить наручным часам – единственному украшению, дозволенному Альтруизмом, и то лишь потому, что они практичны. У них серый ремешок и стеклянный циферблат. Если наклонить его под правильным углом, то можно кое-как рассмотреть свое отражение поверх стрелок.

Дома на моей улице все одного размера и формы. Они построены из серого бетона, с редкими окнами – экономичные кубики без лишней чепухи. Газоны заросли росичкой, а почтовые ящики сделаны из тусклого металла. Кому-то подобный пейзаж покажется мрачным, но меня простота успокаивает.

Причина простоты – не презрение к уникальности, как иногда толкуют другие фракции. Все – наши дома, одежда, прически – должно помогать нам забывать о себе и защищать нас от тщеславия, жадности и зависти, которые всего лишь варианты эгоизма. Если мы мало имеем и мало хотим, если мы все одинаковы, мы никому не завидуем.

Я пытаюсь полюбить это.

Я сажусь на переднем крыльце и жду, когда придет Калеб. Долго ждать не приходится. Через минуту я вижу на улице силуэты в серых балахонах. Слышу смех. В школе мы стараемся не привлекать к себе внимания, но как только оказываемся дома, начинаются игры и шутки. Впрочем, моя природная склонность к сарказму все равно не поощряется. Сарказм – всегда насмешка над другими. Возможно, это и к лучшему, что Альтруизм хочет, чтобы я его не проявляла. Возможно, мне не следует покидать свою семью. Возможно, если я постараюсь влиться в ряды альтруистов, все получится.

– Беатрис! – окликает Калеб. – Что случилось? У тебя все хорошо?

– Вполне.

Рядом с ним Сьюзен и ее брат Роберт, и Сьюзен бросает на меня странный взгляд, как будто я уже не тот человек, которого она знала сегодня утром. Я пожимаю плечами.

– Когда проверка закончилась, мне стало плохо. Наверное, от той жидкости, которую нам дали выпить. Но сейчас уже лучше.

Я пытаюсь убедительно улыбнуться. Похоже, я обманула Сьюзен и Роберта, которые больше не кажутся обеспокоенными моим умственным состоянием, но Калеб сужает глаза, как всегда, когда подозревает кого-то в

двуличии.

– Вы ехали сегодня на автобусе?

Мне все равно, как Сьюзен и Роберт вернулись из школы, просто нужно сменить тему.

– Отец работает допоздна, – поясняет Сьюзен, – и сказал, что нам нужно время подумать перед завтрашней церемонией.

Мое сердце колотится при упоминании церемонии.

– Заходите попозже, если хотите, – вежливо предлагает Калев.

– Спасибо. – Сьюзен улыбается Калебу.

Роберт поднимает бровь. Мы с ним переглядываемся весь последний год, пока Сьюзен и Калев робко флиртуют в свойственной одним лишь альтруистам манере. Калев смотрит вслед Сьюзен. Мне приходится схватить его за руку, чтобы он очнулся. Я веду его в дом и закрываю за нами дверь.

Он поворачивается ко мне. Его темные прямые брови сдвигаются так, что между ними появляется складка. Когда он хмурится, то больше похож на мать, чем на отца. На мгновение перед моим мысленным взором мелькает его будущая жизнь, такая же, как у отца: он останется в Альтруизме, выучится ремеслу, женится на Сьюзен и заведет детей. Это будет чудесно.

Возможно, я этого не увижу.

– Теперь ты скажешь мне правду? – тихо спрашивает он.

– Правда в том, – отвечаю я, – что я не должна ничего обсуждать. А ты не должен спрашивать.

– Ты столько раз пренебрегала правилами, а сейчас не можешь? Даже в таком важном деле?

Его брови сходятся, он покусывает уголок губ. Хотя в его словах упрек, он словно прощупывает почву... как будто ему действительно нужен мой ответ.

Я щурюсь.

– А ты? Что случилось во время *твоей* проверки, Калев?

Наши взгляды встречаются. Я слышу гудок поезда, совсем тихий, похожий на свист ветра в переулке. Но я сразу узнаю его. Словно лихачи зовут меня.

– Просто... не говори родителям, что случилось, ладно? – прошу я.

Он несколько секунд не сводит с меня глаз и кивает.

Я хочу подняться наверх и лечь. Проверка, прогулка и стычка с бесфракционником измотали меня. Но брат приготовил завтрак сегодня утром, мать приготовила обеда, а отец приготовил ужин вчера вечером, так

что моя очередь готовить. Я делаю глубокий вдох и иду на кухню.

Через минуту ко мне присоединяется Калев. Я стискиваю зубы. Он всегда помогает. Что меня больше всего в нем раздражает, так это его природная доброта, врожденная самоотверженность.

Мы с Калевом работаем молча. Я готовлю горох на плите. Он размораживает четыре куса курицы. Большая часть нашей еды замороженная или консервированная, потому что фермы в наши дни далеко. Мать однажды сказала, что давным-давно некоторые люди не покупали генетически измененные продукты, потому что считали их ненатуральными. У нас не осталось выбора.

Когда родители возвращаются домой, ужин готов и стол накрыт. Отец бросает сумку у порога и целует меня в макушку. Другие люди считают его категоричным – быть может, слишком категоричным, – но он также и любящий. Я стараюсь видеть в нем только хорошее; правда стараюсь.

– Как проверка? – спрашивает он.

Я накладываю горох в миску.

– Хорошо, – отвечаю я.

Я не гоюсь в правдолюбы. Ложь дается мне слишком легко.

– Говорят, с одним из тестов возникли проблемы, – замечает мать.

Как и отец, она работает на правительство, только заведует проектами городского усовершенствования. Она набирала добровольцев для проверки склонностей. Большую часть времени, однако, она организует рабочих, чтобы обеспечивать бесфракционников едой, работой и кровом.

– Неужели? – переспрашивает отец.

Проблемы с проверкой склонностей редки.

– Я толком не знаю, но моя подруга Эрин рассказала, что один из тестов пошел наперекосяк, так что результаты пришлось сообщить устно.

Мать раскладывает салфетки рядом с тарелками.

– Очевидно, ученику стало плохо, и его отправили домой. – Она пожимает плечами. – Надеюсь, с ним все хорошо. Вы двое что-нибудь слышали об этом?

– Нет, – отвечает Калев и улыбается матери.

Мой брат тоже не годится в правдолюбы.

Мы сидим за столом. Мы всегда передаем еду слева направо, и все ждут, пока остальные получают тарелки. Отец протягивает руки матери и брату, а они протягивают руки ему и мне, и отец благодарит Господа за пищу, работу, друзей и семью. Не каждая семья альтруистов религиозна, но отец говорит, что мы должны стараться не замечать подобных отличий, потому что они только разделяют нас. Не уверена, как это понимать.

– Ну? – говорит мать отцу. – Расскажи мне.

Она берет ладонь отца и водит большим пальцем по костяшкам его пальцев. Я смотрю на их соединенные руки. Родители любят друг друга, но редко выказывают приязнь подобным образом у нас на глазах. Они научили нас, что физический контакт очень силен, поэтому я остерегаюсь его с детства.

– Расскажи мне, что тебя беспокоит, – добавляет она.

Я смотрю на тарелку. Мамина проникательность порой меня удивляет, но сейчас мне становится стыдно. Почему я так сосредоточилась на себе и не заметила его хмурого вида и сгорбленной позы?

– Трудный день на работе, – отвечает он. – Точнее, трудный день у Маркуса, я не должен говорить о себе.

Маркус – коллега отца; они оба политические лидеры. Городом управляет совет из пятидесяти человек, все до единого – представители Альтруизма, поскольку наша фракция считается неподкупной из-за своей приверженности бескорыстию. Члены совета выдвигаются из наших рядов за безупречный характер, моральную стойкость и лидерские качества. Представители остальных фракций могут выступать на заседаниях по конкретным вопросам, но в конечном итоге решение за советом. И хотя технически совет выносит решения совместно, Маркус особенно влиятелен.

Так заведено с самого начала Великого Мира, когда были образованы фракции. Я думаю, система держится на нашем страхе того, что может произойти в случае ее краха, – войны.

– Это из-за того отчета, изданного Жанин Мэтьюз? – спрашивает мать.

Жанин Мэтьюз – единственный представитель Эрудиции. Ее выбрали за высокий коэффициент интеллекта. Отец часто жалуется на нее.

Я поднимаю глаза.

– Отчета?

Кaleb бросает на меня предостерегающий взгляд. Мы не должны разговаривать во время ужина, если родители не зададут нам прямой вопрос, а они обычно не задают. Наши наостренные уши – лучший подарок, говорит отец. Свои наостренные уши они подарят нам после ужина, в общей комнате.

– Да, – подтверждает отец, сузив глаза. – Эта заносчивая, самодовольная...

Он умолкает и откашливается.

– Прошу прощения. Но она издала отчет, в котором критикует характер Маркуса.

Я выгибаю брови.

– Что в нем написано? – спрашиваю я.

– Беатрис, – тихо произносит Калев.

Я опускаю голову и верчу вилку в руках, пока жар не покидает мои щеки. Я не люблю, когда мне выговаривают. Особенно брат.

– В нем написано, – произносит отец, – что жестокость и бессердечие Маркуса по отношению к сыну заставили того выбрать Лихость вместо Альтруизма.

Рожденные в Альтруизме редко решаются покинуть его. Если это все же случается, то запоминается надолго. Два года назад сын Маркуса, Тобиас, оставил нас ради Лихости, и Маркус был опустошен. Тобиас был его единственным ребенком – и единственным членом семьи, поскольку жена Маркуса умерла вторыми родами. Младенец умер несколько минут спустя.

Я ни разу не встречала Тобиаса. Он редко посещал общинные мероприятия и никогда не ужинал у нас со своим отцом. Мой отец часто замечал, что это странно, но какая теперь разница?

– Жестокий? Маркус? – Мать качает головой. – Несчастный! Как будто ему нужно напоминать об утрате!

– Ты хотела сказать, о предательстве сына? – холодно поправляет отец. – Ничего удивительного. Эрудиты атакуют нас своими отчетами уже несколько месяцев. И это не конец. Уверен, продолжение следует.

Я не должна говорить, но не могу удержаться.

– Почему они это делают? – выпаливаю я.

– Почему бы тебе не воспользоваться возможностью послушать отца, Беатрис? – кротко спрашивает мать.

Ее слова звучат как предложение, а не команда. Я смотрю через стол на Калеба, на лице которого написано неодобрение.

Я опускаю взгляд в тарелку. Сомневаюсь, что смогу и дальше жить этой упорядоченной жизнью. Я недостаточно хороша.

– Ты знаешь почему, – отвечает отец. – Потому что у нас есть то, что им нужно. Тот, кто ценит знание превыше всего, неминуемо жаждет власти, а это заводит в темные и пустые края. Мы должны быть благодарны за то, что мы иные.

Я киваю. Я знаю, что не выбрала бы Эрудицию, хотя по результатам проверки могла бы. Я дочь своего отца.

Родители прибираются после ужина. Они даже отказываются от помощи Калеба, потому что сегодня вечером мы должны побыть в одиночестве и обдумать свои результаты, а не сидеть в общей комнате.

Семья могла бы помочь сделать выбор, если бы я могла рассказать о своих результатах. Но я не могу. Предостерегающий шепот Тори звучит у меня в голове всякий раз, как решимость держать рот на замке ослабевает.

Мы с Калемом поднимаемся наверх, и, перед тем как разойтись по спальням, он кладет руку мне на плечо.

– Беатрис. – Он строго смотрит мне в глаза. – Мы должны думать о своей семье. – Его голос непривычно резок. – Но мы должны подумать и о себе.

Мгновение я смотрю на него. Я никогда не видела, чтобы он думал о себе, никогда не слышала, чтобы он настаивал на чем-то, кроме бескорыстия.

Я так поражена его замечанием, что говорю лишь то, что положено.

– Тесты не должны повлиять на наш выбор.

Он чуть улыбается.

– Не должны?

Он сжимает мое плечо и уходит в спальню. Я заглядываю в его комнату и вижу разобранную постель и кипу книг на столе. Он закрывает дверь. Жаль, я не могу сказать ему, что мы переживаем одно и то же. Жаль, я не могу поговорить с ним, как мне хочется, а не так, как положено. Но признаться ему в том, что мне нужна помощь... страшно даже подумать, и я отворачиваюсь.

Я захожу в свою комнату, закрываю за спиной дверь и понимаю, что решение может быть простым. Нужна великая самоотверженность, чтобы выбрать Альтруизм, и великая отвага, чтобы выбрать Лихость, и, возможно, сделанный выбор сам подтвердит мою правоту. Завтра эти два качества сразятся во мне, и только одно сумеет победить.

Глава 5

В автобусе, на котором мы едем на Церемонию выбора, полно людей в серых рубашках и брюках. Бледный кружок солнца прожигает облака, как будто кончик сигареты. Я ни за что не стану курить – сигареты тесно связаны с тщеславием, – но когда мы подъезжаем, толпа правдолюбков курит перед зданием.

Мне приходится запрокинуть голову, чтобы разглядеть вершину «Втулки», и даже тогда часть ее теряется в облаках. Это самое высокое здание в городе. Я вижу огни на двух зубцах его крыши из окна своей спальни.

Я выхожу из автобуса следом за родителями. Кaleb выглядит спокойным, как могла бы выглядеть и я, если бы знала, что мне делать. Вместо этого я испытываю смутное чувство, будто мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и хватаю брата за руку, чтобы не упасть, поднимаясь по главной лестнице.

Лифт переполнен, и отец уступает наше место группе товарищей. Вместо лифта мы поднимаемся по лестнице, беспрекословно повинаясь отцу. Мы показываем пример членам своей фракции, и вскоре сумрачную бетонную лестницу затопляют люди в серой одежде. Я подстраиваюсь под их шаг. Размеренный топот и однородность толпы заставляют поверить, что я могу это выбрать. Влиться в общественный разум Альтруизма, неизменно направленный вовне.

Но потом у меня начинают болеть ноги, воздуха не хватает, и я снова отвлекаюсь на себя. Нужно подняться по двадцати лестничным пролетам, чтобы попасть на Церемонию выбора.

Отец придерживает дверь на двадцатом этаже и стоит как часовой, пока альтруисты проходят мимо. Я бы подождала его, но толпа толкает меня вперед, прочь из лестничного колодца, в зал, где я выберу свое будущее.

Зал устроен концентрическими кругами. Снаружи стоят шестнадцатилетки всех фракций. Нас пока не называют членами фракции; сегодняшние решения сделают нас неофитами, и мы станем членами фракции, если завершим инициацию.

Мы выстраиваемся в алфавитном порядке в соответствии с фамилиями, которые можем отвергнуть сегодня. Я стою между Калемом и Даниэль Пёлер, товаркой с розовыми щеками, в желтом платье.

В следующем кругу стоят ряды стульев для наших семей. Они разделены на пять секций, по числу фракций. Не все члены фракций пришли на Церемонию выбора, но достаточно, чтобы толпа казалась огромной.

Ответственность за проведение церемонии переходит от фракции к фракции каждый год, и сегодня очередь Альтруизма. Маркус прочтет вступительное слово и назовет имена в обратном алфавитном порядке. Кaleb сделает выбор передо мной.

В последнем кругу – пять металлических чаш, таких больших, что я поместилась бы в них целиком, если бы свернулась клубочком. В чашах содержатся символы фракций: серые камни Альтруизма, вода Эрудиции, земля Товарищества, горящие угли Лихости и стекло Правдолюбия.

Когда Маркус назовет мое имя, я выйду в центр трех кругов. Я буду молчать. Он протянет мне нож. Я порежу себе руку и брызну кровью в чашу выбранной фракции.

Моя кровь стынет на камнях. Моя кровь шипит на углях.

Прежде чем сесть, родители встают перед нами с Калемом. Отец целует меня в лоб и хлопает Калеба по плечу, улыбаясь.

– Скоро увидимся, – говорит он без тени сомнения.

Мать обнимает меня, и я едва не теряю последние остатки решимости. Я стискиваю зубы и смотрю в потолок, где висят круглые лампы, наполняющие комнату голубоватым светом. Мать держит меня слишком долго, даже после того, как я опускаю руки. Прежде чем отстраниться, она поворачивает голову и шепчет мне на ухо:

– Я люблю тебя. Что бы ни случилось.

Я хмурюсь ей в спину, когда она отходит. Она знает, что я могу сделать. Не может не знать, иначе не сказала бы этого.

Кaleb хватает меня за руку и сжимает так сильно, что становится больно, но я не вырываюсь. В последний раз мы держались за руки на похоронах дяди, когда отец плакал. Нам нужна сила друг друга, совсем как тогда.

Зал постепенно успокаивается. Мне следовало бы наблюдать за лихачами; следовало бы впитывать как можно больше информации, но я могу лишь смотреть на светильники. Я пытаюсь раствориться в голубоватом сиянии.

Маркус стоит на возвышении между Эрудицией и Лихостью и откашливается в микрофон.

– Добро пожаловать, – произносит он. – Добро пожаловать на Церемонию выбора. Сегодня день, когда мы чтим демократическую

философию своих предков, которая говорит нам, что каждый человек имеет право выбрать свой путь в этом мире.

Или, приходит мне в голову, один из пяти предначертанных путей. Я стискиваю пальцы Калеба так же сильно, как он стискивает мои.

– Нашим детям исполнилось шестнадцать. Они стоят на пороге взрослой жизни, и настала пора решить, какими людьми они станут. – Голос Маркуса торжественен и придает равный вес каждому слову. – Десятилетия назад наши предки осознали, что не политическая идеология, религиозные верования, раса или национализм виновны в непрекращающихся войнах. Напротив, они решили, что это вина человеческой личности – склонности человечества ко злу, в какой бы форме это ни выражалось. Они разделились на фракции, стремившиеся искоренить те качества, которые считали виновными в мировом беспорядке.

Я бросаю взгляд на чаши в центре комнаты. Во что я верю? Я не знаю, не знаю, не знаю.

– Те, кто винил агрессию, образовали Товарищество.

Товарищи обмениваются улыбками. Они удобно одеты в красное или желтое. Всякий раз, как я их вижу, они кажутся добрыми, любящими, свободными. Но мне никогда не хотелось присоединиться к ним.

– Те, кто винил невежество, вступили в Эрудицию.

Исключить Эрудицию – самая легкая часть моего выбора.

– Те, кто винил двуличие, создали Правдолюбие.

Я никогда не тяготела к Правдолюбию.

– Те, кто винил эгоизм, построили Альтруизм.

Я виню эгоизм; определенно, виню.

– А те, кто винил трусость, породили Лихость.

Но я недостаточно самоотверженна. Шестнадцать лет старалась, и до сих пор недостаточно.

Мои ноги немеют, как будто из них выкачали всю жизнь. Как же я пойду, когда назовут мое имя?

– Трудясь бок о бок, эти пять фракций живут в мире уже много лет, и каждая вносит вклад в свой сектор общества. Альтруизм удовлетворяет потребность в бескорыстных лидерах в правительстве; Правдолюбие обеспечивает надежными и честными лидерами в юриспруденции; Эрудиция поставляет образованных учителей и исследователей; Товарищество дает понимающих воспитателей и сиделок; Лихость гарантирует защиту от внутренних и внешних угроз. Но влияние каждой фракции не ограничено этими областями. Мы даем друг другу намного

больше, чем можно описать словами. В своих фракциях мы находим смысл, находим цель, находим жизнь.

Я думаю о лозунге, который прочла в учебнике истории фракций: «Фракция превыше крови». Мы принадлежим своим фракциям больше, чем семьям. Правильно ли это?

– Без них мы не выживем, – добавляет Маркус.

Он умолкает, и повисает тишина, непривычно тяжелая. Она прогибается под весом нашего худшего страха, превосходящего даже страх смерти: стать бесфракционником.

Маркус продолжает:

– И потому сегодняшний день – это праздник; день, когда в наши ряды вливаются новые члены, которые будут трудиться вместе с нами ради лучшего общества и лучшего мира.

Взрыв аплодисментов. Они кажутся приглушенными. Я стараюсь стоять совершенно неподвижно, потому что с онемелыми коленями и застывшим телом меня не трясет. Маркус читает первые имена, но я не могу отличить один слог от другого. Как я узнаю, когда он назовет мое имя?

Шестнадцатилетки один за другим покидают круг и выходят на середину зала. Первая девочка выбирает Товарищество, фракцию, в которой она родилась. Я слежу, как капли ее крови падают на землю, и она одна встает за стульями товарищей.

Комната находится в непрестанном движении, очередное имя и очередной подросток, очередной нож и очередной выбор. Я узнаю большинство присутствующих, но сомневаюсь, что они знают меня.

– Джеймс Такер, – произносит Маркус.

Джеймс Такер из Лихости – первый, кто спотыкается на пути к чашам. Он взмахивает руками, и ему удается сохранить равновесие. Его лицо становится красным, и он быстро выходит на середину зала. Стоя в центре, он переводит взгляд с чаши Лихости на чашу Правдолюбия – оранжевые языки пламени взлетают все выше, стекло отражает голубоватый свет.

Маркус протягивает ему нож. Джеймс глубоко вдыхает – я вижу, как вздымается его грудь, – и принимает нож на выдохе. Затем он чиркает ножом по ладони и протягивает руку в сторону. Его кровь капает на стекло, и он первый из нас, кто сменил фракцию. Первый переход между фракциями. В секторе Лихости поднимается ропот, и я смотрю в пол.

Впредь его будут считать предателем. Семья лихачей сможет навестить его в новой фракции через полторы недели, в День посещений, но не станет этого делать, потому что он ее отверг. Его будет не хватать в

коридорах их дома, и он оставит после себя пустоту, которую невозможно заполнить. Но пройдет время, и рана затянется, как при удалении органа, когда его место занимают телесные жидкости. Люди не в состоянии долго выносить пустоту.

– Кaleb Прайор, – вызывает Маркус.

Кaleb в последний раз сжимает мою руку и идет прочь, бросив на меня долгий взгляд через плечо. Я слежу, как его ноги движутся к середине зала и как его руки уверенно принимают нож у Маркуса и ловко полосуют одна другую. Кровь копится в его ладони, и он прикусывает губу.

Он выдыхает. Вдыхает. Вытягивает руку над чашей Эрудиции, и его кровь капает в воду, окрашивая ее в более глубокий красный цвет.

Я слышу ропот, перерастающий в возмущенные крики. Мысли путаются. Мой брат, мой самоотверженный брат, перешел в другую фракцию? Мой брат, прирожденный альтруист, – эрудит?

Я закрываю глаза и вижу кипу книг на столе Калеба и его дрожащие руки, елозящие по ногам после проверки склонностей. Почему я не поняла, что, когда вчера он советовал мне подумать о себе, он также советовал и себе самому?

Я разглядываю толпу эрудитов – они самодовольно улыбаются и подталкивают друг друга. Альтруисты, обычно столь безмятежные, переговариваются напряженным шепотом и поглядывают через комнату на фракцию, ставшую нашим врагом.

– Прошу прощения, – говорит Маркус.

Толпа его не слышит.

– Тихо, пожалуйста! – кричит он.

Все стихает. И только что-то звенит.

Я слышу свое имя, и судорога выносит меня вперед. На полпути к чашам я уверена, что выберу Альтруизм. Сомнений нет. Я вижу, как становлюсь взрослой женщиной в сером балахоне, выхожу за брата Сьюзен, Роберта, работаю добровольцем по выходным. Мирная рутина, тихие ночи перед камином, уверенность, что я буду в безопасности и даже если и недостаточно хороша, то хотя бы лучше, чем сейчас.

Я осознаю, что это звенит у меня в ушах.

Я смотрю на Калеба за спинами эрудитов. Он глядит на меня и чуть кивает, как будто знает, о чем я думаю, и соглашается с этим. Я спотыкаюсь. Если Кaleb не был создан для Альтруизма, выходит, я и подавно? Но что мне делать теперь, когда он нас покинул и я осталась одна? Он лишил меня выбора.

Я стискиваю зубы. Я буду ребенком, который остался; я обязана так

поступить ради своих родителей. Обязана.

Маркус протягивает мне нож. Я смотрю ему в глаза – темно-синие, странного цвета – и принимаю нож. Маркус кивает, и я поворачиваюсь к чашам. Огонь Лихости и камни Альтруизма – слева от меня, одна чаша перед плечом, другая за ним. Я держу нож в правой руке и касаюсь лезвием ладони. Стиснув зубы, я веду лезвие вниз. Больно, но я почти не замечаю этого. Я прижимаю обе руки к груди и, содрогаясь, выдыхаю.

Я открываю глаза и вытягиваю руку. Кровь капает на ковер между двумя чашами. Затем, не сумев сдержать вздох, я перевожу руку вперед, и моя кровь шипит на углях.

Я эгоистичная. Я смелая.

Глава 6

Я опускаю глаза и встаю за рожденными в Лихости неофитами, которые решили вернуться в собственную фракцию. Все они выше меня, так что, даже запрокинув голову, я вижу лишь обтянутые черным плечи. Когда последняя девушка делает свой выбор – Товарищество, – наступает пора уходить. Лихачи покидают зал первыми. Я иду мимо мужчин и женщин в серой одежде, своей бывшей фракции, и не свожу глаз с чужого затылка.

Но я должна увидеть родителей еще раз. Я оборачиваюсь через плечо в последний момент перед тем, как пройти мимо них, и немедленно жалею об этом. Взгляд отца обвинительно впивается в меня. Сначала, когда у меня жжет глаза, мне кажется, что он нашел способ поджечь меня, наказать за то, что я сделала... но нет, просто я готова расплакаться.

Рядом с ним улыбается мать.

Сзади напирают, гонят прочь от семьи, которая выйдет из зала последней. Они даже могут остаться, чтобы составить стулья и очистить чаши. Я верчу головой, чтобы отыскать Калеба в толпе эрудитов за моей спиной. Он стоит среди остальных неофитов, пожимая руку другому переходнику, бывшему правдолюбу. Его беспечная улыбка – акт предательства. У меня сводит живот, и я отворачиваюсь. Если для него это так легко, возможно, это должно быть легко и для меня.

Я бросаю взгляд на парня слева, который был эрудитом, а теперь бледен и тревожен не меньше меня. Я все время потратила на размышления, какую фракцию выбрать, и ни разу не задумалась, что случится, если я выберу Лихость. Что ждет меня в штаб-квартире Лихости?

Толпа лихачей ведет нас к лестнице вместо лифтов. Я думала, только альтруисты пользуются лестницами.

Затем все пускаются бегом. Вокруг раздаются уханье, возгласы и смех, и десятки ног топают в нестройном ритме. Для лихачей хождение по лестнице – не акт бескорыстия, это дикий всплеск.

– Что за чертовщина тут творится? – кричит парень рядом со мной.

Я лишь качаю головой и продолжаю бежать. Я задыхаюсь, когда мы достигаем первого этажа и лихачи вываливаются на улицу. Воздух снаружи морозный и свежий, а небо оранжевое от закатного солнца. Оно отражается в черном стекле «Втулки».

Лихачи рассыпаются по улице, преграждая дорогу автобусу, и я

прибавляю ходу, чтобы догнать хвост толпы. Мое замешательство рассеивается на бегу. Я давным-давно не бегала. Альтруизм не одобряет ничего, что делается исключительно для собственного удовольствия, и вот результат: мои легкие горят, мышцы болят; свирепое удовольствие бега во весь опор. Я следую за лихачами по улице, поворачиваю за угол и слышу знакомый звук: гудок паровоза.

– Только не это, – бормочет эрудит. – Мы должны запрыгнуть на эту штуковину?

– Да. – Я задыхаюсь.

Хорошо, что я так часто наблюдала за прибытием лихачей в школу. Толпа вытягивается в длинную очередь. Поезд скользит к нам по стальным рельсам, его фонарь мигает, гудок ревет. Двери всех вагонов открыты в ожидании лихачей, и они грузятся группа за группой, пока не остаются одни неофиты. Неофиты, рожденные в Лихости, давно привыкли это делать, так что через мгновение остаются только переходники.

Я шагаю вперед с другими ребятами и пускаюсь трусцой. Мы пару секунд бежим рядом с вагоном и затем бросаемся вбок. Я не такая высокая и сильная, как некоторые, и потому не могу подтянуться. Я цепляюсь за ручку рядом с дверью, ударяясь плечом о вагон. Руки дрожат, и наконец правдолюбка хватается меня и затаскивает внутрь. Задыхаясь, я благодарю ее.

Я слышу крик и оборачиваюсь. Коротышка-эрудит с рыжими волосами вовсю работает локтями, пытаясь догнать поезд. Эрудитка у двери протягивает парню руку, но он слишком отстал. Когда мы уезжаем, он падает на колени рядом с рельсами и обхватывает голову руками.

Мне становится не по себе. Он только что провалил инициацию Лихости. Теперь он бесфракционник. Это может случиться в любой момент.

– Все в порядке? – живо спрашивает правдолюбка, которая мне помогла. Она высокая, с темно-коричневой кожей и короткими волосами. Хорошенькая.

Я киваю.

– Меня зовут Кристина. – Она протягивает руку.

Рук я тоже давным-давно не пожимала. Альтруисты приветствуют друг друга кивком, знаком уважения. Я неуверенно беру ее ладонь и дважды встряхиваю, надеясь, что жму не слишком сильно или слабо.

– Беатрис, – представляюсь я.

– Ты знаешь, куда мы едем?

Ей приходится перекрикивать ветер, который задувает через открытые двери все сильнее с каждой секундой. Поезд набирает скорость. Я сажусь.

Ближе к земле проще сохранять равновесие. Девушка выгибает бровь.

– Быстрый поезд значит ветер, – поясняю я. – Ветер значит падение. Садись.

Кристина садится рядом и подается назад, чтобы прислониться к стене.

– Наверное, мы едем в штаб-квартиру Лихости, – говорю я, – но я не знаю, где это.

– А разве кто-нибудь знает? – Она качает головой, усмехаясь. – Можно подумать, они выскакивают из дыры в земле.

Порыв ветра проносится по вагону, и остальные переходники валятся друг на друга, сбитые с ног. Я наблюдаю, как Кристина смеется, хотя ничего не слышу, и растягиваю губы в улыбке.

За моим левым плечом оранжевый свет заходящего солнца отражается в стеклянных стенах, и я смутно вижу ряды серых зданий, служивших мне домом.

Сегодня очередь Калеба готовить ужин. Кто займет его место – отец или мать? И что они найдут в его комнате, затеяв уборку? Я воображаю книги, запихнутые между комодом и стеной, книги под матрасом. Жажда знаний заполнила все тайники в его комнате. Он всегда знал, что выберет Эрудицию? А если знал, как я могла не заметить?

Какой же он хороший актер! При этой мысли меня начинает подташнивать. Пусть я и оставила родителей, но, по крайней мере, я не слишком искусно притворялась. И все знали, что я недостаточно самоотверженна.

Я закрываю глаза и вижу, как отец и мать сидят за обеденным столом в тишине. Последние остатки бескорыстия заставляют мое горло сжаться при мысли о родителях; а может, это своекорыстие, ведь я знаю, что никогда больше не буду их дочерью?

– Они спрыгивают!

Я поднимаю голову. Шея болит. Я сижу, скрючившись у стены, уже по меньшей мере полчаса, прислушиваясь к реву ветра и глядя, как размазанный город проносится мимо. Я подаюсь вперед. В последние несколько минут поезд замедлил ход, и я вижу, что крикнувший парень прав: лихачи из передних вагонов выпрыгивают из поезда на крышу. Рельсы протянуты на высоте семи этажей.

От мысли, что придется выпрыгнуть из движущегося поезда на крышу, зная, что между краем крыши и рельсами есть щель, меня едва не выворачивает. Я пробираюсь вперед и, пошатываясь, иду на

противоположную сторону вагона, где остальные переходники выстраиваются в очередь.

– Нам тоже придется прыгнуть, – говорит правдолюбка. У нее большой нос и кривые зубы.

– Замечательно, – отвечает правдолюб, – чего уж разумнее, Молли. Спрыгнуть с поезда на крышу.

– На это мы и подписались, Питер, – указывает девушка.

– Ну и пусть, а я не буду, – произносит товарищ за спиной.

У него оливковая кожа, на нем коричневая рубашка – он единственный переходник из Товарищества. Его щеки блестят от слез.

– Ты должен, – говорит Кристина, – или провалишь инициацию. Ну же, все будет хорошо.

– Нет, не будет! Я лучше буду бесфракционером, чем мертвецом!

Товарищ качает головой. В его голосе паника. Он продолжает трясти головой и смотреть на крышу, которая приближается с каждой секундой.

Я с ним не согласна. Я лучше буду мертвой, чем опустошенной, как бесфракционники.

– Ты не можешь его заставить, – говорю я, глядя на Кристину.

Ее карие глаза широко распахнуты, а губы сжаты так сильно, что изменили цвет. Она протягивает мне руку.

– Возьми, – произносит она.

Я поднимаю бровь, собираясь сказать, что мне не нужна помощь, но она добавляет:

– Я просто... не смогу, если меня кто-нибудь не потащит.

Я беру ее за руку, и мы встаем на краю вагона. Когда он пролетает мимо крыши, я считаю:

– Раз... два... три!

На «три» мы выпрыгиваем из вагона. Мгновение невесомости, и мои ступни врезаются в твердую землю, а голени пронзает боль. Из-за жесткого приземления я растягиваюсь на крыше, прижатая щекой к гравию. Я выпускаю руку Кристины. Она смеется.

– Это было забавно, – говорит она.

Кристина легко вольется в ряды лихачей – искателей острых ощущений. Я смахиваю камешки со щеки. Все неопиты, кроме товарища, оказались на крыше, с тем или иным успехом. Правдолюбка с кривыми зубами, Молли, морщится и держится за лодыжку, а Питер, правдолюб с блестящими волосами, гордо улыбается – должно быть, приземлился на ноги.

Затем я слышу вопль и поворачиваю голову в поисках источника звука.

Лихачка стоит на краю крыши, смотрит вниз и ревет. Лихач обнимает ее сзади, чтобы не упала.

– Рита, – повторяет он. – Рита, успокойся. Рита...

Я встаю и выглядываю за край. На мостовой под нами лежит тело; девушка с руками и ногами, изогнутыми под неестественными углами; ее волосы веером раскинулись вокруг головы. У меня сосет под ложечкой, и я перевожу взгляд на рельсы. Не все справились. И даже лихачи не в безопасности.

Рита падает на колени, всхлипывая. Я отворачиваюсь. Чем больше я буду смотреть на нее, тем вероятнее расплачусь сама, а я не могу плакать перед этими людьми.

Я говорю себе как можно строже, что здесь так заведено. Мы совершаем опасные поступки, и люди умирают. Люди умирают, и мы совершаем следующий опасный поступок. Чем скорее я усвою урок, тем больше у меня шансов пережить инициацию.

Я больше не уверена, что переживу инициацию.

Я говорю себе, что досчитаю до трех, а когда закончу, продолжу свой путь. «Раз». Я представляю тело девушки на мостовой и содрогаюсь. «Два». Я слышу всхлипы Риты и неразборчивые утешения парня за ее спиной. «Три».

Сжав губы, я отхожу от Риты и края крыши.

Локоть болит. Я задираю рукав, чтобы его осмотреть; рука дрожит. Кожа содрана, но крови нет.

– Ого! Какой скандал! Сухарь обнажил кусочек тела!

Я поднимаю голову. Сухарь – кличка альтруистов, а я здесь единственная альтруистка. Питер тычет в меня пальцем и ухмыляется. Я слышу смех. Мои щеки вспыхивают, и я опускаю рукав.

– Тихо все! Меня зовут Макс! Я один из лидеров вашей новой фракции! – кричит мужчина на дальней стороне крыши.

Он старше остальных, с глубокими морщинами на темной коже и сединой на висках, и он стоит на бортике крыши, как будто на тротуаре. Как будто никто только что не упал и не разбился насмерть.

– Несколькими этажами ниже – вход в наш лагерь. Если вы не сможете справиться с духом и прыгнуть – вам тут не место. Наши неофиты вправе пойти первыми.

– Вы хотите, чтобы мы прыгнули с бортика? – уточняет эрудитка.

Она на несколько дюймов выше меня, с мышиного цвета волосами и полными губами. У нее отвисает челюсть.

Не понимаю, почему ее это шокирует.

– Да, – отвечает Макс.

Похоже, ему весело.

– Там внизу вода или что-нибудь в этом роде?

– Кто знает? – Он поднимает брови.

Толпа перед неофитами раздается, освобождая для нас широкий проход. Я оглядываюсь. Никто особенно не рвется прыгать с крыши – все смотрят куда угодно, только не на Макса. Кто-то изучает свои царапины или смахивает камешки с одежды. Я кошусь на Питера. Он ковыряет ноготь. Старается вести себя небрежно.

Я гордая. Когда-нибудь это не доведет меня до добра, но сегодня придает храбрости. Я иду к бортику и слышу смешки за спиной.

Макс отходит в сторону, освобождая мне путь. Я подхожу к краю и смотрю вниз. Ветер продувает одежду насквозь, хлопает тканью. Здание, на котором я стою, является стороной квадрата, образованного еще тремя такими же зданиями. Посередине квадрата – огромная дыра в бетоне. Я не вижу, что там, внутри.

Нас берут на испуг. Я благополучно приземлюсь на дне. Это знание – единственное, что помогает мне ступить на бортик. У меня стучат зубы. Идти на попятный поздно. Только не с этими людьми за спиной, которые бьются об заклад, что я провалюсь. Мои пальцы теребят воротник рубашки и нащупывают пуговицу. Через несколько попыток я расстегиваю рубашку от воротника до подола и стягиваю ее с плеч.

Внизу у меня серая футболка. Она обтягивает сильнее, чем любая другая моя одежда, и никто меня в ней раньше не видел. Я скатываю рубашку в комок и оглядываюсь на Питера. Сжав зубы, я со всей силы швыряю в него комок ткани. Он попадает ему в грудь. Питер глядит на меня. Я слышу свист и возгласы за спиной.

Я снова смотрю на дыру. Мои бледные руки покрываются мурашками, живот сводит. Если я не сделаю это сейчас, я вовсе не смогу это сделать. Я с трудом сглатываю.

Я не размышляю. Просто поджимаю колени и прыгаю.

Воздух завывает в ушах, когда земля несется ко мне, разрастаясь и ширясь, или я несусь к земле, а сердце колотится так сильно, что становится больно, и каждая мышца в теле напрягается по мере того, как ощущение падения скручивает желудок. Дыра окружает меня, и я падаю в темноту.

Я сильно ударяюсь о нечто. Нечто прогибается и баюкает мое тело. Удар вышибает из меня дух, и я хрипло пытаюсь вдохнуть. Руки и ноги болят.

Сеть. На дне дыры – сеть. Я смотрю вверх, на здание, и смеюсь, наполовину от облегчения, наполовину в истерике. Меня сотрясает дрожь, и я закрываю лицо руками. Я только что спрыгнула с крыши.

Я должна снова встать на твердую почву. Я вижу несколько рук, протянутых от края сети, хватаю первую, до которой могу достать, и подтягиваюсь. Я перекатываюсь и чуть не падаю лицом на деревянный пол, но он ловит меня.

«Он» – это молодой мужчина, обладатель руки, за которую я ухватилась. У него тонкая верхняя губа и полная нижняя. Его глаза посажены так глубоко, что ресницы касаются кожи под бровями; темно-синие глаза мечтательного, сонного, ждущего цвета.

Он хватается меня за плечи и отпускает на мгновение позже, чем я выпрямляюсь.

– Спасибо, – благодарю я.

Мы стоим на платформе в десяти футах над землей. Вокруг нас – открытая пещера.

– Поверить не могу, – произносит голос из-за спины парня.

Он принадлежит темноволосой девушке с тремя серебряными колечками в правой брови. Она ухмыляется, глядя на меня.

– Сухарь спрыгнул первым? Неслыханно.

– Она не просто так их оставила, Лорен, – возражает он глубоким, рокочущим голосом. – Как тебя зовут?

– Э-э... – Не знаю, почему я замялась. Но «Беатрис» больше не кажется правильным именем.

– Подумай как следует. – Его губы кривятся в слабой улыбке. – Второй раз выбирать не придется.

Новое место, новое имя. Здесь я смогу родиться заново.

– Трис, – уверенно отвечаю я.

– Трис, – усмехается Лорен. – Объяви, Четыре.

Парень – Четыре – оглядывается и кричит:

– Первой спрыгнула Трис!

По мере того как глаза привыкают, в темноте материализуется толпа. Люди одобрительно кричат и машут кулаками, а затем еще кто-то падает в сеть. Падение сопровождают крики. Кристина. Все смеются, но снова одобрительно кричат.

Четыре кладет руку мне на спину и говорит:

– Добро пожаловать в Лихость.

Глава 7

Когда все неофиты снова стоят на твердой земле, Лорен и Четыре ведут нас по узкому тоннелю. Стены сложены из камня, как и потолочные скосы, и в результате кажется, будто я погружаюсь в самое сердце земли. Тоннель освещен через большие промежутки, так что в темных переходах между тусклыми лампами я боюсь, что заблудилась, пока не налетаю на чужой локоть. В лужицах света я снова оказываюсь в безопасности.

Эрудит передо мной резко останавливается, и я врезаюсь в него, ударяясь носом о плечо. Спотыкаясь, я шагаю назад и потираю нос, приходя в себя. Остановилась вся толпа, и три наших лидера стоят впереди, сложив руки на груди.

– Здесь мы разделимся, – говорит Лорен. – Неофиты, рожденные в Лихости, – за мной. Полагаю, вам экскурсия не нужна.

Она улыбается и подзывает неофитов-лихачей. Они откалываются от группы и растворяются среди теней. Я слежу, как последние пятки скрываются во мраке, и перевожу взгляд на тех, кто остался. Большинство неофитов родились в Лихости, так что осталось всего девять человек. Из них я единственный переходник из Альтруизма, а переходников из Товарищества нет вовсе. Прочие – из Эрудиции и, как ни странно, Правдолюбия. Наверное, нужна смелость, чтобы все время быть честным. Мне об этом ничего не известно.

Четыре обращается к нам.

– Большую часть времени я работаю в диспетчерской, но следующие несколько недель я ваш инструктор, – сообщает он. – Меня зовут Четыре.

– Четыре? – переспрашивает Кристина. – Как цифра?

– Да, – подтверждает Четыре. – Что-то не так?

– Нет.

– Хорошо. Сейчас мы пойдем в Яму, которую вы рано или поздно полюбите. Это...

Кристина фыркает:

– Яма? Отличное название.

Четыре подходит к Кристине и наклоняется к ее лицу. Его глаза сужаются, и мгновение он просто смотрит на нее.

– Как тебя зовут? – тихо спрашивает он.

– Кристина, – пищит она.

– Вот что, Кристина, – шипит он, – если бы я хотел мириться с

наглецами-правдолюбам, я бы вступил в их фракцию. Вот первый урок, который я тебе преподаю: держи язык за зубами. Поняла?

Она кивает.

Четыре идет к тени в конце тоннеля. Толпа неофитов следует за ним.

– Вот придурок, – бормочет она.

– Наверное, он не любит, когда над ним смеются, – отвечаю я.

Пожалуй, с Четыре лучше быть поосторожнее, осознаю я. На платформе он казался безмятежным, но теперь его спокойствие чем-то меня настораживает.

Четыре распахивает двойные двери, и мы входим в помещение, которое он назвал Ямой.

– Ох, – шепчет Кристина. – Теперь понятно.

«Яма» – самое подходящее название. Это подземная пещера, такая огромная, что я не вижу противоположной стороны со дна, на котором стою. Неровные каменные стены возвышаются над головой на несколько этажей. В них высечены ниши для еды, одежды, припасов и отдыха. Соединяют их узкие тропинки и лестницы, вырезанные из камня. Перил, чтобы люди не падали, нет.

На одной из каменных стен лежит косой оранжевый луч. Крыша Ямы сделана из стеклянных панелей, а над ней возвышается здание, которое впускает солнечный свет. Наверное, оно казалось обычным городским зданием, когда мы проезжали мимо на поезде.

Голубоватые фонари, такие же как в Зале выбора, с неравными промежутками висят над каменными тропинками. Их свет становится ярче по мере захода солнца.

Люди повсюду, все в черном, все кричат и разговаривают, оживленно жестикулируя. Я не вижу в толпе пожилых. Существуют ли пожилые лихачи? Они не доживают до старости или их просто отсылают прочь, когда они больше не в состоянии прыгать с несущегося поезда?

Стайка детей бежит по узкой тропке без перил так быстро, что у меня колотится сердце, и хочется крикнуть им, чтобы притормозили, пока не убились. Перед глазами вспыхивает воспоминание об упорядоченных улицах Альтруизма: колонна людей справа проходит мимо колонны людей слева; скупые улыбки, склоненные головы и тишина. У меня сводит живот. Но в хаосе Лихости есть нечто чудесное.

– Идите за мной, – говорит Четыре, – и я покажу вам пропасть.

Он манит нас вперед. Его лицо кажется довольно заурядным по стандартам лихачей, но, когда он поворачивается спиной, из-под воротника его футболки выглядывает татуировка. Он ведет нас к правой стороне Ямы,

отчетливо темной. Я щурюсь и вижу, что пол, на котором я стою, кончается железным ограждением. Мы подходим к перилам, и я слышу рев – это вода, стремительно несущаяся вода разбивается о камни.

Я выглядываю за край. Пол обрывается под острым углом, и в нескольких этажах ниже мчится река. Неукротимый поток разбивается о стену и брызжет вверх. Слева от меня вода спокойнее, зато справа – сплошь белая, пенящаяся на камнях.

– Пропасть напоминает нам о тонкой грани между отвагой и глупостью! – кричит Четыре. – Безрассудный прыжок с этого уступа оборвет вашу жизнь. Такое уже случилось и будет случаться и впредь. Я вас предупредил.

– Невероятно, – замечает Кристина, когда мы все отходим от перил.

– Вот именно, невероятно, – киваю я.

Четыре ведет группу неофитов через Яму к зияющей дыре в стене. Комната за ней освещена достаточно хорошо, чтобы видеть, куда мы идем: обеденный зал, полный людей и звенящих столовых приборов. Мы заходим, и все лихачи встают. Они аплодируют. Топают ногами. Кричат. Шум окружает и переполняет меня. Кристина улыбается, и через мгновение я присоединяюсь к ней.

Мы ищем свободные места. Мы с Кристиной находим почти пустой стол на краю комнаты, и я оказываюсь между ней и Четыре. Посередине стола стоит тарелка с незнакомой едой: круглые куски мяса между круглыми ломтями хлеба. Я зажимаю один пальцами, не зная, как к нему подступиться.

Четыре пихает меня локтем.

– Это говядина, – подсказывает он. – Вот, намажь сверху.

Он передает мне маленькую мисочку красного соуса.

– Ты никогда не ела гамбургеров? – удивляется Кристина с широко распахнутыми глазами.

– Нет, – отвечаю я. – Это так они называются?

– Сухари едят простую еду, – объясняет Четыре Кристине.

– Почему? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Затеяливость считается потаканием своим прихотям и излишеством.

Она ухмыляется.

– Неудивительно, что ты ушла.

– Ага. – Я закатываю глаза. – Все дело в еде.

Уголок рта Четыре дергается.

Двери в столовую открываются, и все умолкают. Я оборачиваюсь.

Входит молодой мужчина, и в тишине слышны его шаги. Его лицо сплошь покрыто пирсингом, а волосы длинные, темные и сальные. Но зловеще он выглядит не поэтому. Его ледяной взгляд скользит по комнате.

– Кто это? – шепчет Кристина.

– Его зовут Эрик, – отвечает Четыре. – Он лидер Лихости.

– Seriously? Но он так молод.

Четыре мрачно смотрит на нее.

– Возраст здесь не главное.

Я вижу, что она собирается спросить о том же, что волнует и меня: «Тогда что главное?» Но Эрик заканчивает осмотр комнаты и идет к столу. Он идет к нашему столу и плюхается на стул рядом с Четыре. Он не здоровается, так что мы тоже не здороваемся.

– Ну что, представишь меня? – Он кивает на нас с Кристиной.

Четыре произносит:

– Это Трис и Кристина.

– Ого, Сухарь, – ухмыляется Эрик. Улыбка растягивает проколы от пирсинга в его губах, и я морщусь. – Посмотрим, долго ли ты протянешь.

Я должна что-то сказать, например, заверить его, что протяну очень долго... но слова не идут на ум. Не понимаю почему, но мне не хочется, чтобы Эрик смотрел на меня. Ни сейчас, ни в будущем.

Он барабанит пальцами по столу. Костяшки его пальцев сбиты, как будто он слишком сильно ударил их обо что-то.

– Чем ты занимался в последнее время, Четыре? – спрашивает он.

Четыре пожимает плечами.

– Да так, ничем.

Они друзья? Мой взгляд мечется между Эриком и Четыре. Все, что делает Эрик – сидит с нами, расспрашивает Четыре, – говорит о том, что они друзья, но поза Четыре, напряженная, словно натянутая струна, заставляет предположить, что они нечто иное. Соперники, быть может, но разве это возможно, если Эрик – лидер, а Четыре – нет?

– Макс говорит, что пытается встретиться с тобой, а ты не показываешься, – произносит Эрик. – Он просил разузнать, что с тобой происходит.

Четыре несколько секунд смотрит на Эрика, прежде чем ответить.

– Скажи ему, что я вполне доволен своим местом.

– То есть он хочет предложить тебе работу.

Кольца в брови Эрика сверкают на свету. Возможно, Эрик воспринимает Четыре как потенциальную угрозу его положению. Отец говорит, что те, кто стремится к власти и добивается ее, живут в вечном

страхе ее потерять. Вот почему мы должны вручать власть тем, кто к ней не стремится.

– Похоже на то, – говорит Четыре.

– И тебе это не интересно.

– Мне два года это не интересно.

– Что ж, – произносит Эрик. – Тогда давай надеяться, что до него дойдет.

Он хлопает Четыре по плечу, чуть сильнее, чем нужно, и встает. Когда он уходит, я сразу оседаю на стуле. Я не осознавала, что так напряжена.

– Вы двое... друзья? – Я не в силах сдержать любопытство.

– Мы были в одном классе неофитов, – отвечает он. – Он перешел из Эрудиции.

Все мысли об осторожности вылетают из головы.

– Ты тоже был переходником?

– Я думал, нелегко придется только с правдолюбам, которые задают слишком много вопросов, – холодно парирует он. – Теперь и Сухари подключились?

– Наверное, это потому, что ты такой мягкий, – равнодушно предполагаю я. – Ну знаешь, как кровать, утыканная гвоздями.

Он смотрит на меня, и я не отвожу взгляд. Он не пес, но с ним работают те же правила. Отвернуться – значит подчиниться. Смотреть в глаза – значит бросить вызов. Это мой выбор.

Мои щеки вспыхивают. Что случится, когда напряжение разрядится?

Но он произносит только:

– Осторожно, Трис.

У меня екает в животе, как будто я проглотила камень. Взрослый лихач за соседним столом окликает Четыре, и я поворачиваюсь к Кристине. Она поднимает обе брови.

– Что? – спрашиваю я.

– Я разрабатываю теорию.

– И в чем она заключается?

Она берет свой гамбургер, усмехается и отвечает:

– В том, что у тебя подсознательная тяга к смерти.

После ужина Четыре исчезает, не проронив ни слова. Эрик ведет нас по бесконечным коридорам, не объясняя, куда мы идем. Я не знаю, почему лидер Лихости в ответе за группу неофитов, но, возможно, это только на сегодняшний вечер.

В конце каждого коридора горит голубоватая лампа, но в промежутке

темно, и мне приходится идти осторожно, чтобы не споткнуться на неровной земле. Кристина молча шагает рядом. Нам не говорили соблюдать тишину, но все равно никто не разговаривает.

Эрик останавливается перед деревянной дверью и складывает руки на груди. Мы собираемся вокруг него.

– Если кто не в курсе, меня зовут Эрик, – сообщает он. – Я один из пяти лидеров Лихости. Мы здесь очень серьезно относимся к инициации, поэтому я вызвался проследить за большей частью вашего обучения.

От услышанного меня начинает подташнивать. То, что лидер Лихости будет приглядывать за нашей инициацией, само по себе плохо, но оттого, что это Эрик, мне по-настоящему худо.

– Несколько основных правил, – продолжает он. – Вы должны приходить в учебный класс к восьми утра каждый день. Обучение ведется без выходных с восьми до шести, с перерывом на обед. После шести вы вольны делать все, что хотите. У вас также будет немного свободного времени между ступенями инициации.

Слова «делать все, что хотите» застревают у меня в голове. Дома я ни единого вечера не могла делать то, что хотела. Я должна была сначала позаботиться о нуждах других. Я даже не знаю, что мне нравится делать.

– Покидать лагерь разрешается только в сопровождении лихачей, – добавляет Эрик. – За этой дверью – комната, где вы будете спать следующие несколько недель. Обратите внимание, что кроватей десять, а вас всего девять. Мы ожидали, что сюда доберется больший процент переходников.

– Но сначала нас было двенадцать, – возражает Кристина.

Я закрываю глаза и жду замечания. Ей надо научиться молчать.

– Всегда есть по меньшей мере один переходник, который не добирается до лагеря, – отвечает Эрик, ковыряя под ногтями, и пожимает плечами. – Как бы то ни было, на первой ступени инициации мы держим переходников и неофитов-лихачей порознь, но это не значит, что вас и оценивать будут по-разному. В конце инициации ваши ранги будут определяться в сравнении с рангами неофитов-лихачей. А они уже выше, чем ваши. Так что я думаю...

– Ранги? – переспрашивает эрудитка с мышиного цвета волосами справа от меня. – Но зачем нас ранжировать?

Эрик улыбается, и в голубоватом свете его улыбка кажется злобной, как будто ее прорезали ножом.

– Ранжирование преследует сразу две цели, – поясняет он. – Первая – определение порядка, в котором вы будете выбирать работу после

инициации. Есть всего несколько по-настоящему хороших мест.

У меня сосет под ложечкой. Глядя на его улыбку, я понимаю – как поняла в ту же секунду, когда вошла в проверочную комнату, – что сейчас случится что-то плохое.

– Вторая цель, – произносит он, – состоит в том, что только лучшие десять неофитов будут приняты в члены фракции.

Мой живот пронзает болью. Мы стоим неподвижно, как статуи. А потом Кристина говорит:

– Что?!

– Неофитов-лихачей – одиннадцать, вас – девять, – продолжает Эрик. – Четырех неофитов отсеют в конце первой ступени. Остальных – после заключительного испытания.

Это значит, что, даже если мы пройдем все ступени инициации, шесть неофитов не станут членами фракции. Краешком глаза я ловлю взгляд Кристины, но не могу ответить ей тем же. Я не свожу глаз с Эрика.

Мои шансы как самого маленького неофита, как единственного переходника-альтруиста невелики.

– Что мы будем делать, если нас отсеют? – спрашивает Питер.

– Покинете лагерь Лихости, – равнодушно отвечает Эрик, – и станете бесфракционниками.

Девушка с волосами мышинного цвета прижимает ладонь ко рту и подавляет всхлип. Я вспоминаю бесфракционника с серыми зубами, который выхватил пакетик яблок из моих рук. Вспоминаю его тусклый, пристальный взгляд. Но вместо того чтобы заплакать, как эрудитка, я становлюсь холоднее. Жестче.

Я стану членом фракции. Обязательно стану.

– Но это... нечестно! – кричит правдолюбка с широкими плечами, Молли. Несмотря на злость в голосе, она выглядит напуганной. – Если бы мы знали...

– Хочешь сказать, что если бы знала это до Церемонии выбора, то не выбрала бы Лихость? – рявкает Эрик. – Раз так, убирайся немедленно. Если ты действительно одна из нас, тебе должно быть все равно, что ты можешь провалиться. А если не все равно, ты трусиха.

Эрик толкает дверь в спальню.

– Вы выбрали нас, – говорит он. – Теперь наша очередь выбирать.

Я лежу в кровати и прислушиваюсь к дыханию девяти человек.

Я никогда раньше не спала в одной комнате с мальчиками, но выбора у меня нет, разве что лечь в коридоре. Все остальные переоделись в одежду,

которую нам выдали лихачи, но я сплю в своей одежде Альтруизма, которая еще пахнет мылом и свежим воздухом, как дома.

Я привыкла к своей собственной комнате. Я видела из окна лужайку, а за ней туманный горизонт. Я привыкла спать в тишине.

При мысли о доме глаза начинает припекать, я моргаю, и по щеке скатывается слеза. Я прикрываю ладонью рот, чтобы заглушить всхлип.

Я не могу плакать, только не здесь. Я должна успокоиться.

Все будет хорошо. Я могу смотреть на свое отражение в любое время. Могу подружиться с Кристиной, коротко обрезать волосы и не прибираться за другими людьми.

У меня дрожат руки, и слезы катятся все быстрее, застилая взор.

Неважно, что, когда я в следующий раз увижу родителей, а это произойдет в День посещений, они с трудом узнают меня... если вообще придут. Неважно, что мне больно, когда их лица встают перед мысленным взором всего на миг. Даже лицо Калеба, несмотря на то, как сильно его тайны обидели меня. Я стараюсь вдыхать и выдыхать в унисон с другими неофитами. Все это неважно.

Размеренное дыхание прерывается придушенным звуком, а затем горьким всхлипом. Пружины скрипят под тяжелым телом, и подушка приглушает рыдания, но не до конца. Они доносятся с соседней двухъярусной кровати – это плачет правдолюб Ал, самый крупный и широкоплечий из неофитов. Мне и в голову не приходило, что он сломается.

Его ноги всего в нескольких дюймах от моей головы. Я должна утешить его... должна *хотеть* утешить его, потому что меня так воспитали. Вместо этого я испытываю отвращение. Такой сильный человек не должен быть слабаком. Почему он не может плакать молча, как все остальные?

Я с трудом сглатываю.

Если бы мать знала, о чем я думаю, представляю, как она бы на меня посмотрела. Уголки ее рта опущены. Брови нависают над глазами – не хмуро, а почти устало. Я провожу ладонью по щекам.

Ал снова всхлипывает. Я почти чувствую, как его рыдания скребут у меня в горле. До парня всего несколько дюймов... я должна коснуться его.

Нет. Я опускаю руку и переворачиваюсь на бок, лицом к стене. Никто не обязан знать, что мне не хочется ему помогать. Я могу сохранить это в секрете. Глаза слипаются, и я чувствую приближение сна, но стоит мне чуть-чуть задремать, как я снова слышу Ала.

Возможно, дело не в том, что я не могу вернуться домой. Я буду

скучать по матери, отцу и Калебу, по вечернему камину и перестуку маминых спиц, но это не единственная причина для сосущей пустоты в животе.

Возможно, дело в том, что, даже если бы я вернулась домой, я была бы чужой среди людей, которые отдадут не раздумывая и заботятся не стараясь.

При этой мысли я скриплю зубами. Я накрываю голову подушкой, чтобы заглушить рыдания Ала, и засыпаю, прижавшись щекой к мокрому пятну.

Глава 8

– Первое, чему вы сегодня научитесь, – стрелять из пистолета. Второе – побеждать в схватке. – Четыре не глядя вкладывает пистолет мне в ладонь и идет дальше. – К счастью, поскольку вы здесь, вы уже знаете, как садиться на движущийся поезд и спрыгивать с него, так что мне не нужно учить вас еще и этому.

Неудивительно, что лихачи требуют, чтобы мы взяли с места в карьер, но шести часов отдыха перед забегом мне явно недостаточно. Тело еще тяжелое после сна.

– Инициация разделена на три ступени. Мы будем измерять ваш прогресс и ранжировать вас по успехам на каждой ступени. Ступени имеют разный вес при определении вашего заключительного ранга, поэтому возможно, хоть и сложно, кардинально улучшить ранг со временем.

Я смотрю на оружие в своей руке. Никогда бы не подумала, что мне придется держать пистолет, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него. Он кажется опасным, как будто я могу причинить кому-нибудь вред, даже просто прикоснувшись к нему.

– Мы верим, что подготовка искореняет трусость, которую мы определяем как неспособность действовать вопреки страху, – произносит Четыре. – Таким образом, ступени инициации предназначены для разносторонней подготовки. Первая ступень в основном физическая, вторая в основном эмоциональная, третья в основном интеллектуальная.

– Но что... – Питер сопровождает слова зевками. – Что общего между стрельбой из пистолета и... отвагой?

Четыре проворачивает пистолет на пальце, прижимает дуло ко лбу Питера и взводит курок. Питер замирает с открытым ртом, не завершив зевка.

– Проснись! – рявкает Четыре. – У тебя в руках заряженный пистолет, идиот. Веди себя соответственно.

Он опускает пистолет. Как только непосредственная угроза миновала, зеленые глаза Питера леденеют. Я удивлена, что он в состоянии удержаться от ответа, ведь он правдолюб и всегда высказывал все, что приходило на ум, и все же он молчит, заливаясь краской.

– Что касается твоего вопроса... намного меньше шансов, что вы наделаете в штаны и приметесь звать мамочку, если научитесь защищаться. – Четыре останавливается в конце ряда и поворачивается на

каблуках. – Также эти сведения могут пригодиться вам позже на первой ступени. Итак, следите за мной.

Он поворачивается к стене с мишенями из клееной фанеры – по одному квадрату с тремя красными кружками для каждого из нас. Он стоит, расставив ноги, держит пистолет обеими руками и стреляет. От грохота ушам становится больно. Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на мишень. Пуля прошла через средний кружок.

Я поворачиваюсь к своей мишени. Родные никогда бы не одобрили стрельбу. Сказали бы, что оружие используется для самозащиты, а то и насилия, и потому своекорыстно.

Я отгоняю мысли о семье, широко расставляю ноги и осторожно обхватываю рукоять пистолета обеими руками. Пистолет тяжелый, и отвести его от тела нелегко, но я хочу, чтобы он был как можно дальше от лица. Я нажимаю на спуск, сперва нерешительно, затем тверже, и вся съеживаюсь. Выстрел бьет по ушам, отдача посылает руки к носу. Я спотыкаюсь и хватаюсь рукой за стену позади, чтобы не упасть. Не знаю, куда ушла пуля, но точно не в сторону мишени.

Я стреляю снова, и снова, и снова, но все пули летят мимо.

– С точки зрения статистики, – усмехается сосед-эрудит по имени Уилл, – ты должна была попасть в цель хотя бы раз, по чистой случайности.

У него светлые лохматые волосы и складка между бровями.

– Да ну, – ровным голосом произношу я.

– Ну да, – подтверждает он. – По-моему, ты бросаешь вызов природе.

Я скриплю зубами и поворачиваюсь к мишени, решив, по крайней мере, стоять неподвижно. Если я не могу справиться с первым же заданием, которое нам дали, как мне вообще преодолеть первую ступень?

Я с силой нажимаю на спуск, и на этот раз я готова к отдаче. Руки летят назад, но ноги словно врастают в землю. На краю мишени появляется пулевая дыра, и я поднимаю бровь, глядя на Уилла.

– Вот видишь, я прав. Статистика не лжет, – говорит он.

Я чуть улыбаюсь.

Мне требуется пять патронов, чтобы попасть в центр мишени, и когда это наконец удастся, меня переполняет энергия. Я проснулась, мои глаза широко распахнуты, руки горят. Я опускаю пистолет. Какое могущество – контролировать нечто способное нанести столько вреда... да и вообще контролировать нечто.

Возможно, здесь мое место.

К перерыву на обед мои руки трясутся от напряжения, а пальцы сложно выпрямить. Я массирую их по дороге в столовую. Кристина приглашает Ала сесть с нами. При виде него я всякий раз снова слышу рыдания и потому стараюсь на него не смотреть.

Я размазываю горох по тарелке вилкой, и мои мысли возвращаются к проверке склонностей. Когда Тори предупредила, что быть дивергентом опасно, мне показалось, будто на мне стоит клеймо и стоит совершить единственную ошибку, как его кто-нибудь заметит. До сих пор это не было проблемой, но я все равно не чувствую себя в безопасности. Что, если я ослаблю бдительность и случится что-то ужасное?

– Да ладно. Ты меня не помнишь? – спрашивает Ала Кристина, сооружая сэндвич. – Мы вместе ходили на математику всего пару дней назад. И я не тихоня.

– Я спал большую часть математики, – отвечает Ал. – Это был первый урок!

Что, если опасность затаится на время... что, если она проявится через много лет и я даже не замечу ее приближения?

– Трис. – Кристина щелкает пальцами у меня под носом. – Ты здесь?

– Что? Что случилось?

– Я спросила, не помнишь ли ты, чтобы мы ходили на одни уроки, – повторяет она. – В смысле, без обид, но я бы, наверное, тебя не запомнила. Все альтруисты казались мне одинаковыми. То есть они и сейчас кажутся мне одинаковыми, но ты больше не одна из них.

Я смотрю на нее. Как будто я нуждаюсь в напоминании.

– Извини, если обидела, – добавляет она. – Я привыкла говорить все, что приходит на ум. Мама часто повторяет, что вежливость – это ложь в красивой упаковке.

Я издаю короткий смешок.

– Наверное, поэтому наши фракции редко общаются.

Правдолюбие и Альтруизм не непримиримые враги, как Эрудиция и Альтруизм, но избегают друг друга. По-настоящему Правдолюбие не терпит Товарищества. Правдолюбые говорят, что те, кто превыше всего ценит покой, обязательно обманут, лишь бы не мутить воду.

– Можно к вам? – Уилл барабанит пальцами по столу.

– Что, не хочешь тусоваться со своими дружками-эрудитами? – удивляется Кристина.

– Они не мои дружки. – Уилл ставит тарелку на стол. – То, что мы были в одной фракции, еще не означает, что мы ладим. К тому же Эдвард и Майра встречаются, и я не хочу быть третьим лишним.

Эдвард и Майра, оставшиеся переходники-эрудиты, сидят в двух столах от нас, так близко, что стучаются локтями, разрезая пищу. Майра прерывается, чтобы поцеловать Эдварда. Я осторожно наблюдаю за ними. До сих пор я всего несколько раз видела, как люди целуются.

Эдвард поворачивает голову и прижимается губами к губам Майры. Я выпускаю воздух сквозь сжатые зубы и отворачиваюсь. Часть меня хочет, чтобы им сделали замечание. Другая часть с ноткой отчаяния задумывается, каково это – ощущать прикосновение чужих губ.

– Обязательно выставлять себя напоказ? – спрашиваю я.

– Она просто поцеловала его, – хмурится Ал. Когда он хмурится, густые брови касаются его ресниц. – Можно подумать, они голые.

– Поцелуи – не то, чем занимаются на людях.

Ал, Уилл и Кристина с пониманием улыбаются.

– Что? – спрашиваю я.

– Это в тебе Альтруизм говорит, – поясняет Кристина. – Остальные не против капельки нежностей на людях.

– Вот как? – Я пожимаю плечами. – Что ж... наверное, мне придется с этим смириться.

– Или можешь оставаться фригидной. – Зеленые глаза Уилла лукаво блестят. – Ну, знаешь. Если хочешь.

Кристина бросает в него булочку. Он ловит ее и вгрызается зубами.

– Не обижай ее, – произносит она. – Фригидность дана ей от природы. Примерно как всезнайство – тебе.

– Я не фригидная! – восклицаю я.

– Не стоит так переживать, – замечает Уилл. – Это ужасно мило. Смотри, ты вся покраснелась.

От его слов я еще гуще заливаюсь краской. Все хихикают. Я выдавливаю из себя смешок, и через несколько мгновений он становится искренним.

Как хорошо снова смеяться.

После обеда Четыре ведет нас в новую комнату. Просторную, с потрескавшимся и скрипучим деревянным полом и большим кругом, нарисованным посередине. На левой стене – зеленая доска для записей мелом. Учительница Нижних ступеней пользовалась подобной, но с тех пор я их не видела. Возможно, это как-то связано с приоритетами Лихости: обучение важнее технологии.

Наши имена написаны на доске в алфавитном порядке. Вдоль одной из стен через трехфутовые интервалы висят выцветшие черные боксерские

груши.

Мы выстраиваемся за ними, и Четыре встает посередине, у всех на виду.

– Как я уже говорил утром, – произносит Четыре, – далее вам предстоит освоить борьбу. Цель – научить вас действовать, научить ваше тело отвечать на опасности и угрозы, а это потребует, если вы намерены жить в Лихости.

Совершенно не представляю себе жизни в Лихости. Единственное, о чем я могу думать, – как пройти инициацию.

– Сегодня мы разучим технику, а завтра вы начнете сражаться друг с другом, – говорит Четыре. – Поэтому советую быть внимательными. Кто не будет ловить на лету, должен готовиться к синякам.

Четыре называет несколько разных ударов, демонстрируя их сначала в воздухе, затем с боксерской грушей.

Я успеваю за остальными. Как и в случае с пистолетом, мне нужно несколько попыток, чтобы разобраться, как правильно держаться и двигаться. Удары даются сложнее, хотя Четыре учит нас только основам. Груша обжигает руки и ноги, отчего кожа становится красной, но, как бы я ни старалась, мне не удастся толком сдвинуть ее с места. Вокруг беспрестанно слышатся звуки ударов о плотную ткань.

Четыре расхаживает по толпе неофитов, наблюдая, как мы повторяем движения снова и снова. Когда он останавливается передо мной, у меня скручивает внутренности, как будто их помешивают вилкой. Он смотрит на меня, меряет взглядом с головы до пят, нигде не задерживаясь, – практичным, изучающим взглядом.

– У тебя мало мышц, – говорит он, – а значит, лучше использовать колени и локти. В них можно вложить больше силы.

Внезапно он прижимает руку к моему животу. Его пальцы такие длинные, что ладонь касается обеих сторон грудной клетки. Мое сердце бьется так сильно, что грудь болит, и я смотрю на него широко распахнутыми глазами.

– Не забывай держать живот напряженным, – тихо произносит он.

Четыре убирает руку и идет дальше. Я чувствую давление его ладони даже после того, как он уходит. Странно, но мне приходится остановиться и перевести дыхание, прежде чем продолжить тренировку.

Когда Четыре отпускает нас на ужин, Кристина толкает меня локтем.

– Удивительно, что он не разорвал тебя пополам, – говорит она и морщит нос. – Он пугает меня до полусмерти. Этот его тихий голос...

– Угу. Он...

Я оборачиваюсь через плечо. Четыре спокоен и поразительно сдержан. Но я не боялась, что он причинит мне боль.

– ...и вправду пугает, – наконец говорю я.

Ал, который шел перед нами, оборачивается у Ямы и заявляет:

– Я хочу сделать татуировку.

– Какую именно? – спрашивает Уилл из-за спины.

– Не знаю, – смеется Ал. – Просто хочу почувствовать, что и вправду покинул старую фракцию. Больше не тоскую по ней.

Мы ничего не отвечаем, и он добавляет:

– Я же знаю, что вы меня слышали.

– Хочешь научиться помалкивать, а? – Кристина тычет Ала в толстую руку. – Я думаю, ты прав. Сейчас мы наполовину здесь, наполовину там. Чтобы оказаться здесь целиком, надо выглядеть как все.

Она косится на меня.

– Нет. Я не стану обрезать волосы, – говорю я, – или красить их в странный цвет. Или прокалывать лицо.

– А как насчет пупка? – спрашивает она.

– Или соска? – фыркает Уилл.

Я издаю стон.

Обучение на сегодня закончилось, и мы вольны делать, что захотим, до самого отбоя. При мысли об этом у меня немного кружится голова, хотя, возможно, виновата усталость.

Яма кишит людьми. Кристина предлагает Алу и Уиллу встретиться в тату-студии и тащит меня на склад одежды. Мы карабкаемся по тропинке, взбираемся все выше над дном Ямы, и камешки летят из-под наших ботинок.

– А что не так с моей одеждой? – спрашиваю я. – Я больше не ношу серое.

– Она уродливая и безразмерная, – вздыхает Кристина. – Просто разреши мне помочь. Если тебе не понравится то, что я выберу, обещаю, тебе больше не придется это надевать.

Через десять минут я стою перед зеркалом на складе одежды в черном платье до колен. Юбка не пышная, но и к бедрам не липнет, в отличие от первой, выбранной Кристиной, от которой я отказалась. Мои голые руки покрываются мурашками. Кристина стягивает резинку с моих волос, и я расплетаю косу. Волнистые пряди ложатся на плечи.

Затем она показывает черный карандаш.

– Подводка для глаз, – поясняет она.

– Имей в виду, у тебя не получится сделать меня симпатичной.

Я закрываю глаза и не двигаюсь. Она проводит кончиком карандаша вдоль ресниц. Я представляю, как стою перед своей семьей в этой одежде, и меня чуть не выворачивает наизнанку.

– Кому охота быть симпатичной? Я сделаю тебя заметной.

Я открываю глаза и впервые смотрю на свое отражение прямо. Сердце бьется все быстрее, как будто я нарушаю правила и меня должны наказать. Избавиться от внушенного мне образа мыслей альтруиста будет нелегко, все равно что вытащить одну-единственную нить из сложной вышивки. Но я найду новые привычки, новые мысли, новые правила. Я стану кем-то другим.

Мои глаза всегда были голубыми, но тусклыми, серовато-голубыми – подводка сделала их ярче. В раме из волос черты лица кажутся мягче и полнее. Я не стала симпатичной – мои глаза слишком большие, а нос слишком длинный, – но я вижу, что Кристина права. Мое лицо трудно не заметить.

Мне не кажется, что я вижу себя впервые; мне кажется, что я впервые вижу кого-то другого. Беатрис – девушка, которую я украдкой разглядывала в зеркале, которая тихо сидела за ужином. А это – та, чьи глаза притягивают и не отпускают меня; это Трис.

– Видишь? – произносит Кристина. – Ты... потрясающая.

Учитывая обстоятельства, это лучший комплимент, который она могла придумать. Я улыбаюсь ей в зеркале.

– Тебе нравится? – спрашивает она.

– Ага, – киваю я. – Я выгляжу... другим человеком.

Она смеется.

– Это хорошо или плохо?

Я снова смотрю себе в глаза. И впервые не переживаю из-за необходимости отказаться от своей прежней личности; отражение дарит мне надежду.

– Хорошо. – Я качаю головой. – Извини, просто мне никогда не позволяли смотреть в зеркало так долго.

– Серьезно? – Кристина тоже качает головой. – Должна сказать, Альтруизм – очень странная фракция.

– Идем поглядим, как Алу делают татуировку, – предлагаю я.

Хотя я и покинула свою фракцию, я пока не готова ее критиковать.

Дома мы с матерью забирали почти одинаковые стопки одежды примерно раз в полгода. Легко распределять ресурсы, когда все получают одно и то же, но в лагере Лихости намного больше разнообразия. Каждый лихач получает несколько талонов, чтобы потратить в течение месяца, и

платье стоит один такой талон.

Мы с Кристиной бежим по узкой тропинке в тату-студию. Когда мы туда добираемся, Ал уже сидит в кресле, и невысокий худощавый мужчина, на котором больше чернил, чем чистой кожи, рисует на его плече паука.

Уилл и Кристина листают книги с рисунками, пихая друг друга локтями при виде особо удачных. Когда они сидят рядом, я вижу, насколько они разные. Кристина темнокожая и худая, Уилл бледный и крепкий, но их беспечные улыбки очень похожи.

Я брожу по комнате, разглядывая картины на стенах. В наши дни художники сохранились только в Товариществе. Альтруисты считают искусство непрактичным, а любование им – временем, которое можно потратить на службу людям, и потому я видела произведения искусства в учебниках, но никогда не бывала в украшенных комнатах. От картин комната словно становится уютней и теплее, и я могла бы провести в ней многие часы, не замечая времени. Я провожу по стене кончиками пальцев. Изображение ястреба на одной из стен напоминает мне татуировку Тори. Под ним висит набросок птицы в полете.

– Это ворон, – произносит голос за спиной. – Правда, красиво?

Я оборачиваюсь и вижу Тори. Я словно возвращаюсь в комнату для проверки склонностей, в окружении зеркал, с проводами на лбу. Не думала, что снова увижу ее.

– Ну, привет, – улыбается она. – Не думала, что снова увижу тебя. Беатрис, верно?

– Вообще-то Трис, – отвечаю я. – Вы работаете здесь?

– Да. Просто отлучилась, чтобы помочь с проверкой. Большую часть времени я здесь. – Она постукивает пальцем по подбородку. – Знакомое имя. Кажется, ты спрыгнула первой?

– Да.

– Молодец.

– Спасибо. – Я касаюсь наброска птицы. – Послушайте... мне нужно поговорить с вами...

Я поглядываю на Уилла и Кристину. Я не могу отвести Тори в сторонку сейчас; они будут спрашивать.

– ...кое о чем. Когда-нибудь.

– Не уверена, что это умно, – тихо отвечает она. – Я помогла тебе, чем смогла, и теперь ты должна справляться сама.

Я покусываю губы. У нее есть ответы, я это знаю. Если она не хочет поделиться ими сейчас, я найду способ разговорить ее в будущем.

– Хочешь сделать татуировку? – спрашивает она.

Набросок птицы приковывает мой взгляд. Я не собиралась делать пирсинг или татуировку, когда пришла сюда. Я знаю, что, если сделаю татуировку, это вобьет еще один клин между мной и семьей, который я никогда не смогу вытащить. И если моя жизнь продолжится в том же духе, скоро он станет самым незначительным клином между нами.

Но теперь я понимаю слова Тори о том, что ее татуировка символизирует страх, который она преодолела... это напоминание о том, кем она была, и напоминание о том, кем она стала. Возможно, есть способ почтить свою прежнюю жизнь и одновременно принять новую.

– Да, – отвечаю я. – Три такие птицы.

Я касаюсь ключицы, отмечая их полет... к сердцу. По одной для каждого члена семьи, которого я оставила позади.

Глава 9

– Поскольку вас нечетное количество, один из вас сегодня драться не будет, – говорит Четыре, отходя от доски в зале для тренировок.

Он косится на меня. Рядом с моим именем – пусто.

Узел в животе ослабевает. Отсрочка.

– Ничего себе!

Кристина пихает меня локтем, попадает в одну из ноющих мышц – этим утром ноющих мышц у меня больше, чем здоровых, – и я морщусь.

– Ой!

– Извини, – произносит она. – Но ты только посмотри! Меня поставили против Танка.

Мы с Кристиной вместе сидели за завтраком, а до того она прикрывала меня в спальне, когда я переодевалась. У меня прежде не было таких друзей. Сьюзен больше ладила с Каледом, чем со мной, а Роберт во всем следовал за Сьюзен.

Наверное, у меня просто раньше не было друзей. Невозможно завязать настоящую дружбу, если никто не готов принять помощь или хотя бы рассказать о себе. Здесь это исключено. Я уже знаю о Кристине больше, чем когда-либо знала о Сьюзен, а ведь прошло всего два дня.

– Против Танка?

Я нахожу имя Кристины на доске. Рядом с ним написано «Молли».

– Да, приспешника Питера, чуть более женственного с виду.

Она кивает на кучку ребят на другой стороне комнаты. Молли высокая, как и Кристина, но на этом сходство заканчивается. У нее широкие плечи, бронзовая кожа и нос картошкой.

– Эти трое, – Кристина по очереди указывает на Питера, Дрю и Молли, – неразлучны едва ли не с рождения. Я их ненавижу.

Уилл и Ал стоят на арене. Они держат руки у лица, чтобы защищаться, как учил Четыре, и топчутся по кругу. Ал на полфута выше Уилла и вдвое шире. Глядя на него, я осознаю, что у него большие даже черты лица – большой нос, большие губы, большие глаза. Эта схватка продлится недолго.

Я смотрю на Питера и его друзей. Дрю ниже, чем Питер и Молли, но сложением напоминает валун и постоянно сутулится. У него оранжевые волосы, цвета старой морковки.

– А что с ними не так? – спрашиваю я.

– Питер – дьявол во плоти. В детстве он затевал драки с ребятами из других фракций, а когда взрослые их разнимали, плакал и выдумывал, будто это другой ребенок все начал. И конечно, ему верили, потому что мы были правдолюбам и не могли лгать. Ха-ха.

Кристина морщит нос и добавляет:

– Дрю – всего лишь его подручный. Сомневаюсь, что у него в черепушке есть хоть одна самостоятельная мысль. А Молли... она из тех, кто поджигает муравьев через лупу, только чтобы посмотреть, как их крючит.

На арене Ал наносит Уиллу мощный удар в челюсть. Я морщусь. На другой стороне комнаты Эрик улыбается Алу и поворачивает колечко в брови.

Уилла ведет в сторону, одну руку он прижимает к лицу, другой блокирует следующий удар. Судя по его гримасе, блокировать удар не менее болезненно, чем пропустить его. Ал нетороплив, зато силен.

Питер, Дрю и Молли украдкой поглядывают в нашу сторону, затем сближают головы и шепчутся.

– По-моему, они догадались, что мы говорили о них, – замечаю я.

– Ну и что? Они и так знают, что я их ненавижу.

– Знают? Откуда?

Кристина притворно улыбается и машет рукой. Я с горящими щеками смотрю в пол. Мне в любом случае не следовало сплетничать. Сплетни – потакание своим прихотям.

Уилл зацепляет ногу Ала своей и дергает, опрокидывая Ала на землю. Ал неуклюже поднимается.

– Потому что я им сказала, – поясняет она сквозь сжатые зубы, не переставая улыбаться. У нее прямые верхние зубы и кривые нижние. Она смотрит на меня. – В Правдолюбии все стараются искренно проявлять свои чувства. Многие говорили мне, что я им не нравлюсь. И многие не говорили. Какая разница?

– Просто мы... не должны были обижать других, – отвечаю я.

– Предпочитаю думать, что моя ненависть идет им во благо, – возражает она. – Я напоминаю им, что они вовсе не божий дар человечеству.

Я хихикаю и снова сосредоточиваюсь на арене. Уилл и Ал несколько секунд стоят друг против друга, в их движениях появляется неуверенность. Уилл смахивает светлые волосы с глаз. Противники поглядывают на Четыре, как будто ждут, что он остановит схватку, но он стоит, скрестив руки на груди, и не реагирует. В нескольких футах от него Эрик смотрит на

часы.

Еще через пару секунд топтания на месте Эрик кричит:

– Вы что, развлекаться сюда пришли? Вздремнуть никому не надо? Деритесь, черт побери!

– Но...

Ал выпрямляется, опускает руки и спрашивает:

– Нам начисляются очки или как? Когда закончится схватка?

– Когда один из вас не сможет продолжать, – отвечает Эрик.

– По правилам Лихости, – добавляет Четыре, – один из вас также может сдаться.

Эрик смотрит на Четыре, сощурившись.

– По старым правилам, – уточняет он. – По новым правилам сдаваться нельзя.

– Смелые признают чужую силу, – возражает Четыре.

– Смелые не сдаются.

Четыре и Эрик еще несколько секунд глядят друг на друга. Передо мной словно два типа лихачей: великодушный и безжалостный. Но даже я знаю, что в этой комнате властью обладает Эрик, самый молодой лидер Лихости.

Капли пота проступают на лбу Ала; он вытирает их тыльной стороной ладони.

– Это попросту нелепо. – Ал качает головой. – Какой смысл избивать его? Мы в одной фракции!

– Неужели ты думаешь, это так просто? – усмехается Уилл. – Давай, вперед. Попробуй меня ударить, копуша.

Уилл снова поднимает руки. В его глазах появляется решимость. Он правда верит, что может победить? Один хороший удар в голову, и Ал его вырубит.

Если, конечно, сможет дотянуться. Ал пытается нанести удар, и Уилл пригибается. Его шея блестит от пота. Он уклоняется от очередного удара, ловко обходит Ала и со всей силы бьет в спину. Ал кренится вперед и поворачивается.

В детстве я читала книгу о гризли. Помню картинку, на которой медведь стоял на задних лапах, вытянув передние, и ревел. Именно так Ал выглядит сейчас. Он бросается на Уилла, хватая его за плечо, чтобы не дать ускользнуть, и сильно бьет в челюсть.

Я вижу, как свет гаснет в глазах Уилла, светло-зеленых, как сельдерей. Его глаза закатываются, тело обмякает. Он выскальзывает из хватки Ала и мертвым грузом оседает на пол. Холодок бежит у меня по спине и

распирает грудь.

Глаза Ала широко распахиваются, и он приседает рядом с Уиллом, похлопывая его по щеке. В комнате воцаряется тишина, все ждут, очнется ли Уилл. Несколько секунд он не подает признаков жизни, а только лежит на согнутой руке. Затем моргает, явно оглушенный.

– Подними его, – приказывает Эрик.

Он жадно смотрит на распростертое тело Уилла, как голодный – на сытный обед. Его губы кривятся в жестокой ухмылке.

Четыре поворачивается к доске и обводит имя Ала. Победа.

– Следующие – Молли и Кристина! – кричит Эрик.

Ал кладет руку Уилла себе на плечи и утаскивает его с арены.

Кристина хрустит костяшками. Я пожелала бы ей удачи, но что толку? Кристина не слабая, но намного более хрупкая, чем Молли. Надеюсь, рост ей поможет.

Напротив меня Четыре поддерживает Уилла за талию и выводит из комнаты. Ал мгновение стоит у двери и смотрит им вслед.

Уход Четыре заставляет меня встревожиться. Оставить нас с Эриком – все равно что доверить детей няне, которая на досуге точит ножи.

Кристина заправляет волосы за уши. У нее черные волосы длиной до подбородка, убранные назад серебряными заколками. Она снова хрустит костяшками. Похоже, она нервничает, и неудивительно – а кто бы не нервничал, увидев, как Уилл рухнул на пол тряпичной куклой?

Если все конфликты в Лихости решаются схваткой до победного конца, что эта часть инициации готовит мне? Мне предстоит стоять над поверженным противником, сознавая, что это я его избила, как Ал, или лежать беспомощной грудой, как Уилл? Жажда победы – эгоистично или отважно? Я вытираю потные ладони о брюки.

Я возвращаюсь к реальности, когда Кристина бьет Молли в бок. Молли ахает и скрипит зубами, как будто готовится зарычать. Тонкая прядь черных волос падает ей на лицо, но она ее не отводит.

Ал стоит рядом со мной, но я слишком сосредоточена на новой схватке, чтобы смотреть на него или поздравлять с победой, если он, конечно, этого хочет. Я не уверена.

Молли ухмыляется Кристине и без предупреждения нагибается, вытягивая руки. Она с размаху ударяет Кристину в живот, сбивая с ног, и прижимает к земле. Кристина извивается, но Молли тяжелая, ее не сдвинуть.

Молли бьет, и Кристина дергает головой, уклоняясь от удара, но она бьет снова и снова, пока кулак не попадает Кристине по челюсти, носу,

губам. Я машинально хватаю Ала за руку и сжимаю что есть сил. Мне просто нужно за что-то держаться. Кровь течет по щеке Кристины и брызгает на землю. Я впервые в жизни молюсь, чтобы кто-то потерял сознание.

Но она не теряет сознание. Кристина кричит и высвобождает одну руку. Она бьет Молли в ухо, заставляя ее потерять равновесие, и выворачивается. Встает на колени, держась рукой за лицо. Из ее носа течет темная тягучая кровь и заливают пальцы. Кристина снова кричит и отползает от Молли. По ее вздрагивающим плечам ясно, что она рыдает, но я с трудом что-то слышу сквозь пульсацию крови в ушах.

«Пожалуйста, потеряй сознание».

Молли пинает Кристину в бок, отчего та растягивается на спине. Ал высвобождает руку и крепко прижимает меня к себе. Я стискиваю зубы, чтобы не расплакаться. Я не жалела Ала той первой ночью, но я еще не жестока; от вида Кристины, обхватившей руками грудь, мне хочется броситься между нею и Молли.

– Хватит! – воет Кристина, когда Молли заносит ногу, чтобы ударить еще раз.

Она протягивает руку.

– Хватит! Я... – Она кашляет. – Я сдаюсь.

Молли улыбается, и я вздыхаю от облегчения. Ал тоже вздыхает, его грудная клетка поднимается и опускается рядом с моим плечом.

Эрик идет на середину арены, нарочито медленно, и встает над Кристиной, сложив руки на груди.

– Прощу прощения, что ты сказала? – тихо спрашивает он. – Ты сдаешься?

Кристина с трудом поднимается на колени. Когда она отрывает руку от земли, на полу остается красный отпечаток. Она морщит нос, чтобы остановить кровотечение, и кивает.

– Вставай, – произносит он.

Если бы он закричал, мне бы не показалось, что меня вот-вот вывернет. Если бы он закричал, я поняла бы, что крик – худшее, что он собирается сделать. Но он говорит тихо и обдуманно. Он хватается Кристину за руку, рывком поднимает с пола и тащит к двери.

– За мной! – приказывает он остальным.

И мы повинемся.

Река ревет у меня в груди.

Мы стоим у перил. В Яме почти никого нет; сейчас середина дня, хотя

кажется, что наступила нескончаемая ночь.

Если бы вокруг были люди, не думаю, чтобы кто-нибудь помог Кристине. Во-первых, мы с Эриком, а во-вторых, у лихачей другие правила – правила, которые допускают жестокость.

Эрик толкает Кристину к перилам.

– Перелезай, – приказывает он.

– Что?

Она произносит это так, как будто ожидает, что он уступит, но ее широко распахнутые глаза и пепельное лицо говорят об обратном. Эрик не пойдет на попятный.

– Перелезай через перила, – повторяет Эрик, медленно произнося каждое слово. – Если сможешь провисеть над пропастью пять минут, я прощу твою трусость. Если не сможешь, я не позволю тебе продолжить инициацию.

Перила узкие и металлические. А еще холодные и скользкие от водяных брызг. Даже если Кристине хватит смелости провисеть на них пять минут, она может просто не удержаться. Либо она решит стать бесфракционницей, либо рискнет жизнью.

Я закрываю глаза, представляю, как она падает на острые камни внизу, и содрогаюсь.

– Хорошо. – Ее голос дрожит.

Она достаточно высокая, чтобы перекинуть ногу через перила. Ее ступня трясется. Она опускает носок на уступ и перекидывает вторую ногу. Глядя на нас, она вытирает ладони о брюки и хватается за перила так крепко, что костяшки ее пальцев белеют. Затем она убирает одну ногу с уступа. И вторую. Я вижу между прутьями ограждения ее лицо, полное решимости, со сжатыми губами.

Рядом со мной Ал засекает время.

Первые полторы минуты у Кристины все хорошо. Она крепко держится за перила, и ее руки не дрожат. Я начинаю думать, что она может справиться и показать Эрику, как глупо было в ней сомневаться.

Но затем волна разбивается о стену и белые брызги окатывают спину Кристины. Она ударяется лицом об ограждение и вопит. Ее ладони соскальзывают, и теперь она держится одними кончиками пальцев. Она пытается ухватиться получше, но у нее мокрые руки.

Если я ей помогу, Эрик заставит меня разделить ее судьбу. Позволю ли я ей разбиться насмерть или обреку себя на участь бесфракционницы? Что хуже: бездействовать, когда другой умирает, или стать изгнанником, ничего не добившись?

Мои родители легко ответили бы на этот вопрос.

Но я не мои родители.

Насколько мне известно, Кристина не плакала с тех пор, как мы здесь оказались, но сейчас ее лицо морщится, и она всхлипывает так громко, что заглушает рев реки. Еще одна волна разбивается о стену, и брызги покрывают ее тело. Одна из капель попадает мне на щеку. Ее руки снова скользят, и на этот раз одна из них отрывается от перил, так что она висит на кончиках четырех пальцев.

– Давай, Кристина! – кричит Ал на удивление громко.

Она смотрит на него. Он хлопает в ладони.

– Давай держись. Ты можешь. Держись за перила.

Хватит ли мне сил, чтобы не уронить ее? Стоит ли вообще пытаться, если я знаю, что слишком слаба и не могу ей помочь?

Я знаю, что это за вопросы: оправдания. «Здравый смысл способен оправдать любое зло; вот почему для нас так важно не опираться на него». Это слова отца.

Кристина взмахивает рукой, нащупывая перила. Больше никто ее не подбадривает, только Ал хлопает в свои большие ладони и кричит, не сводя с нее глаз. Жаль, я так не могу; жаль, мне не пошевелиться; я лишь смотрю на нее и недоумеваю, давно ли стала столь отвратительной эгоисткой.

Я гляжу на часы Ала. Прошло четыре минуты. Он чувствительно пихает меня локтем в плечо.

– Давай, Кристина, – говорю я. Мой голос не громче шепота, и я прочищаю горло. – Осталась минута.

На этот раз у меня получается громче.

Вторая рука Кристины находит перила. Ее руки трясутся так сильно, что мне кажется, будто сама земля содрогается подо мной, отчего все перед глазами качается, просто я не замечаю.

– Давай, Кристина, – произносим мы с Алом, и, когда наши голоса сливаются, я начинаю верить, что мне хватит сил ей помочь.

Я помогу ей. Если она опять соскользнет, я помогу.

Очередная волна разбивается о спину Кристины, обе ее руки соскальзывают с перил, и она вопит. Я тоже издаю вопль. Он словно доносится со стороны.

Но Кристина не падает. Она хватается за прутья ограждения. Ее пальцы скользят вниз по металлу, пока голова не исчезает из виду; остаются лишь пальцы.

На часах Ала горит 5.00.

– Пять минут прошло. – Он почти выплевывает эти слова в Эрика.

Эрик смотрит на свои часы. Неторопливо, наклоняя запястье, а у меня тем временем скручивает живот и не хватает воздуха. Я моргаю и вижу сестру Риты на мостовой под железнодорожными рельсами; руки и ноги согнуты под неестественными углами; я вижу, как Рита кричит и плачет; я вижу, как я отворачиваюсь.

– Хорошо, – произносит Эрик. – Можешь подниматься, Кристина.

Ал направляется к перилам.

– Нет, – отрезает Эрик. – Она должна подняться сама.

– Нет, не должна! – рычит Ал. – Она сделала, как вы велели. Она не трусиха. Она сделала, как вы велели.

Эрик не отвечает. Ал перегибается через перила, и ему хватает роста, чтобы дотянуться до запястья Кристины. Она хватается его за предплечье. Ал тянет ее наверх, его лицо красное от досады, и я бросаюсь вперед, чтобы помочь. Как я и подозревала, я слишком маленькая, чтобы от меня был прок, но я подхватываю Кристину под мышку, когда она оказывается достаточно высоко, и мы с Алом перетаскиваем ее через ограждение. Она падает на землю, ее лицо все еще в пятнах крови после драки, спина насквозь мокрая, тело дрожит.

Я опускаюсь рядом на колени. Она поднимает взгляд на меня, затем на Ала, и мы вместе переводим дыхание.

Глава 10

Ночью мне снится, что Кристина снова висит на перилах, на этот раз цепляясь пальцами ног, и кто-то кричит, что только дивергент может ей помочь. Поэтому я бросаюсь вперед, чтобы вытащить ее, но кто-то сталкивает меня с обрыва, и я просыпаюсь, прежде чем разбиться о камни.

Потная и дрожащая, я иду в женскую ванную, чтобы принять душ и переодеться. Когда я возвращаюсь, поперек моего матраса написано «Сухарь» красной краской из баллончика. То же слово написано буквами помельче на каркасе кровати и еще раз – на подушке. Я оглядываюсь по сторонам, мое сердце колотится от злости.

Питер стоит за моей спиной и насвистывает, взбивая свою подушку. Трудно поверить, что я ненавижу такого доброго на вид человека – его брови от природы приподняты, и у него широкая белозубая улыбка.

– Классно смотрится, – замечает он.

– Я тебя случайно чем-то обидела? – спрашиваю я, хватаю простыню за угол и сдергиваю с кровати. – Может, ты не заметил, но мы теперь в одной фракции.

– Понятия не имею, о чем ты, – отмахивается он и смотрит на меня. – К тому же мы с тобой никогда не будем в одной фракции.

Я качаю головой, снимая наволочку с подушки. «Только не злись». Он хочет вывести меня из себя; ему это не удастся. Но всякий раз, когда он ударяет по своей подушке, мне хочется врезать ему в живот.

Входит Ал, и мне даже не приходится просить его о помощи; он просто подходит и помогает мне снять постельное белье. Кровать придется отскрести потом. Ал относит стопку простыней в корзину, и мы вместе идем в тренировочный зал.

– Не обращай на него внимания, – советует Ал. – Он идиот и, если ты не станешь злиться, рано или поздно прекратит.

– Хорошо.

Я касаюсь щек. На них еще горит румянец злости. Надо отвлечься.

– Ты разговаривал с Уиллом? – тихо спрашиваю я. – Ну, после... сам знаешь.

– Да. С ним все в порядке. Он не сердится. – Ал вздыхает. – Теперь меня запомнят как парня, который первым вырубил другого.

– Не самый худший способ запомниться. По крайней мере, с тобой остерегутся враждовать.

– Есть способы и получше. – Он подталкивает меня локтем, улыбаясь. – Ты вот первая прыгнула.

Может, я и первая прыгнула, но подозреваю, что моя слава среди лихачей на этом и закончится.

Я прочищаю горло.

– Один из вас должен был потерять сознание, сам знаешь. Если не он, значит, ты.

– И все же я не хочу больше этого делать. – Ал качает головой, слишком долго, слишком быстро, и шмыгает носом. – Правда не хочу.

Мы подходим к двери тренировочного зала, и я отвечаю:

– И все же тебе придется.

У него доброе лицо. Возможно, он слишком добрый для лихача.

Я вхожу и смотрю на классную доску. Вчера мне не пришлось сражаться, но сегодня непременно придется. При виде своего имени я замираю с занесенной ногой.

Мой противник – Питер.

– О нет! – восклицает Кристина, которая, шаркая, входит за нами.

Ее лицо в синяках, и такое впечатление, что она изо всех сил старается не прихрамывать. При виде доски она комкает бумажку от маффина, которую держала в кулаке.

– Они что, серьезно? Они правда хотят заставить тебя драться с *ним*?

Питер почти на фут выше меня и вчера победил Дрю меньше чем за пять минут. Сегодня лицо Дрю скорее черно-синего, чем розового цвета.

– Может, тебе пропустить пару ударов и притвориться, будто потеряла сознание? – предлагает Ал. – Никто не станет тебя винить.

– Ага, – отвечаю я. – Может быть.

Я гляжу на свое имя на доске. Мои щеки пылают. Ал и Кристина просто пытаются помочь, но до чего досадно, что они даже в глубине души не верят, будто у меня есть шанс одержать верх над Питером!

Я стою у стены, вполуха слушая болтовню Ала и Кристины, и наблюдаю за схваткой Молли и Эдварда. Он намного проворнее, так что сегодня Молли не победить.

По мере того как драка продолжается и мое раздражение утихает, я начинаю нервничать. Вчера Четыре советовал играть на слабостях противника, но, не считая полного отсутствия привлекательных черт, у Питера нет недостатков. Он достаточно высокий, чтобы быть сильным, но не настолько крупный, чтобы быть медлительным; у него нюх на чужие уязвимые места; он злобный и не станет меня жалеть. Хотелось бы сказать, что он меня недооценивает, но это ложь. Я действительно такая неумеха,

как он считает.

Возможно, Ал прав, и мне следует пропустить пару ударов и притвориться, будто я потеряла сознание.

Но я не вправе даже не попытаться. Я не должна стоять в списке последней.

Когда Молли приподнимается с пола, явно оглушенная ударами Эдварда, мое сердце колотится так сильно, что пульсируют даже кончики пальцев. Я забыла, как стоять. Забыла, как бить. Я иду на середину арены, и у меня сводит живот, когда Питер направляется ко мне. Он выше, чем казалось, и мышцы его рук напряжены. Он улыбается мне. Интересно, если меня на него стошнит, это поможет?

Сомневаюсь.

– Все нормально, Сухарь? – спрашивает он. – У тебя такой вид, будто ты вот-вот заплачешь. Возможно, я не буду особо усердствовать, если ты разрыдаешься.

За плечом Питера я вижу у двери Четыре со сложенными на груди руками. Он кривит рот, как будто только что проглотил что-то кислое. Рядом с ним стоит Эрик и притопывает ногой быстрее, чем бьется мое сердце.

Только что мы с Питером стояли и смотрели друг на друга, и вот уже Питер поднимает руки к лицу, согнув локти. Его колени тоже согнуты, как будто он готовится прыгнуть.

– Ну же, Сухарь. – Его глаза сверкают. – Хватит и одной слезинки. Давай моли о пощаде.

При мысли о том, чтобы молить Питера о пощаде, у меня горчит во рту, и я автоматически пинаю его в бок. Или пнула бы, не поймай он мою ступню и не дерни на себя, заставив потерять равновесие. Я шлепаюсь спиной об пол, выдергиваю ногу и неуклюже поднимаюсь.

Я должна оставаться на ногах, чтобы он не пнул меня в голову. Это единственное, о чем я могу думать.

– Хватит играть с ней! – рявкает Эрик. – Я не собираюсь торчать здесь весь день.

Лукавая гримаса Питера тает. Он дергает рукой, и боль пронзает мою челюсть и разливается по лицу, отчего темнеет в глазах и звенит в ушах. Я моргаю и кренюсь набок, а комната тем временем куда-то падает и качается. Не помню, как его кулак коснулся меня.

Я слишком ошарашена, чтобы что-то делать, кроме как пятиться от него, насколько позволяет арена. Он бросается ко мне и сильно бьет в живот. Его нога вышибает воздух из легких, и мне больно, так больно, что

невозможно дышать, а может, это из-за удара, не знаю, я просто падаю.

«Не падать». Это единственное, о чем я думаю. Я заставляю себя встать, но Питер уже здесь. Он хватает меня за волосы и бьет в нос. Эта боль другая, меньше похожа на укол и больше – на хруст, она хрустит у меня в голове, и перед глазами мелькают разноцветные пятна, синие, зеленые, красные. Я пытаюсь оттолкнуть его, молочу по рукам, и он снова бьет меня, на этот раз по ребрам. Мое лицо мокрое. Чертов нос. Наверное, это кровь, но голова слишком кружится, чтобы посмотреть вниз.

Он толкает меня, и я снова падаю, скребу руками по земле и моргаю, заторможенная, вялая, разгоряченная. Я кашляю и с трудом встаю. Лучше бы полежать, ведь комната кружится так быстро. И Питер кружится вместе с ней; я центр плоскости вращения, единственная неподвижная точка. Что-то прилетает мне в бок, и я снова едва не падаю.

«Не падать, не падать». Я вижу перед собой плотную массу, чье-то тело. Я бью со всей силы, и мой кулак попадает во что-то мягкое. Питер неубедительно стонет и шлепает меня по уху ладонью, тихонько посмеиваясь. У меня звенит в ушах, и я пытаюсь сморгнуть черные пятна; и как это мне что-то попало в глаза?

Краем глаза я вижу, как Четыре распаивает дверь и выходит. Очевидно, эта схватка ему не слишком интересна. Или он собирается выяснить, почему все кружится волчком, и я его прекрасно понимаю; мне тоже хотелось бы знать.

Колени подламываются, щека касается прохладного пола. Что-то бьет меня в бок, и я впервые кричу; пронзительный визг принадлежит кому-то другому, не мне; еще удар в бок, и я больше ничего не вижу, даже того, что под самым носом, мир гаснет. Кто-то кричит: «Хватит!» И я думаю: «слишком много» и «совсем ничего».

Проснувшись, я почти ничего не чувствую, только кашу внутри головы, как будто ее набили ватными шариками.

Я знаю, что проиграла, и единственное, что сдерживает боль, – то же, от чего путаются мысли.

– Ее глаз уже почернел? – спрашивает кто-то.

Я открываю один глаз – второе веко как будто приклеили. Справа от меня сидят Уилл и Ал; Кристина сидит слева на кровати, прижимая к челюсти пакет со льдом.

– Что с твоим лицом? – спрашиваю я.

Мои губы распухли и плохо слушаются. Она смеется.

– На себя посмотри! Раздобыть тебе глазную повязку?

– Что с моим лицом, я и так знаю, – отвечаю я. – Я при этом присутствовала. В некотором роде.

– Никак ты шутишь, Трис? – усмехается Уилл. – Надо почаще давать тебе обезболивающее, раз ты отпускаешь на нем шуточки. А ответ на твой вопрос – я ее побил.

– Поверить не могу, что ты проиграла Уиллу, – качает головой Ал.

– А что? Он хорош. – Кристина пожимает плечами. – К тому же, кажется, я наконец поняла, как перестать проигрывать. Надо просто не давать им бить меня в челюсть.

– Долго же до тебя доходило. – Уилл подмигивает ей. – Теперь ясно, почему ты не эрудитка. Туго соображаешь!

– Ты нормально себя чувствуешь, Трис? – спрашивает Ал.

У него карие глаза, почти такого же цвета, как кожа Кристины. На щеках щетина, и похоже, если бы он не брился, то обзавелся бы густой бородой. Сложно поверить, что ему всего шестнадцать лет.

– Ага, – отвечаю я. – Жаль только, нельзя остаться здесь навсегда и больше не видеть Питера.

Но я не знаю, где это – «здесь». Я лежу в длинной узкой комнате с двумя рядами кроватей. Между некоторыми кроватями – занавески. С правой стороны – пост медсестры. Наверное, лихачи лежат здесь, когда болеют или поранились. Женщина на посту наблюдает за нами поверх планшета. Я никогда еще не видела медсестер с таким обилием сережек в ухе. Некоторые лихачи должны добровольно выполнять работу, которой традиционно занимаются другие фракции. В конце концов, для лихачей нет смысла тащиться в городскую больницу по всяким пустякам.

Впервые я попала в больницу в шесть лет. Мать упала на тротуаре перед нашим домом и сломала руку. Услышав ее крик, я разрыдалась, но Кaleb просто молча побежал к отцу. В больнице товарка в желтой блузке, с чистыми ногтями, улыбаясь, измерила маме кровяное давление и вправила кость на место.

Помнится, Кaleb сказал матери, что рука заживет за месяц, потому что это всего лишь трещина. Я думала, он ее успокаивал, поскольку именно так поступают самоотверженные люди, но что, если он просто повторил то, что узнал? Что, если все его альтруистические склонности были на самом деле замаскированными чертами эрудита?

– Не переживай из-за Питера, – говорит Уилл. – По крайней мере, его побил Эдвард, который с десяти лет удовольствия ради учился рукопашному бою.

– Ладно. – Кристина смотрит на часы. – Похоже, мы опаздываем на

ужин. Хочешь, посидим с тобой, Трис?

Я качаю головой.

– Все нормально.

Кристина и Уилл встают, но Ал жестом отсылает их вперед. У него ярко выраженный запах – приятный и свежий, похожий на шалфей и лемонграсс. Когда он ворочается по ночам, запах доносится до меня, и я понимаю, что Алу привиделся кошмар.

– Я просто хотел предупредить, что ты пропустила объявление Эрика. Завтра мы отправляемся на экскурсию к ограде, чтобы узнать об обязанностях лихачей, – говорит он. – Мы должны сесть на поезд в четверть девятого.

– Хорошо, – отвечаю я. – Спасибо.

– И не обращай внимания на Кристину. Ты не так уж плохо выглядишь. – Он чуть улыбается. – В смысле, ты выглядишь хорошо. Как и всегда. То есть... ты выглядишь смелой. Лихой.

Он отводит глаза и скребет в затылке. Тишина становится нестерпимой. Очень мило с его стороны, но по его поведению кажется, что это не просто слова. Надеюсь, я ошибаюсь. Меня не может тянуть к Алу – он слишком слаб для этого. Я улыбаюсь, насколько позволяет покрытая синяками щека, в надежде, что это разрядит обстановку.

– Ладно, не буду мешать отдыхать, – говорит он.

Он встает, чтобы уйти, но я хватаю его за запястье.

– Ал, с тобой все хорошо? – спрашиваю я.

Он непонимающе глядит на меня, и я добавляю:

– В смысле, тебе стало легче?

– Э-э... – Он пожимает плечами. – Немного.

Он выдергивает руку и засовывает в карман. Наверное, вопрос смутил его, потому что я впервые вижу его таким красным. Если бы я рыдала по ночам в подушку, я бы тоже немного смутилась. По крайней мере, когда я плачу, я знаю, как это скрыть.

– Я проиграл Дрю. После твоей схватки с Питером. – Он смотрит на меня. – Я пропустил несколько ударов, упал и замер. Хотя это было необязательно. Я решил... я решил, что поскольку я победил Уилла, то могу проиграть всем остальным и все же не оказаться в списке последним. Зато мне больше не придется никого бить.

– Ты действительно этого хочешь?

Он смотрит в пол.

– Я просто не могу. Возможно, это значит, что я трус.

– То, что ты не хочешь причинять другим боль, еще не значит, что ты

трус, – говорю я, поскольку обязана это сказать, пусть даже не уверена в своих словах.

На мгновение мы замираем и глядим друг на друга. Возможно, я не солгала. Если он и трус, это не потому, что он боится боли. Это потому, что он не хочет действовать.

Он страдальчески глядит на меня и спрашивает:

– Как по-твоему, наши семьи навесят нас? Говорят, семьи переходников никогда не приходят в День посещений.

– Не знаю, – отвечаю я. – И не знаю, хорошо это или плохо, если навесят.

– Думаю, плохо. – Он кивает. – Нам и без того нелегко.

Он снова кивает, как бы в подтверждение своих слов, и уходит.

Меньше чем через неделю неофиты Альтруизма смогут навестить свои семьи впервые после Церемонии выбора. Они отправятся домой, усядутся в гостиных и впервые будут общаться с родителями как взрослые.

Я с нетерпением ждала этого дня. Продумывала, что скажу отцу и матери, когда мне разрешат задавать вопросы за ужином.

Меньше чем через неделю неофиты-лихачи увидят свои семьи на дне Ямы или в стеклянном здании над лагерем и будут делать то, что делают лихачи, воссоединившись. Например, по очереди кидать ножи друг другу в голову... не удивлюсь.

Неофиты-переходники со снисходительными родителями также смогут их снова увидеть. Сомневаюсь, что мои родители достаточно снисходительны. Вряд ли – после того, как отец закричал от ярости на церемонии. Вряд ли – после того, как их бросили оба ребенка.

Возможно, если бы я могла признаться им, что я дивергент и не знаю, что выбрать, они поняли бы. Возможно, они помогли бы мне разобраться, кто такие дивергенты, что это значит и почему это опасно. Но я не доверила им свою тайну и потому никогда не узнаю, как все могло обернуться.

К глазам подступают слезы, и я сжимаю зубы. С меня хватит. Хватит слез и слабости. Но как их остановить?

Может, я засыпаю, а может, и нет. Позже вечером, однако, я выскальзываю из палаты и возвращаюсь в общую спальню. Хуже того, что Питер отправил меня в больницу, может быть только одно – остаться в ней на ночь из-за него.

Глава 11

Наутро я не слышу будильника, шарканья ног или разговоров, пока другие неофиты собираются. Я просыпаюсь от того, что Кристина трясет меня за плечо одной рукой и похлопывает по щеке другой. На ней уже надета черная куртка, застегнутая под горло на молнию. Если у нее и остались синяки после вчерашней драки, на темной коже их сложно разглядеть.

– Просыпайся, – говорит она. – Подъем.

Мне приснилось, что Питер привязал меня к стулу и спросил, не дивергент ли я. Я ответила, что нет, и он бил меня, пока я не сказала «да». Я проснулась с мокрыми щеками.

Я собираюсь что-то сказать, но получается лишь застонать. Тело болит так сильно, что трудно дышать. К тому же у меня распухли глаза от приступа рыданий прошлым вечером. Кристина протягивает мне руку.

На часах восемь. В четверть девятого мы должны быть у рельсов.

– Я сбегаю раздобуду что-нибудь на завтрак. А ты просто... соберись. Похоже, на это потребуется время, – говорит она.

Я невразумительно бурчу в ответ. Стараясь не сгибать поясницу, я шарю в ящике под кроватью в поисках чистой рубашки. К счастью, Питера здесь нет, и он не видит, как мне нелегко. С уходом Кристины в спальне никого не остается.

Расстегнув рубашку, я смотрю на свой голый бок, покрытый синяками. На мгновение цвета гипнотизируют меня: ярко-зеленый, темно-синий, коричневый. Я переодеваюсь как можно быстрее и оставляю волосы распущенными, поскольку не в силах поднять руки и убрать их за спину.

Я смотрю на свое отражение в маленьком зеркале на задней стене и вижу незнакомку. У нее такие же светлые волосы и узкое лицо, как у меня, но на этом сходство заканчивается. У меня нет заплывшего глаза, разбитой губы и синяков на челюсти. Я не белая, как бумага. Она не может быть мной, хотя и повторяет мои движения.

Когда Кристина возвращается, держа в каждой руке по маффину, я сижу на краю кровати и смотрю на ботинки у себя на ногах. Придется наклониться, чтобы завязать шнурки. Будет больно.

Но Кристина просто передает мне маффин и приседает на корточки, чтобы завязать мне ботинки. Моя грудь переполняется благодарностью, жаркой и немного болезненной. Возможно, в каждом есть капелька

альтруиста, даже если он об этом не знает.

Ладно, в каждом, кроме Питера.

– Спасибо, – говорю я.

– Ну, мы бы ни за что не успели вовремя, если бы тебе пришлось завязывать шнурки самой, – отвечает она. – Пойдем. Ты ведь можешь есть на ходу?

Мы быстро идем к Яме. Мне попался банановый маффин с грецкими орехами. Мать однажды испекла такие для бесфракционников, но мне не довелось даже попробовать. Я была уже слишком большой, чтобы мне потакать. В груди колет, как всякий раз при мысли о матери, но я не обращаю внимания и наполовину иду, наполовину бегу за Кристиной, которая забывает, что ее ноги длиннее моих.

Мы поднимаемся из Ямы в стеклянное здание и бежим к выходу. Каждый шаг пронзает грудь болью, но я терплю. Мы подбегаем к самому поезду; он оглушительно гудит.

– Что вас так задержало? – спрашивает Уилл, перекрикивая гудок.

– Коротышка за ночь превратилась в старушку, – отвечает Кристина.

– Ой, заткнись, – говорю я, причем лишь отчасти в шутку.

Четыре стоит перед нашей группой, так близко к рельсам, что еще дюйм, и поезд отрезал бы ему нос. Он отходит в сторону, чтобы пропустить нескольких ребят вперед. Уилл забирается в вагон не без труда: плюхается на живот и только потом затаскивает ноги. Четыре хватается за ручку на стенке вагона и ловко подтягивается, как будто ему не приходится управлять больше чем шестью футами тела.

Я, морщась, бегу рядом с вагоном, затем стискиваю зубы и хватаюсь за ручку сбоку. Будет больно.

Ал хватает меня под мышки и легко поднимает в вагон. Боль пронзает мой бок, но всего на секунду. Я вижу за спиной Ала Питера, и мои щеки вспыхивают. Ал хотел мне помочь, так что я ему улыбаюсь, но лучше бы люди поменьше хотели мне помогать. Можно подумать, у Питера не хватает оружия.

– Как ты, нормально? – с фальшивым участием спрашивает Питер; уголки его губ опущены, выгнутые брови сведены. – Или чувствуешь себя немного... черствой?

Он смеется над собственной шуткой, и Молли и Дрю присоединяются к нему. Молли смеется некрасиво, вся трясется и фыркает, а Дрю – тихо, и кажется, будто он корчится от боли.

– Мы в восторге от твоего искрометного остроумия, – замечает Уилл.

– Кстати, ты точно не из эрудитов, Питер? – добавляет Кристина. –

Говорят, они любят маменькиных сынков.

Прежде чем Питер успевает огрызнуться, Четыре произносит из дверного проема:

– Я должен слушать вашу перепалку всю дорогу до ограды?

Все умолкают, и Четыре снова поворачивается к выходу из вагона. Он держится за ручки по обе стороны, широко раскинув руки, и наклоняется вперед, так что его тело в основном находится снаружи вагона, и только ступни твердо стоят внутри. Ветер прижимает его рубашку к груди. Я пытаюсь смотреть мимо него на окружающий пейзаж – море крошащихся, заброшенных зданий, которые становятся все ниже и ниже.

И все же каждые несколько секунд мой взгляд падает на Четыре. Не знаю, что я ожидаю или хочу увидеть, если вообще хочу. Я делаю это непроизвольно.

– Как по-твоему, что там? – Я спрашиваю Кристину, кивая на дверь. – В смысле, за оградой.

Она пожимает плечами.

– Кучка ферм, наверное.

– Да, но я имела в виду... за фермами. От чего мы сторожим город?

Она машет скрюченными пальцами.

– От чудовищ!

Я закатываю глаза.

– Сторожа у ограды появились всего пять лет назад, – замечает Уилл. – Разве вы не помните, как патрули лихачей следили за бесфракционным сектором?

– Точно, – соглашаюсь я.

Еще я помню, что мой отец в числе прочих голосовал за то, чтобы вывести патрули лихачей из сектора бесфракционников. Он сказал, что за бедняками не нужно присматривать, им нужна помощь, и мы можем им помочь. Но лучше не упоминать об этом здесь и сейчас. Это один из множества случаев, которые эрудиты приводят в доказательство некомпетентности Альтруизма.

– Ну конечно, – произносит он. – Спорим, ты постоянно их видела?

– С чего ты взял? – слабо огрызаюсь я.

Ни к чему, чтобы меня слишком тесно связывали с бесфракционниками.

– Потому что тебе приходилось проезжать сектор бесфракционников по дороге в школу, разве нет?

– Ты что, запомнил карту города ради развлечения? – спрашивает его Кристина.

– Ну да. – Уилл выглядит озадаченным. – А ты разве нет?

Тормоза поезда визжат, и мы все кренимся вперед, когда вагон замедляет ход. Я благодарна движению, оно помогает стоять. Полуразрушенные здания закончились, сменившись желтыми полями и железнодорожными рельсами. Поезд замирает под навесом. Я спускаюсь на траву, держась за ручку, чтобы не упасть.

Передо мной ограда из сетки с колючей проволокой наверху. Я подхожу ближе и замечаю, что она тянется дальше, чем видит глаз, перпендикулярно горизонту. За оградой – небольшая рощица, в основном из мертвых деревьев. По ту сторону ограды расхаживают сторожа-лихачи с ружьями.

– За мной, – произносит Четыре.

Я держусь поближе к Кристине. Мне не хочется этого признавать, даже перед собой, но рядом с ней мне спокойнее. Если Питер начнет надо мной насмехаться, она встанет на мою сторону.

Я молча браню себя за трусость. Оскорбления Питера не должны меня волновать; необходимо сосредоточиться на том, чтобы научиться драться как следует, а не на том, как я сплеховала вчера. И я должна стремиться – если не уметь – защищать себя самостоятельно, а не полагаться на других.

Четыре ведет нас к воротам, широким, как дом, и выходящим на потрескавшуюся дорогу к городу. Когда я в детстве приезжала сюда с семьей, мы ехали на автобусе по этой дороге и дальше, к фермам Товарищества, где мы в насквозь пропотевших рубашках целыми днями собирали помидоры.

Снова колет в груди.

– Если вы не попадете в пятерку лучших по результатам инициации, вероятно, вы окажетесь здесь, – говорит Четыре, подходя к воротам. – Став сторожами, вы сможете немного продвинуться по службе, но не слишком. Получите возможность патрулировать за пределами ферм Товарищества, но...

– Зачем патрулировать? – спрашивает Уилл.

Четыре дергает плечом.

– Полагаю, вы узнаете это, если окажетесь здесь. Как я уже говорил. В большинстве случаев те, кто сторожит ограду в юности, сторожат ее и дальше. Если вам от этого легче, кое-кто уверяет, будто это не так уж и плохо.

– Ага. По крайней мере, нам не придется водить автобусы или прибираться за другими, как бесфракционникам, – шепчет Кристина мне на ухо.

– А вы какого ранга достигли? – спрашивает Питер Четыре.

Я думала, что Четыре промолчит, но он спокойно смотрит на Питера и отвечает:

– Я был первым.

– И вы выбрали *это*? – Глаза у Питера большие, круглые и темно-зеленые. Они могли бы показаться невинными, если бы я не знала, какой он ужасный человек. – Почему вы не предпочли работу в правительстве?

– Не захотел, – равнодушно отвечает Четыре.

Я вспоминаю, что он сказал в первый день о работе в диспетчерской, откуда лихачи наблюдают за безопасностью города. Мне сложно представить его там, в окружении компьютеров. Для меня он неразделим с тренировочным залом.

В школе нам рассказывали о фракционных работах. У лихачей ограниченный выбор. Мы можем сторожить ограду или следить за безопасностью города. Можем трудиться в лагере Лихости – наносить татуировки, изготавливать оружие или даже сражаться друг с другом на потеху зрителям. Или работать на лидеров Лихости. Пожалуй, это лучший для меня вариант.

Единственная проблема в том, что мой ранг ниже некуда. И я могу стать бесфракционницей в конце первой ступени.

Мы останавливаемся у ворот. Несколько сторожей-лихачей глядят в нашу сторону, но немногие. Они слишком заняты тем, что тянут створки ворот, в два раза выше и в несколько раз шире себя, чтобы пропустить грузовик.

Бородатый водитель в шапке улыбается. Он останавливается сразу за воротами и выходит. Кузов грузовика открытый, и несколько других товарищей сидят среди штабелей из ящиков. Я приглядываюсь к ящикам – в них лежат яблоки.

– Беатрис? – окликает молоденький товарищ.

Я дергаю головой при звуке своего имени. Один из товарищей в кузове грузовика стоит. У него кудрявые светлые волосы и знакомый нос с широким кончиком и узкой переносицей. Роберт. Я пытаюсь вспомнить его на Церемонии выбора, но на ум ничего не приходит, кроме стука сердца в ушах. Кто еще перешел? Может, Сьюзен? Есть ли в этом году неофиты-альтруисты? Если Альтруизм потерпел неудачу, это наша вина – Роберта, Калеба и меня. Меня! Я отгоняю неприятную мысль.

Роберт выпрыгивает из грузовика. На нем серая футболка и джинсы. После мгновенного замешательства он идет ко мне и заключает в объятия. Я застываю. Только товарищи обнимают друг друга при встрече. Я не

шевелю ни единой мышцей, пока он меня не отпускает.

Его улыбка тает, когда он смотрит на меня более пристально.

– Беатрис, что случилось? Что у тебя с лицом?

– Ничего, – отвечаю я. – Просто тренировка. Ничего.

– Беатрис? – переспрашивает гнусавый голос рядом со мной. Молли складывает руки на груди и смеется. – Это твое настоящее имя, Сухарь?

Я бросаю на нее взгляд.

– А ты думала, Трис сокращение от чего?

– Ой, ну не знаю... от тряпки?

Она касается подбородка. Если бы ее подбородок был больше, он мог бы уравновесить нос, но он скошенный и почти сливается с шеей.

– Нет, погоди, «тряпка» не начинается с «трис». Я ошиблась.

– Не надо с ней ссориться, – мягко произносит Роберт. – Меня зовут Роберт, а ты кто?

– Та, кому наплевать, как тебя зовут, – отвечает она. – Шел бы ты обратно в свой грузовик. Мы не должны якшаться с членами других фракций.

– Шла бы ты подальше от нас! – рявкаю я.

– И то правда. Не буду мешать обжиматься, – отвечает она и с улыбкой уходит.

Роберт с грустью смотрит на меня.

– Они не кажутся хорошими людьми.

– Некоторые из них.

– Знаешь, ты можешь вернуться домой. Уверен, Альтруизм сделает для тебя исключение.

– С чего ты взял, что я хочу домой? – Мои щеки пылают. – Думаешь, я не справлюсь, или что?

– Дело не в этом. – Он качает головой. – Не в том, что не справишься, а в том, что не стоит. Ты заслуживаешь счастья.

– Я выбрала Лихость. И точка.

Я смотрю Роберту за плечо. Похоже, сторожа-лихачи закончили проверять грузовик. Бородач садится за руль и закрывает дверцу кабины.

– И кроме того, Роберт... Я хочу от жизни не только счастья.

– А ведь это бы все упростило, правда? – замечает он.

Прежде чем я успеваю ответить, он касается моего плеча и поворачивается к грузовику. У девушки в кузове банджо на коленях. Она начинает брнчать на нем, когда Роберт устраивается внутри, и грузовик трогается с места, увозя от нас звуки банджо и переливчатый голос девушки.

Роберт машет мне, и я мысленно вижу еще одну возможную жизнь. Вижу, как сижу в кузове грузовика, подпеваю девушке, хотя никогда раньше не пела, смеюсь, когда попадаю мимо нот, взбираюсь на деревья за яблоками; всегда в покое, всегда в безопасности.

Сторожа-лихачи запирают ворота. Замок – снаружи. Я прикусываю губу. Почему они запирают ворота снаружи, а не изнутри? Можно подумать, они не сторожат нас от опасности, а не хотят выпускать.

Я отгоняю эту нелепую мысль.

Четыре отходит от ограды, где только что разговаривал с лихачкой с ружьем на плече.

– Боюсь, у тебя талант принимать неразумные решения, – произносит он в футах от меня.

Я скрещиваю руки на груди.

– Мы всего пару минут поболтали.

– Сомневаюсь, что более короткий разговор был бы менее неразумным.

Он хмурит лоб и касается уголка моего заплывшего глаза кончиками пальцев. Я дергаю головой, но он не убирает руку. Вместо этого он наклоняет голову и вздыхает.

– Знаешь, будет лучше, если ты научишься нападать первой.

– Нападать первой? – переспрашиваю я. – Но чем это поможет?

– Ты быстрая. Если успеешь пару раз хорошенько врезать, прежде чем противник поймет, что происходит, – сможешь выиграть.

Он пожимает плечами и убирает руку.

– Странно, что вы это знаете, – тихо говорю я, – ведь вы ушли на середине моей единственной схватки.

– Я не хотел этого видеть, – отвечает он.

«Что он имеет в виду?»

Он прочищает горло.

– Похоже, пришел следующий поезд. Нам пора, Трис.

Глава 12

Я заползаю на матрас и вздыхаю. Прошло уже два дня после схватки с Питером, и синяки становятся фиолетово-синими. Я привыкла к боли при каждом движении, так что передвигаюсь уже лучше, но до полного исцеления все еще далеко.

Несмотря на то что я до сих пор нездорова, сегодня мне пришлось драться. К счастью, на этот раз меня поставили с Майрой, которая не способна никого ударить, если не направлять ее руку. Я хорошенько ей врезала в первые же две минуты. Она упала, у нее закружилась голова, и она так и не смогла подняться. Мне следует чувствовать себя победительницей, но мало чести в том, чтобы избить такую девушку, как Майра.

Едва моя голова касается подушки, как дверь спальни открывается, и в комнату врывается толпа с фонариками. Я сажусь, едва не ударившись об основание кровати над головой, и щурюсь сквозь темноту, пытаюсь разглядеть, что происходит.

– Всем подъем! – орет кто-то.

За его спиной сияет фонарик, подсвечивая колечки в ушах. Эрик. Вокруг него другие лихачи, некоторых я видела в Яме, некоторые мне незнакомы. Четыре тоже среди них.

Он смотрит мне в глаза и не отводит взгляд. Я смотрю на него и забываю, что переходники спешно покидают кровати.

– Ты что, оглохла, Сухарь? – рявкает Эрик.

Страхнув оцепенение, я выскальзываю из-под одеял.

Хорошо, что я сплю в одежде, потому что Кристина стоит рядом с нашей двухъярусной кроватью в одной футболке, ее длинные ноги обнажены. Она складывает руки на груди и смотрит на Эрика. Внезапно я жалею, что не могу так же дерзко смотреть на других, будучи полуголой, но я никогда этому не научусь.

– У вас пять минут на то, чтобы одеться и встретиться с нами у рельсов, – говорит Эрик. – Мы отправляемся на очередную экскурсию.

Я засовываю ноги в ботинки и, морщась, бегу за Кристиной к поезду. Капля пота катится сзади по моей шее, когда мы несемся по тропинкам вдоль стен Ямы, протискиваясь мимо членов фракции. Похоже, они не удивляются при виде нас. Наверное, каждую неделю встречают взволнованных, бегущих людей.

Мы подбегаем к рельсам сразу после неофитов-лихачей. Рядом с рельсами – черная грудa. Я различаю только длинные стволы и скобы спусковых крючков.

– Нас что, заставят стрелять? – шипит Кристина мне на ухо.

Рядом с грудой – коробки, судя по всему, с патронами. Я подхожу ближе, чтобы прочесть надпись на коробке. На ней написано: «Шарики с краской».

Никогда о них раньше не слышала, но название говорит само за себя. Я смеюсь.

– Разбираем маркеры! – кричит Эрик.

Мы бросаемся к грудe. Я стою ближе всех и потому хватаю первый попавшийся маркер, тяжелый, но не слишком, и коробку шариков. Коробку я запикиваю в карман, а маркер перекидываю за спину.

– Время? – спрашивает Эрик у Четыре.

Тот смотрит на часы.

– С минуты на минуту. Когда ты уже запомнишь расписание поездов?

– А зачем, если ты всегда под рукой? – Эрик толкает Четыре в плечо.

Слева от меня появляется кружок света, далеко-далеко. Он становится все больше, приближаясь, освещая лицо Четыре только с одной стороны, отбрасывая тень в легкую впадину под скулой.

Он первым садится на поезд, и я бросаюсь следом, не жду Кристину, Уилла или Ала. Четыре оборачивается, когда я бегу рядом с вагоном, и протягивает руку. Я хватаюсь за нее, и он поднимает меня наверх. Даже мышцы его предплечья напряжены, четко очерчены.

Я быстро отступаю, не глядя на него, и сажусь на другой стороне вагона.

Когда все оказываются на месте, Четыре начинает инструктаж.

– Мы разделимся на две команды, чтобы сыграть в захват флага. В каждой команде будет равное количество членов фракции, неофитов-лихачей и переходников. Одна команда покинет поезд первой и найдет укрытие для своего флага. Затем вторая команда сделает то же самое. – Вагон качает, и Четыре хватается за край двери, чтобы не упасть. – Это традиция Лихости, так что советую вам относиться к ней серьезно.

– Что мы получим, если выиграем? – кричит кто-то.

– Непохоже на вопрос настоящего лихача. – Четыре выгибает бровь. – Победа – награда сама по себе.

– Мы с Четыре будем капитанами ваших команд, – сообщает Эрик и глядит на Четыре. – Давай сначала поделим переходников?

Я откидываю голову назад. Если они нас выбирают, меня выберут

последней; я чувствую это.

– Ты первый, – говорит Четыре.

Эрик пожимает плечами.

– Эдвард.

Четыре прислоняется к дверному косяку и кивает. Его глаза сверкают в лунном свете. Он окидывает группу переходников безразличным взглядом и произносит:

– Я хочу Сухаря.

Вагон наполняют скрытые смешки. Мои щеки заливаются краской. Что мне делать: злиться на тех, кто смеется надо мной, или радоваться, что он выбрал меня первой?

– Хочешь что-то доказать? – спрашивает Эрик со своей фирменной ухмылкой. – Или просто выбираешь слабаков, чтобы было кого винить в случае поражения?

Четыре пожимает плечами.

– Что-то вроде того.

Злость. Я должна испытывать злость. Я хмурюсь, глядя на свои руки. В чем бы ни заключалась стратегия Четыре, она основана на представлении, что я слабее других неопитов. Во рту появляется горький привкус. Я должна доказать, что он ошибается... должна.

– Твоя очередь, – произносит Четыре.

– Питер.

– Кристина.

Новый поворот в его стратегии. Кристина – не из самых слабых. Что именно он делает?

– Молли.

– Уилл. – Четыре покусывает ноготь.

– Ал.

– Дрю.

– Последняя – Майра. Выходит, она со мной, – говорит Эрик. – Следующие – неопиты-лихачи.

Я перестаю слушать, как только с нами покончено. Если Четыре не пытается ничего доказать, выбирая слабейших, что же он делает? Я смотрю на тех, кого он выбирает. Что между нами общего?

Примерно на середине списка неопитов-лихачей мне приходит в голову идея. За исключением Уилла и еще пары человек, у нас у всех одинаковое телосложение: узкие плечи, хрупкий костяк. Все члены команды Эрика широкоплечие и сильные. Не далее как вчера Четыре говорил, что я быстрая. Мы все будем быстрее, чем команда Эрика, что,

вероятно, хорошо для захвата флага – я прежде не играла, но знаю, что это в большей степени игра скорости, чем грубой силы. Я прикрываю улыбку ладонью. Эрик более жестокий, чем Четыре, зато Четыре умнее.

Они заканчивают выбирать команды, и Эрик ухмыляется Четыре.

– Твоя команда может сойти второй, – предлагает Эрик.

– Обойдусь без одолжений, – отвечает Четыре и чуть улыбается. – Ты же знаешь, я выиграю и без них.

– Нет, я знаю, что ты проиграешь, когда бы ни сошел. – Эрик на мгновение прикусывает одно из колечек в губе. – Что ж, забирай свою хилую команду и слезай первым.

Мы встаем. Ал печально глядит на меня, и я улыбаюсь в ответ, хотелось бы верить, что ободряюще. Раз уж кому-то из нашей четверки пришлось оказаться в одной команде с Эриком, Питером и Молли, хорошо, что это именно он. Обычно они оставляют его в покое.

Поезд готовится к спуску. Я полна решимости приземлиться на ноги.

Перед самым прыжком кто-то толкает меня в плечо, и я едва не вываливаюсь из вагона. Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это – Молли, Дрю или Питер. Какая разница? Прежде чем они повторяют попытку, я прыгаю. На этот раз я готова к импульсу, который придает поезд, и пробегаю несколько шагов, чтобы рассеять его, но удерживаюсь на ногах. Меня окатывает жаркая волна удовольствия, и я улыбаюсь. Это скромное достижение, но оно позволяет мне чувствовать себя лихачкой.

Неофитка-лихачка касается плеча Четыре и спрашивает:

– Когда ваша команда выиграла, куда вы спрятали флаг?

– Если я тебе скажу, это будет неспортивно, Марлин, – холодно отвечает он.

– Да ладно, Четыре, – ноет она.

Она кокетливо улыбается ему. Он смахивает ее руку с плеча, и почему-то мои губы расплываются в улыбке.

– Военно-морской пирс! – кричит ей неофит-лихач.

Высокий, с коричневой кожей и темными глазами.

Красивый.

– Мой брат был в команде победителей. Они спрятали флаг в карусели.

– Ну так идем туда, – предлагает Уилл.

Никто не возражает, и мы идем на восток, к болоту, которое когда-то давно было озером. В детстве я пыталась вообразить, как оно выглядело прежде, без ограды, вделанной в грязь для защиты города. Но очень трудно представить столько воды в одном месте.

– Кажется, мы рядом со штаб-квартирой Эрудиции? – Кристина

толкает Уилла плечом.

– Да. Она к югу отсюда, – отвечает он.

Уилл оборачивается, и на мгновение его лицо становится тоскливым. Затем это проходит.

Я меньше чем в миле от своего брата. Прошла неделя с тех пор, как мы в последний раз были так близко. Я чуть трясую головой, чтобы выкинуть из нее эту мысль. Нельзя думать о брате сегодня, когда я должна сосредоточиться на том, чтобы преодолеть первую ступень. Мне вообще нельзя пока о нем думать.

Мы переходим через мост. Мосты нужны до сих пор, поскольку грязь между ними слишком мокрая, чтобы по ней ходить. Интересно, сколько лет минуло с тех пор, как высохла река?

За мостом город меняется. За нашими спинами большинство зданий использовались, а если и нет, не выглядели заброшенными. Впереди расстилается море крошащегося бетона и разбитого стекла. Тишина в этой части города стоит жуткая, словно в ночном кошмаре. Трудно разглядеть, куда я иду, поскольку перевалило за полночь и все городские огни погасли.

Марлин достает фонарик и светит на улицу перед нами.

– Боишься темноты, Мар? – поддразнивает ее темноглазый неофит-лихач.

– Хочешь наступить на битое стекло, Юрайя, – ради бога, – отрезает она, но все равно выключает фонарик.

Я уже поняла, что часть кредо лихачей – усложнять себе жизнь, чтобы быть независимыми. Нет ничего особенно мужественного в том, чтобы бродить по темным улицам без фонарика, но мы не должны нуждаться в помощи, даже помощи света. Мы должны справляться с чем угодно.

Мне это нравится. Ведь может наступить день, когда не будет фонарика, не будет пистолета, не будет руководителя. И я хочу быть готовой к нему.

Здания заканчиваются перед самым болотом. Полоска земли вдается в болото, и из него вырастает гигантское белое колесо с десятками красных кабинок, висящих через равные промежутки. Чертово колесо.

– Ты только подумай! Люди катались на этой штуке. Развлечения ради. – Уилл качает головой.

– Наверное, они были лихачами, – говорю я.

– Да, но никудышными лихачами. – Кристина смеется. – На чертовом колесе лихачей не должно быть кабинок. Держись крепче, и попутного ветра!

Мы идем по краю пирса. Все здания по левую руку пусты, их вывески

сорваны, окна закрыты, но это опрятная пустота. Люди уходили по доброй воле, без спешки. Об иных районах города этого не скажешь.

– Спорим, ты не прыгнешь в болото. – Кристина подначивает Уилла.

– Только после тебя.

Мы подходим к карусели. Некоторые лошадки поцарапаны и потрепаны непогодой, хвосты отломаны, седла потрескались. Четыре достает флаг из кармана.

– Через десять минут вторая команда выберет место, – говорит он. – Советую потратить это время на разработку стратегии. Может, мы и не эрудиты, но интеллектуальная подготовка – один из аспектов вашего обучения. Возможно, самый важный аспект.

Он прав. Что толку в натренированном теле, если в голове – полная каша?

Уилл берет флаг у Четыре.

– Часть людей должна остаться здесь и охранять флаг, часть – отправиться на разведку и найти укрытие другой команды, – предлагает Уилл.

– Да ну? Ты уверен? – Марлин забирает флаг у Уилла. – Тебя назначили командовать, переходник?

– Нет, – признает Уилл. – Но кто-то же должен.

– Возможно, нам стоит разработать оборонительную стратегию. Дождаться их и уничтожить, – предлагает Кристина.

– Так поступают только слабаки, – возражает Юрайя. – Я предлагаю уйти всем, спрятав флаг как следует, чтобы его не нашли.

Все говорят одновременно, голоса становятся громче с каждой секундой. Кристина защищает план Уилла; неофиты-лихачи голосуют за нападение; все спорят, кто должен принять решение. Четыре садится на край карусели, прислонившись к копыту пластмассовой лошади. Он поднимает глаза к небу, где нет звезд и только круглая луна проглядывает сквозь тонкий слой облаков. Мышцы его рук расслаблены, ладонь лежит на затылке. Он выглядит почти умиротворенным, несмотря на пистолет на плече.

Я на мгновение закрываю глаза. Почему он так легко меня отвлекает? Я должна сосредоточиться.

Что бы я сказала, если бы могла перекричать этот птичий базар? Мы не можем действовать, пока не узнаем, где команда соперников. Они могут быть где угодно в радиусе двух миль, разве что пустое болото можно вычеркнуть. Лучший способ найти их – не спорить о том, как это сделать или сколько разведчиков послать.

Лучший способ найти их – забраться как можно выше.

Я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что за мной не наблюдают. Никто на меня не смотрит, так что я иду к чертову колесу легкими, неслышными шагами, прижимая маркер к спине, чтобы не гремел.

Когда я смотрю на чертовое колесо с земли, у меня сжимается горло. Оно выше, чем я думала, такое высокое, что кабинок на самом верху почти не видно. Радует одно – солидная конструкция колеса. Если я заберусь наверх, оно не обрушится под моим весом.

Сердце бьется быстрее. Неужели я действительно рискну жизнью ради этого – ради победы в любимой лихачами игре?

Я смотрю на огромные ржавые опоры, которые удерживают колесо на месте, и с трудом различаю в темноте переладины лестницы. Каждая ступенька шириной всего лишь с мои плечи, и перил нет, но подниматься по лестнице все же лучше, чем карабкаться по спицам колеса.

Я хватаюсь за переладину. Она ржавая, тонкая и разве только не крошится в руках. Я повисаю на нижней переладине, затем подпрыгиваю, чтобы проверить, выдержит ли она мой вес. Движение пронзает ребра болью, и я морщусь.

– Трис, – произносит низкий голос за спиной.

Не знаю, почему я не вздрагиваю. Возможно, потому что становлюсь лихачкой, а интеллектуальная подготовка – важная часть моего обучения. Возможно, потому что его голос низкий, ровный и почти успокаивающий. Как бы там ни было, я оборачиваюсь. Четыре стоит за мной, перекинув маркер за спину, как и я.

– Да? – откликаюсь я.

– Решил узнать, что ты надумала.

– Ищу место повыше, – отвечаю я. – Не то чтобы я много думала.

Я вижу в темноте его улыбку.

– Хорошо. Я сейчас.

Я на мгновение останавливаюсь. Он не смотрит на меня так, как порой смотрят Уилл, Кристина и Ал, – как будто я слишком маленькая и слабая, чтобы от меня был прок, и оттого им жаль меня. Но если он настаивает на том, чтобы пойти со мной, наверное, это потому, что он во мне сомневается.

– Я справлюсь, – отвечаю я.

– Разумеется, – соглашается он.

Я не слышу в его голосе иронии, но знаю, что она там есть. Должна быть.

Я лезу по лестнице, и через несколько футов он присоединяется ко

мне. Он передвигается быстрее, и скоро его руки нащупывают ступени, которые покидают мои ноги.

– Скажи мне вот что... – тихо, чуть задыхаясь, произносит он, пока мы поднимаемся. – Как по-твоему, в чем цель этого упражнения? В смысле, игры, а не подъема.

Я опускаю взгляд на мостовую. Кажется, она уже очень далеко, но я не поднялась и на треть. Надо мной платформа, под самым центром колеса. Именно туда я стремлюсь. Я даже не думаю о том, как буду спускаться. Ветерок, который раньше овеивал мои щеки, теперь дует в бок. Чем выше мы поднимемся, тем сильнее он станет. Я должна быть готова.

– Научиться стратегии, – отвечаю я. – Возможно, командной работе.

– Командной работе, – повторяет он.

Смешок застревает в его горле. Похоже на испуганный вздох.

– А может, и нет, – продолжаю я. – Вряд ли командная работа в почете у лихачей.

Ветер становится сильнее. Я прижимаюсь к белой опоре, чтобы не упасть, но так сложнее взбираться. Карусель подо мной кажется маленькой. Я с трудом различаю свою команду под тентом. Несколько человек не хватает – наверное, разведчики ушли.

– Должна быть в почете, – отвечает Четыре. – Была когда-то.

Но я особо не прислушиваюсь, потому что от высоты кружится голова. Руки болят от перекладин, а ноги дрожат, сама не знаю почему. Меня пугает не высота – от высоты меня переполняет энергия; каждый орган, сосуд и мускул в моем теле поют на одной ноте.

Затем я понимаю, в чем дело. В Четыре. В нем есть что-то, отчего мне кажется, что я вот-вот упаду. Или растаю. Или вспыхну ярким пламенем.

Моя рука едва не пропускает перекладину.

– А скажи мне... – он дышит с трудом, – как по-твоему, какая связь между стратегией и... отвагой?

Вопрос напоминает, что он мой инструктор, и я должна чему-то научиться. Облако заслоняет луну, и по моим рукам скользят тени.

– Она... она готовит нас к действию, – наконец отвечаю я. – Научившись стратегии, мы можем ее использовать.

Я слышу, как он дышит за спиной, громко и часто.

– Все в порядке, Четыре?

– Ты вообще человек, Трис? Так высоко... – Он ловит ртом воздух. – Тебе совсем не страшно?

Я оглядываюсь на землю. Если я сейчас упаду, то умру. Но вряд ли я упаду.

Порыв ветра ударяет мне в левый бок, снося вправо. Я ахаю и цепляюсь за перекладины, едва не потеряв равновесие. Холодная рука Четыре ложится на мое бедро, палец касается полоски голой кожи под краем футболки. Он сжимает пальцы, чтобы я не упала, и осторожно подталкивает меня влево, помогая восстановить равновесие.

Теперь я не могу дышать. Я останавливаюсь, глядя на свои руки, во рту пересохло. На бедре словно остался призрачный след его ладони, длинных узких пальцев.

– Все в порядке? – тихо спрашивает он.

– Да, – сдавленным голосом отвечаю я.

Я продолжаю молча карабкаться, пока не достигаю платформы. Судя по затупленным концам металлических прутьев, раньше на ней были перила, но теперь их нет. Я сажусь и сдвигаюсь к краю, чтобы освободить место для Четыре. Не раздумывая я свешиваю ноги вниз. Четыре, однако, садится на корточки и прижимается спиной к металлической опоре, тяжело дыша.

– Ты боишься высоты, – догадываюсь я. – Как тебе живется в лагере Лихости?

– Я не обращаю внимания на страх, – отвечает он. – Притворяюсь, будто его не существует, когда принимаю решения.

Я мгновение смотрю на него. Ничего не могу с собой поделать. Для меня есть разница между тем, чтобы не бояться, и тем, чтобы преодолевать свой страх, как поступает он.

Я смотрю на него слишком долго.

– Что? – тихо спрашивает он.

– Ничего.

Я отворачиваюсь от него и смотрю на город. Надо сосредоточиться. Я забралась сюда не просто так.

Город черный как смоль, но я все равно не смогла бы увидеть, что там вдали. Обзор заслоняет здание.

– Мы недостаточно высоко, – говорю я и смотрю вверх. Надо мной путаница белых прутьев, несущие конструкции колеса. Если забираться осторожно, можно ставить ноги между опорами и поперечинами и оставаться в безопасности. Насколько это возможно.

– Я лезу дальше.

Я встаю, хватаюсь за одну из перекладин над головой и подтягиваюсь. Мои покрытые синяками бока раз за разом пронзает боль, но я не обращаю внимания.

– Бога ради, Сухарь! – молит он.

– Ты не должен идти за мной.

Я изучаю лабиринт прутьев над головой. Ставлю ногу на перекрестье двух прутьев и подтягиваюсь, одновременно хватаясь за третий прут. Мгновение я покачиваюсь; сердце бьется так сильно, что я почти ничего больше не чувствую. Все мысли сжались в точку и пульсируют в едином ритме.

– Нет, должен, – отвечает он.

Это безумие, и я это знаю. Ошибка в долю дюйма, полусекундное промедление, и моя жизнь оборвется. Жар раздирает мне грудь, и я улыбаюсь, хватая следующий прут. Я подтягиваюсь, мои руки дрожат, я упираюсь ногой и встаю на очередную перекладину. Обретя равновесие, я смотрю вниз на Четыре. Но вижу не его, а землю.

У меня перехватывает дыхание.

Я представляю, как мое тело камнем летит вниз, врезаясь по пути в перекладины, как мои руки и ноги раскинуты под неестественными углами на мостовой, как у сестры Риты, которая не допрыгнула до крыши. Четыре хватается за перекладины обеими руками и с легкостью подтягивается, как будто садится в кровати. Но он не спокоен и не безмятежен – каждый мускул на его руках напряжен. Глупо думать об этом, когда до земли сотня футов.

Я хватаюсь за очередную перекладину, нахожу, куда поставить ногу. Когда я снова смотрю на город, здание мне не мешает. Я достаточно высоко, чтобы видеть горизонт. Большинство зданий – черные силуэты на темно-синем небе, но на макушке «Втулки» горят красные огни. Они мигают вполосину медленнее, чем бьется мое сердце.

Улицы под зданиями похожи на тоннели. Несколько мгновений я вижу лишь темную пелену на земле подо мной, лишь смутные различия между зданиями, небом, улицами и землей. Затем я вижу внизу крошечный пульсирующий огонек.

– Видишь? – Я указываю на него.

Четыре перестает карабкаться, только оказавшись за моей спиной, и смотрит мне через плечо; его подбородок совсем рядом с моей головой. Его дыхание касается моего уха, и я снова дрожу, как тогда, когда поднималась по лестнице.

– Ага.

Его лицо расплывается в улыбке.

– Это в парке на конце пирса, – говорит он. – Я так и думал. Вокруг открытое пространство, но деревья немного его маскируют. Явно недостаточно.

– Отлично.

Я смотрю на него через плечо. Мы так близко, что я забываю, где нахожусь, но зато замечаю, что уголки его губ от природы опущены, как и у меня, и у него шрам на подбородке.

– Гм. – Я прочищаю горло. – Спускайся. Я следом.

Четыре кивает и начинает спускаться. У него такие длинные ноги, что он легко находит место для ступней и пролезает между арматурой. Даже в темноте видно, что его руки ярко-красные и дрожат.

Я спускаю одну ногу, опираюсь на поперечину. Прут трескается под моим весом и отламывается, со звоном ударяясь по пути о пяток других прутьев и подпрыгивая на мостовой. Я вишу на перекладине, мои ноги болтаются в воздухе. Из груди вырывается сдавленный вздох.

– Четыре!

Я пытаюсь найти, куда поставить ногу, но ближайшая опора в паре футов и до нее не дотянуться. Мои ладони вспотели. Я вспоминаю, как вытирала их о брюки перед Церемонией выбора, перед проверкой склонностей, перед каждым важным событием, и едва сдерживаю крик. Я соскользну. Соскользну.

– Держись! – кричит он. – Просто держись. У меня есть идея.

Он продолжает спускаться. Он движется в неправильном направлении; он должен карабкаться ко мне, а не от меня. Я смотрю на свои руки, обхватившие узкий прут так сильно, что костяшки пальцев побелели. Мои пальцы темно-красные, почти пурпурные. Долго они не протянут.

Я долго не протяну.

Я зажмуриваюсь. Лучше не смотреть. Лучше притвориться, что всего этого не существует. Я слышу, как кроссовки Четыре скрипят по металлу, как он быстро перебирает перекладины лестницы.

– Четыре! – кричу я.

Возможно, он ушел. Возможно, он меня бросил. Возможно, это проверка моей силы, моей храбрости. Я вдыхаю через нос и выдыхаю через рот. Считаю вдохи, чтобы успокоиться. Раз, два. Вдох, выдох. «Ну же, Четыре, – моя единственная мысль. – Ну же, сделай что-нибудь».

Затем я слышу, как что-то хрипит и скрипит. Перекладина, за которую я держусь, содрогается, и я кричу сквозь сжатые зубы, пытаюсь не разжать пальцев.

Колесо движется.

Воздух обвивается вокруг лодыжек и запястий, потому что ветер бьет фонтаном, словно гейзер. Я открываю глаза. Я двигаюсь – к земле. Я истерически смеюсь, голова идет кругом, а земля все ближе и ближе. Но я

набираю скорость. Если я не спрыгну в нужный момент, движущиеся кабинки и металлическая арматура потащат мое тело за собой, и тогда я точно умру.

Каждая мышца в моем теле напрягается, когда я бросаюсь к земле. Я вижу трещины на мостовой, отпускаю руки, и мое тело камнем падает вниз. Ноги подламываются, и я прижимаю руки к телу, стараясь как можно скорее перекатиться на бок. Бетон царапает лицо, и я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как кабинка мчится на меня, словно гигантский ботинок, готовый раздавить. Я снова перекатываюсь, и дно кабинки задевает мое плечо.

Я в безопасности.

Я прижимаю ладони к лицу и даже не пробую встать. Если я встану, то наверняка сразу упаду. Я слышу шаги, и Четыре хватает меня за запястья. Я позволяю ему отвести мои руки от глаз.

Моя ладонь идеально помещается между его ладонями. Тепло его кожи преодолагает боль в пальцах, слишком долго цеплявшихся за прутья.

– Все в порядке? – спрашивает он, сжимая мою ладонь.

– Ага.

Он начинает смеяться.

Через мгновение я присоединяюсь к нему. Свободной рукой я помогаю себе сесть. Я остро чувствую, сколь невелико расстояние между нами – не больше шести дюймов. И все они заряжены электричеством. Но кажется, что мы должны быть еще ближе.

Он встает, одновременно поднимая меня. Колесо продолжает крутиться, создавая ветер, который отбрасывает мои волосы назад.

– Мог бы и сказать, что чертово колесо до сих пор работает. – Я стараюсь казаться небрежной. – Не пришлось бы на него карабкаться.

– Знал бы – сказал бы, – отвечает он. – Не мог оставить тебя просто болтаться, вот и рискнул. Идем, пора добыть флаг соперников.

Четыре мгновение медлит и берет меня за руку, кончики его пальцев касаются внутренней стороны моего локтя. Будь он членом другой фракции, он дал бы мне время прийти в себя, но он лихач и потому улыбается мне и направляется к карусели, где члены нашей команды охраняют флаг. А я наполовину бегу, наполовину прихрамываю за ним. Я все еще испытываю слабость, но мой разум бодрствует, особенно когда Четыре держит меня за руку.

Кристина сидит на одной из лошадок, скрестив длинные ноги и обхватив рукой шест, который поддерживает пластмассовое животное в вертикальном положении. Наш флаг за ее спиной, сияющий в темноте

треугольник. Три неопфита-лихача стоят среди других потертых и грязных животных. Один из них держит руку на голове лошадки, и поцарапанный лошадиный глаз смотрит на меня сквозь пальцы. На краю карусели сидит взрослая лихачка и почесывает четырежды проколотую бровь большим пальцем.

– Где остальные? – спрашивает Четыре.

Судя по его виду, он возбужден не меньше меня, его глаза широко распахнуты, полны энергии.

– Вы что, повернули колесо? – спрашивает старшая девушка. – О чем вы думали, черт побери? Могли бы с тем же успехом крикнуть: «Мы здесь! Идите к нам!»

Она качает головой.

– Если я опять проиграю, умру со стыда. Три года подряд!

– Забудь о колесе, – говорит Четыре. – Мы знаем, где они.

– Мы? – Кристина переводит взгляд с Четыре на меня.

– Да, пока вы все плевали в потолок, Трис забралась на чертово колесо, чтобы поискать команду соперников, – отвечает он.

– И что нам теперь делать? – спрашивает неопфит-лихач, зевая.

Четыре смотрит на меня. Постепенно глаза других неопфитов, включая Кристину, тоже обращаются ко мне. Я напрягаю плечи, готовясь пожать ими и заявить, что не знаю, но вдруг перед моим мысленным взором встает образ пирса, лежащего под ногами. У меня есть идея.

– Разделимся пополам, – предлагаю я. – Четверо пойдут по правой стороне пирса, трое по левой. Команда противников – в парке на конце пирса, так что группа из четырех человек атакует, а группа из трех прокрадется за спины соперников и добудет их флаг.

Кристина смотрит на меня, как будто больше не узнает. Ее легко понять.

– Звучит неплохо. – Старшая девушка хлопает в ладоши. – Давайте уже покончим с этой ночью!

Я пойду по левой стороне. Ко мне присоединяется Кристина, а также Юрайя, улыбка которого сверкает белизной на фоне бронзовой кожи. Я только сейчас замечаю, что у него за ухом татуировка в виде змеи. Мгновение я смотрю на змеиный хвост, закрученный параллельно мочке, но затем Кристина пускается бегом, и я должна последовать ее примеру.

Мне приходится бежать вдвое быстрее, чтобы мои короткие шажки поспедали за ее длинными шагами. На бегу до меня доходит, что только один из нас коснется флага, и неважно, что это мой план и мои сведения привели нас к флагу, если не я его схвачу. Я прибавляю ходу, хотя и без того

задыхаюсь, и наступаю Кристине на пятки. Я перекидываю маркер на грудь, держа палец на спуске.

Мы достигаем конца пирса, и я закрываю рот, чтобы не так громко дышать. Мы снижаем скорость, наши шаги становятся тише, и я вновь ищу мигающий свет. Теперь, когда я на земле, он больше и его легче разглядеть. Я указываю на него, и Кристина кивает, направляясь в его сторону.

Затем я слышу хор криков, таких громких, что даже подпрыгиваю. Слышу хлопки, когда шарики вылетают из маркеров, и всплески, когда они попадают в цель.

Наша команда напала, команда соперников бежит им навстречу, и флаг почти не охраняется. Юрайя целится и стреляет последнему охраннику в бедро. Охранник, невысокая девушка с фиолетовыми волосами, в гневе бросает маркер на землю.

Я бегу за Кристиной. Флаг висит на ветке дерева, высоко над моей головой. Я тянусь к нему, как и Кристина.

– Да ладно тебе, Трис, – произносит она. – Ты и без того героиня дня. К тому же тебе его не достать, сама знаешь.

Она снисходительно смотрит на меня, как взрослые порой смотрят на детей, когда те ведут себя слишком серьезно, и сдергивает флаг с ветки. Не глядя на меня, она поворачивается и издает победный вопль. Голос Юрайи присоединяется к ее голосу, и затем я слышу хор криков вдалеке.

Юрайя хлопает меня по плечу, и я пытаюсь забыть взгляд Кристины. Возможно, она права; я и так уже себя показала. Я не хочу быть жадной, не хочу быть как Эрик, бояться чужой силы.

Победные крики становятся заразительными, и я вплетаю в них свой голос, спеша навстречу товарищам по команде. Кристина высоко держит флаг, и все толпятся вокруг нее, подпирают ее руку, чтобы поднять флаг еще выше. Я не могу пробиться к ней и потому держусь в стороне, усмехаясь.

Моего плеча касается чья-то рука.

– Отличная работа, – тихо произносит Четыре.

– Поверить не могу, что все пропустил! – повторяет Уилл, качая головой.

Ветер, задувающий в дверь вагона, треплет ему волосы.

– Ты выполнял очень важную работу: не путался у нас под ногами, – сияет Кристина.

Ал стонет:

– Ну почему я оказался в другой команде?

– Потому что жизнь несправедлива, Альберт. И все сговорились против тебя, – отвечает Уилл. – Слушайте, можно, я еще взгляну на флаг?

Питер, Молли и Дрю сидят напротив членов фракции, в углу. Их груди и спины забрызганы голубой и розовой краской, и выглядят они унылыми. Они тихо беседуют, украдкой поглядывая на нас, особенно на Кристину. В том, что не я держу флаг, есть свое преимущество – мне ничто не угрожает. По крайней мере, не больше, чем обычно.

– Так значит, ты забралась на чертово колесо. – Юрайя пересекает вагон и садится рядом со мной.

Марлин, девушка с кокетливой улыбкой, следует его примеру.

– Да, – отвечаю я.

– Умно придумано. Ты прямо как... эрудит, – замечает Марлин. – Меня зовут Марлин.

– Трис, – представляюсь я.

Дома сравнение с эрудитом было бы оскорблением, но в ее устах это звучит как комплимент.

– Ага, я знаю, кто ты, – произносит она. – Первого прыгуна не так просто забыть.

Прошли годы с тех пор, как я спрыгнула с крыши в своей серой форме; прошли десятилетия.

Юрайя достает из бункера маркера шарик с краской и сжимает его большим и указательным пальцами. Поезд накрывается влево, и Юрайя падает на меня; его пальцы сдавливают шарик, и струя вонючей розовой краски брызгает мне в лицо.

Марлин рассыпается смешками. Я медленно вытираю часть краски с лица и размазываю по его щеке. В вагоне витает запах рыбьего жира.

– Фу! – Он снова сдавливает шарик, направляя его на меня, но отверстие находится под неправильным углом, и краска брызгает ему в рот. Он кашляет и делает вид, будто его вот-вот вырвет.

Я вытираю лицо рукавом и смеюсь до колик в животе.

Если бы вся моя жизнь была такой – громкий смех, дерзкие поступки и усталость, какую чувствуешь после тяжелого, но приятного дня, – я была бы довольна. Пока Юрайя скребет язык кончиками пальцев, я понимаю, что достаточно просто пройти инициацию, и эта жизнь будет моей.

Глава 13

На следующее утро, когда я, зевая, вползаю в тренировочный зал, в конце комнаты стоит большая мишень, а рядом с дверью – заваленный ножами стол. Будем учиться метать ножи. По крайней мере, это не больно.

Эрик стоит посередине комнаты в напряженной позе – кажется, будто кто-то заменил его позвоночник металлическим стержнем. При виде него воздух в комнате словно становится тяжелее и давит на меня. По крайней мере, пока Эрик стоял, сгорбившись, у стены, я могла притворяться, что его здесь нет. Сегодня притворяться невозможно.

– Завтра – последний день первой ступени, – объявляет Эрик. – Схватки будут возобновлены. А сегодня вы научитесь целиться. Возьмите по три ножа.

Его голос ниже, чем обычно.

– Смотрите внимательно, когда Четыре будет демонстрировать правильную технику броска.

Сначала никто не шевелится.

– Бегом!

Мы поспешно разбираем кинжалы. Они не такие тяжелые, как пистолеты, но все равно ощущаются в руках как-то странно, словно я не вправе держать их.

– Он сегодня в плохом настроении, – бормочет Кристина.

– А что, бывает в хорошем? – шепчу я в ответ.

Но я знаю, что она имеет в виду. Судя по ядовитым взглядам, которые Эрик бросает на Четыре, когда тот не смотрит, ночное поражение задело его больше, чем он показывает. Захват флага – дело чести, а честь важна для лихачей. Важнее, чем разум и здравый смысл.

Я наблюдаю за рукой Четыре, бросающего нож. Во время следующего броска я слежу за его позой. Он попадает в мишень каждый раз и выдыхает, отпуская нож.

– В ряд! – командует Эрик.

«Спешка не поможет», – думаю я. Так говорила мне мать, когда я училась вязать. Я должна считать это умственным, а не физическим упражнением. Поэтому первые несколько минут я тренируюсь без ножа, ищу нужную позу, разучиваю нужное движение руки.

Эрик нервно расхаживает за нашими спинами.

– Похоже, Сухаря слишком часто били по голове! – замечает Питер,

стоящий через несколько человек. – Эй, Сухарь! Забыла, как выглядит нож?

Не обращая на него внимания, я снова тренируюсь, уже с ножом в руке, но не отпускаю его. Я отрешаюсь от шагов Эрика, колкостей Питера и непроходящего чувства, будто Четыре смотрит на меня, и бросаю нож. Он вращается на лету и врезается в доску. Нож отскакивает, но я первая, кто попал в цель.

При следующем промахе Питера я ухмыляюсь. Не могу сдержаться.

– Эй, Питер, – окликаю я. – Забыл, как выглядит мишень?

Кристина фыркает рядом со мной, и ее нож попадает в цель.

Через полчаса Ал – единственный неофит, который еще не поразил мишень. Его ножи с лязгом падают на пол или отскакивают от стены. Пока остальные ходят за ножами к доске, он ползает по полу в поисках своих.

Когда он снова промахивается, Эрик подходит к нему и рявкает:

– Как можно так тормозить, правдолюб? Тебе нужны очки? Подвинуть мишень ближе?

Ал заливается краской. Он бросает очередной нож и промахивается на несколько футов вправо. Нож вращается и ударяется о стену.

– Что это было, неофит? – тихо спрашивает Эрик, наклоняясь к Алу.

Я прикусываю губу. Дело плохо.

– Он... он выскользнул, – отвечает Ал.

– Что ж, думаю, тебе следует за ним сходить, – произносит Эрик.

Он изучает лица остальных неофитов – все перестали метать ножи – и спрашивает:

– Я разрешил остановиться?

Ножи снова летят в мишень. Все мы уже видели Эрика разъяренным, но сегодня другое дело. Глаза у него почти бешеные.

– Сходить за ним? – удивленно смотрит Ал. – Но ведь остальные бросают ножи.

– И что?

– И я не хочу, чтобы в меня попали.

– Думаю, можно положиться на то, что твои друзья-неофиты целятся лучше, чем ты. – Эрик чуть улыбается, но его глаза остаются холодными. – Иди за ножом.

Ал обычно не возражает, что бы нам ни приказывали. Вряд ли боится, просто знает, что возражения бесполезны. На этот раз Ал упрямо выпячивает широкую челюсть. Он достиг пределов своей покладистости.

– Нет, – произносит он.

– Почему нет? – Эрик не сводит с лица Ала глазки-бусинки. – Боишься?

– Что в меня вонзится нож? – уточняет Ал. – Да, боюсь!

Его ошибка – честность. С отказом Эрик мог бы смириться.

– Прекратить! – кричит Эрик.

Ножи перестают летать, разговоры стихают. Я крепко держу свой маленький кинжал.

– Пошли вон с ринга. – Эрик смотрит на Ала. – Все, кроме тебя.

Я роняю кинжал, и он со стуком падает на пыльный пол. Я иду к стене следом за другими неопитами, и они переступают передо мной с ноги на ногу, стараясь разглядеть то, от чего у меня сводит живот: поединок Ала и ярости Эрика.

– Встань перед мишенью, – приказывает Эрик.

Большие руки Ала дрожат. Он возвращается к мишени.

– Эй, Четыре, – оглядывается Эрик. – Не поможешь?

Четыре почесывает бровь кончиком ножа и подходит к Эрику. У него темные круги под глазами и напряженно сжатые губы – он устал не меньше нас.

– Будешь стоять там, пока он кидает ножи, – сообщает Эрик Алу. – Это научит тебя не отступать.

– Это правда необходимо? – спрашивает Четыре.

У него скупающий голос, но не вид. Его лицо и тело напряжены, насторожены.

Я сжимаю руки в кулаки. Неважно, сколь небрежен тон Четыре, сам вопрос – это вызов. А Четыре редко бросает Эрику прямой вызов.

Сначала Эрик смотрит на Четыре молча. Четыре смотрит на Эрика. Проходят мгновения, и мои ногти впиваются в ладони.

– Забыл, кто здесь главный? – спрашивает Эрик так тихо, что я с трудом разбираю слова. – И здесь, и везде.

Лицо Четыре краснеет, но не меняет выражения. Он крепче сжимает ножи, и костяшки его пальцев белеют, когда он поворачивается к Алу.

Я перевожу взгляд с широко распахнутых темных глаз Ала на его дрожащие руки, а затем на выпяченную челюсть Четыре. Злость закипает у меня в груди и вылетает вместе со словами:

– Прекратите!

Четыре вертит нож в руке, его пальцы любовно гладят лезвие. Он бросает на меня тяжелый взгляд, едва не обратив меня в камень. Я знаю почему. Глупо было заговаривать в присутствии Эрика. Глупо было вообще заговаривать.

– Любой идиот может стоять перед мишенью, – продолжаю я. – Это ничего не докажет, кроме того, что вы нас запугиваете. Что, насколько я

помню, признак трусости.

– Значит, тебе будет несложно, – отвечает Эрик. – Если захочешь занять его место.

Меньше всего мне хочется стоять перед мишенью, но я не могу пойти на попятный. Я не оставила себе выбора. Я пробираюсь сквозь толпу неофитов, и кто-то толкает меня в плечо.

– Плакало твое хорошенькое личико, – шипит Питер. – Хотя нет, погоди. У тебя же не хорошенькое личико.

Я восстанавливаю равновесие и иду к Алу. Он кивает мне. Я пытаюсь ободрительно улыбнуться, но не выходит. Я останавливаюсь перед доской, и моя голова даже не достает до середины мишени, но это неважно. Я смотрю на ножи Четыре: один в правой руке, два в левой.

В горле пересохло. Я пытаюсь сглотнуть и смотрю на Четыре. Он всегда предельно собран. Он не заденет меня. Все будет хорошо.

Я вздергиваю подбородок. Я не отступлю. Если я отступлю, то докажу Эрику, что это не так просто, как я сказала; докажу, что я трусиха.

– Если ты отступишь, – медленно, осторожно произносит Четыре, – Ал займет твое место. Все поняла?

Я киваю.

Четыре, по-прежнему не сводя с меня глаз, поднимает руку, отводит локоть назад и кидает нож. Вспышка в воздухе – и затем стук. Нож вонзается в доску, в полуфуте от моей щеки. Я закрываю глаза. Слава богу.

– Сдаешься, Сухарь? – спрашивает Четыре.

Я вспоминаю широко распахнутые глаза Ала, его тихие всхлипы по ночам и качаю головой.

– Нет.

– Тогда открой глаза. – Он постукивает себя между бровей.

Я смотрю на него, прижимая руки к бокам, чтобы никто не заметил их дрожи. Он перебрасывает нож из левой руки в правую, и я вижу лишь его глаза, когда второй нож вонзается в мишень надо мной. Этот нож ближе, чем предыдущий, – я чувствую, как он вибрирует у меня над головой.

– Да ладно, Сухарь, – говорит Четыре. – Пусть кто-нибудь другой займет твое место.

Почему он пытается уговорить меня сдаться? Хочет, чтобы я потерпела поражение?

– Заткнись, Четыре!

Я задерживаю дыхание, пока он поворачивает последний нож в ладони. Его глаза сверкают, он отводит руку назад и отпускает свое оружие в полет. Нож летит прямо на меня, крутясь: лезвие – рукоятка. Мое тело

застывает. На этот раз, когда нож вонзается в доску, мое ухо пронзает боль и кровь щекочет кожу. Я касаюсь уха. Он порезал его.

И, судя по его взгляду, нарочно.

– Я хотел бы остаться и посмотреть, все ли вы такие отчаянные, как она, – ровным голосом произносит Эрик, – но на сегодня, пожалуй, достаточно.

Он сжимает мое плечо. Его пальцы сухие и холодные, а взгляд заявляет права на меня, как будто то, что я сделала, его заслуга. Я не улыбаюсь в ответ на улыбку Эрика. То, что я сделала, не имеет к нему никакого отношения.

– Я буду за тобой следить, – добавляет он.

Страх покалывает меня изнутри – грудь, голову, руки. Мне кажется, будто слово «ДИВЕРГЕНТ» выжжено у меня на лбу и если Эрик будет смотреть достаточно долго, то сумеет его прочесть. Но он только убирает руку с моего плеча и уходит.

Мы с Четыре остаемся. Я жду, пока комната не опустеет и дверь не закроется, прежде чем снова взглянуть на него. Он идет ко мне.

– Твое... – начинает он.

– Ты сделал это нарочно! – кричу я.

– Да, нарочно, – тихо отвечает он. – И ты должна благодарить меня за помощь.

Я стискиваю зубы.

– Благодарить? Ты чуть не проткнул мне ухо, ты все время насмеялся надо мной! Почему я должна тебя благодарить?

– Знаешь, я немного устал ждать, пока ты сообразишь!

Он сердито смотрит на меня, но его глаза все равно кажутся задумчивыми. Они поразительного синего цвета, очень темного, почти черного, с крохотной светлой искрой на левой радужке, у самого уголка глаза.

– Соображу? Соображу что? Что ты хотел доказать Эрику, какой ты крутой? Что ты такой же садист, как и он?

– Я не садист.

Он не кричит. Лучше бы он кричал. Я бы меньше испугалась. Он наклоняется к моему лицу, отчего я вспоминаю, как лежала в нескольких дюймах от клыков разъяренного пса во время проверки склонностей, и произносит:

– Если бы я хотел тебе навредить, ты не думаешь, что я бы это уже сделал?

Он пересекает комнату и вбивает нож в стол так сильно, что он

застревает в столешнице, рукояткой в потолок.

– Я...

Я начинаю орать, но он уже ушел. Я кричу от досады и стираю кровь с уха.

Глава 14

Завтра – День посещений. Я думаю о нем как о конце света. Неважно, что будет после. Все, что я делаю, ведет к нему. Возможно, я увижу родителей. Возможно, нет. Что хуже? Я не знаю.

Я пытаюсь натянуть штанину на бедро, но она застревает над коленом. Хмурясь, я смотрю на ногу. Мышца выпирает и мешает натянуть штанину. Я спускаю ее и смотрю через плечо на заднюю сторону бедра. Сзади тоже выпирает мышца.

Я шагаю к зеркалу. На моих руках, ногах и животе появились мышцы, которых я раньше не видела. Я щиплю себя за бок, где слой жирка намекал на будущие изгибы. Ничего. Инициация Лихости украла и без того невеликую мягкость моего тела. Это хорошо или плохо?

По крайней мере, я стала сильнее. Я снова заворачиваюсь в полотенце и выхожу из женской ванной. Надеюсь, в спальне никого нет, чтобы увидеть, как я разгуливаю в одном полотенце, но надеть эти штаны не получится.

Я открываю дверь спальни, и у меня екает под ложечкой. Питер, Молли, Дрю и еще несколько неофитов стоят в дальнем углу и смеются. Когда я вхожу, они поднимают глаза и начинают хихикать. Громче всех фыркает Молли.

Я иду к нашей двухъярусной кровати, делая вид, что в комнате никого нет, и роюсь в ящике под кроватью в поисках платья, которое меня заставила взять Кристина. Встаю, придерживая полотенце одной рукой и сжимая платье другой, и за моей спиной оказывается Питер.

Я отпрыгиваю, едва не ударившись головой о кровать Кристины. Пытаюсь проскользнуть мимо Питера, но он упирает руку в кровать Кристины, преграждая мне путь. Могла бы и догадаться, что он не отпустит меня так просто.

– Вот уж не думал, что ты такая тощая, Сухарь.

– Отстань. – Почему-то я говорю уверенно.

– Здесь тебе не «Втулка», знаешь ли. Никто не обязан подчиняться приказам Сухарей.

Его взгляд путешествует вниз по моему телу, не жадно, как мужчина смотрит на женщину, а жестоко, изучая каждый недостаток. Кровь стучит в моих ушах, когда остальные подвигаются ближе, собираясь у Питера за спиной.

Дело плохо.

Надо выбираться отсюда.

Краем глаза я вижу путь к спасению. Если удастся нырнуть под руку Питера и броситься к двери, возможно, у меня получится.

– Вы только посмотрите на нее. – Молли скрещивает руки на груди и ухмыляется. – Да она совсем ребенок.

– Ой, ну не знаю, – возражает Дрю. – Может, она что-нибудь прячет под этим полотенцем? Давайте посмотрим!

«Пора». Я ныряю под руку Питера и бросаюсь к двери. По дороге кто-то хватает и тянет за полотенце, а потом резко дергает – Питер сжимает ткань в кулаке. Полотенце выскальзывает из моей руки, и холодный воздух обдувает обнаженное тело, отчего волосы на затылке встают дыбом.

Поднимается смех, и я бегу к двери со всех ног, прижимая платье к телу, чтобы прикрыться. Я мчусь по коридору в ванную и прислоняюсь к двери, тяжело дыша. Я закрываю глаза.

Неважно. Наплевать.

Рыдания рвутся изо рта, и я хлопаю ладонью по губам, чтобы сдержаться. Неважно, что они видели. Я трясую головой, как будто это поможет поверить.

Я одеваюсь трясущимися руками. Платье однотонное, черное, длиной до колен, с треугольным вырезом, в котором видны татуировки на моей ключице.

Одевшись и успокоившись, я чувствую жаркую злость. Я хочу отомстить им.

Я смотрю в свои глаза в зеркале. Хочу – значит, отомщу.

Я не могу драться в платье, поэтому беру в Яме новую одежду, прежде чем отправиться в тренировочный зал на свой последний бой. Надеюсь, с Питером.

– Слушай, где тебя носило этим утром? – спрашивает Кристина, когда я вхожу.

Я щурюсь, глядя на классную доску в конце комнаты. Место рядом с моим именем пусто – мне пока не назначили противника.

– Задержалась, – отвечаю я.

Четыре стоит перед доской и пишет имя рядом с моим. «Ну пожалуйста, пусть это будет Питер, пожалуйста, пожалуйста...»

– Все в порядке, Трис? Выглядишь немного... – начинает Ал.

– Немного что?

Четыре отходит от доски. Рядом с моим именем стоит имя Молли. Не

Питер, но тоже неплохо.

– Вздвнченной, – отвечает Ал.

Моя схватка – последняя в списке, а значит, придется ждать три боя, прежде чем встретиться с Молли лицом к лицу. Бой Эдварда и Питера предпоследний – прекрасно. Эдвард единственный, кто может победить Питера. Кристина будет драться с Алом, а это значит, что Ал быстро проиграет, как проигрывал всю неделю.

– Полегче со мной, ладно? – просит Ал Кристину.

– Ничего не обещаю, – отвечает она.

Уилл и Майра – первая пара – стоят на арене друг против друга. Мгновение оба топчутся на месте, один выбрасывает руку вперед и сразу убирает, другой выкидывает ногу и промахивается. На противоположном конце комнаты Четыре стоит, прислонившись к стене, и зевает.

Я смотрю на доску и пытаюсь предсказать итог каждой схватки. Это не занимает много времени. Затем я грызу ногти и думаю о Молли. Кристина проиграла ей, а значит, Молли хороша. У нее тяжелая рука, но она почти не шевелит ногами. Если она не сможет меня ударить, не сможет и навредить.

Как и ожидалось, следующая схватка между Кристиной и Алом быстрая и безболезненная. Ал падает после нескольких хороших ударов в лицо и не встает, отчего Эрик качает головой.

Эдварду и Питеру требуется больше времени. Хотя они два лучших борца, разница между ними очевидна. Кулак Эдварда врежется в челюсть Питера, и я вспоминаю слова Уилла о том, что Эдвард учился борьбе с десяти лет. Это очевидно. Он быстрее и умнее, чем Питер.

К концу третьего боя мои ногти обкусаны до основания, и ужасно хочется есть. Я иду к арене, не глядя ни на кого и ни на что, кроме центра комнаты. Моя злость отчасти утихла, но возродить ее нетрудно. Надо только вспомнить, каким холодным был воздух и каким громким – смех. «Посмотрите на нее. Она совсем ребенок».

Молли стоит напротив меня.

– Мне показалось или у тебя родинка на левой ягодице? – ухмыляется она. – Боже, ты такая бледная, Сухарь.

Первый удар нанесет она. Как всегда.

Молли направляется ко мне и вкладывает в удар весь свой вес. Когда ее тело подается вперед, я ныряю и бью ее кулаком в живот, аккуратно над пупком. Прежде чем она успевает меня схватить, я проскальзываю мимо нее, с поднятыми руками, готовая к следующей попытке.

Она больше не ухмыляется. Она бросается ко мне, как будто

намеревается схватить, и я отпрыгиваю в сторону. В моей голове звучит голос Четыре, который говорит, что самое мощное оружие в моем распоряжении – локоть. Надо только найти способ его применить.

Следующий удар я блокирую предплечьем. Больно, но я едва это замечаю. Молли скрипит зубами и ревет от досады, больше похожая на зверя, чем на человека. Она неумело пытается пнуть меня в бок, я уклоняюсь и, пока она не восстановила равновесие, направляю локоть ей в лицо. Она откидывает голову назад как раз вовремя, и мой локоть задевает только подбородок.

Она бьет меня по ребрам, и я, шатаясь, отступаю в сторону, переводя дыхание. У нее есть уязвимое место, я это знаю. Я хотела ударить ее по лицу, но, возможно, это не слишком умно. Несколько секунд я наблюдаю за ней. Ее руки слишком высоко, они прикрывают нос и щеки, а живот и ребра – голые. У нас с Молли одинаковый недостаток в драке.

Наши глаза встречаются лишь на мгновение.

Я бью снизу, под пупок. Кулак погружается в плоть, заставив Молли сдавленно ахнуть, – ветерок касается моего уха. Пока она ловит ртом воздух, я делаю подсечку, и она рушится на пол, взметая пыль. Я замахиwaюсь и со всей силы бью ее ногой по ребрам.

Мать и отец не одобрили бы избиения упавшего.

Плывать я хотела.

Молли сворачивается клубком, чтобы защитить бока, и я пинаю ее снова, на этот раз в живот. «Совсем ребенок». Я бью еще раз, в лицо. Кровь брызжет из носа и заливает лицо. «Посмотрите на нее». Еще удар, в грудь.

Я заносу ногу для нового удара, но Четыре хватает меня за плечи и с нечеловеческой силой оттаскивает прочь. Я дышу сквозь сжатые зубы, глядя на покрытое кровью лицо Молли, глубокого, насыщенного и в своем роде красивого цвета.

Она стонет, и я слушаю клочкотание в ее горле, смотрю, как кровь стекает с ее губ.

– Ты выиграла, – бормочет Четыре. – Довольно.

Я вытираю пот со лба. Четыре смотрит на меня широко раскрытыми глазами, в которых плещется тревога.

– Тебе лучше выйти, – говорит он. – Сходи прогуляйся.

– Со мной все хорошо. Все хорошо, – повторяю я уже для себя.

Я хотела бы сказать, что испытываю чувство вины.

Но не скажу.

Глава 15

День посещений. Я вспоминаю об этом, едва открыв глаза. Сердце подскакивает к горлу и падает, когда я вижу, как Молли хромает по спальне; между полосками пластыря на носу проглядывает лиловая кожа. Она уходит, и я оглядываюсь в поисках Питера и Дрю. Ни того ни другого нет в спальне, так что я быстро переодеваюсь. До тех пор, пока их нет рядом, мне наплевать, кто увидит меня в нижнем белье, теперь наплевать.

Все одеваются молча. Даже Кристина не улыбается. Мы знаем, что можем спуститься на дно Ямы, весь день вглядываться в лица, но так и не увидеть родного.

Я заправляю кровать, туго натягивая уголки, как учил отец. Когда я снимаю с подушки выпавший волос, входит Эрик.

– Внимание! – объявляет он, смахивая прядь темных волос с глаз. – Я хочу дать вам совет на сегодня. Если каким-то чудом ваши семьи придут навестить вас...

Он изучает наши лица и ухмыляется.

– ...в чем я лично сомневаюсь, лучше не выказывать особой привязанности. Так будет проще для вас и для них. Кроме того, у нас принято крайне серьезно относиться к лозунгу «Фракция превыше крови». Привязанность к семье означает, что вы не вполне довольны своей фракцией, а это постыдно. Поняли?

Я поняла. Я услышала угрозу в резком голосе Эрика. Последняя часть его речи – единственная, которую он произнес всерьез: мы лихачи и должны поступать соответственно.

Эрик останавливает меня по дороге к двери.

– Возможно, я недооценил тебя, Сухарь, – замечает он. – Ты неплохо справилась вчера.

Я смотрю на него снизу вверх. Впервые после избиения Молли я чувствую укол вины.

Если Эрик считает, что я поступила правильно, значит, я ошиблась.

– Спасибо.

Я выскальзываю из спальни.

Когда мои глаза привыкают к полумраку коридора, я вижу впереди Кристину и Уилла; Уилл смеется, наверное, над шуткой Кристины. Я не пытаюсь их догнать. Почему-то кажется, что мешать им будет ошибкой.

Ал куда-то пропал. Я не видела его в спальне, и он не идет к Яме

сейчас. Возможно, он уже там.

Я провожу пальцами по волосам и убираю их в пучок. Проверяю одежду – я достаточно прикрыта? Штаны обтягивают ноги, ключицы обнажены. Родители не одобряют.

Ну и что с того? Я выпячиваю челюсть. Теперь моя фракция – Лихость. Я ношу одежду своей фракции. Перед самым концом коридора я останавливаюсь.

Семьи стоят на дне Ямы, в основном это семьи лихачей с неофитами-лихачами. Они все еще кажутся мне странными: мать с проколотой бровью, отец с татуировкой на плече, неофит с фиолетовыми волосами – здоровая ячейка общества. Я замечаю в конце комнаты Дрю и Молли, стоящих в одиночестве, и подавляю улыбку. По крайней мере, их семьи не пришли.

Зато семья Питера пришла. Он стоит рядом с высоким мужчиной с кустистыми бровями и низенькой рыжеволосой женщиной кроткого вида. Он совсем не похож на родителей. Они одеты в черные брюки и белые рубашки, типичные наряды правдолюбков, и его отец говорит так громко, что до меня доносятся отдельные слова. Знают ли они, что за человек их сын?

С другой стороны... а я какой человек?

На другой стороне комнаты стоит Уилл с женщиной в голубом платье. Она не выглядит достаточно взрослой, чтобы быть его матерью, но у нее такая же морщинка между бровями, как у него, и такие же золотистые волосы. Он как-то раз упоминал о сестре; возможно, это она.

Рядом с ним Кристина обнимает темнокожую женщину в черно-белом наряде. За спиной Кристины стоит девочка, тоже правдолюбка. Ее младшая сестра.

Стоит ли утруждаться искать в толпе своих родителей? Может, просто вернуться в спальню?

А потом я вижу ее. Моя мать стоит одна у перил, сжимая руки у груди. Она никогда еще не выглядела так неуместно в своих серых брюках и сером пиджаке, застегнутом до самого горла, со скрученными простым узлом волосами и безмятежным лицом. Я иду к ней; на глаза наворачиваются слезы. Она пришла. Она пришла ко мне.

Я ускоряю шаг. Она видит меня, и сперва ее лицо не меняется, как будто она меня не узнает. Затем ее глаза загораются, и она распахивает объятия. От нее пахнет мылом и стиральным порошком.

– Беатрис, – шепчет она и гладит меня по волосам.

«Не плачь», – приказываю я себе. Я обнимаю ее, смаргивая влагу с глаз, после чего отстраняюсь, чтобы еще раз взглянуть на мать. Я улыбаюсь

с закрытым ртом, совсем как она. Мать касается моей щеки.

– Надо же, – замечает она. – Ты поправилась.

Она обнимает меня за плечи.

– Расскажи, как дела.

– Ты первая.

Старые привычки вернулись. Я должна уступить ей право говорить первой. Я не должна слишком долго быть в центре внимания. Я должна убедиться, что ей ничего не нужно.

– Сегодня особенный случай, – возражает она. – Я пришла повидать тебя, поэтому давай говорить в основном о тебе. Это мой тебе подарок.

Моя самоотверженная мать! Ей не следует дарить мне подарки после того, как я покинула ее и отца. Я иду с ней к перилам над пропастью, радуясь тому, что мы вместе. Последние полторы недели были лишены любви больше, чем я признавала. Дома мы не часто касались друг друга, и родители позволяли себе разве что держаться за руки за ужином, и все же это было больше, чем здесь.

– Всего один вопрос. – Сердце пульсирует в горле. – Где папа? Он навещает Калеба?

– А! – Она качает головой. – Отцу нужно было на работу.

Я опускаю глаза.

– Скажи прямо, что он не захотел прийти.

Она изучает мое лицо.

– Твой отец в последнее время ведет себя эгоистично. Это не значит, что он тебя не любит, поверь.

Я изумленно смотрю на нее. Отец ведет себя эгоистично? Поразителен не столько сам ярлык, сколько то, что она его применила. По ее виду не скажешь, злится она или нет. Глупо было надеяться определить это. Но она наверняка злится, если называет отца эгоистичным.

– А Кaleb? – спрашиваю я. – Ты наведишь его позже?

– Хотела бы, – отвечает она, – но эрудиты запретили альтруистам заходить в свой лагерь. Если я попытаюсь, меня выведут за ворота.

– Что? – поражаюсь я. – Это ужасно. Почему они так поступили?

– Напряженность между нашими фракциями сильнее, чем когда-либо, – отвечает она. – Мне это не нравится, но я мало что могу поделать.

Я представляю, как Кaleb стоит среди неопитов-эрудитов и ищет в толпе нашу мать, и у меня сводит живот. Я еще немного злюсь на него за скрытность, но не хочу, чтобы ему было больно.

– Ужасно, – повторяю я и смотрю на пропасть.

У перил в одиночестве стоит Четыре. Хотя он уже не неопит,

большинство лихачей встречаются в этот день со своими семьями. Либо его семья не любит собираться, либо он не прирожденный лихач. Из какой фракции он мог перейти?

– Это один из моих инструкторов.

Я наклоняюсь ближе к матери и добавляю:

– Немного пугающий, правда?

– Красивый, – поправляет она.

Я машинально киваю. Она смеется и убирает руку с моих плеч. Я хочу увести ее от Четыре, но, когда я собираюсь предложить отправиться в другое место, он оборачивается.

При виде моей матери его глаза широко распахиваются. Она протягивает ему руку.

– Привет. Меня зовут Натали, – сообщает она. – Я мать Беатрис.

Никогда не видела, чтобы мать пожимала кому-нибудь руку. Четыре неловко берет ее ладонь и дважды встряхивает. Жест кажется неестественным для обоих. Да, Четыре не может быть прирожденным лихачом, если рукопожатие дается ему так нелегко.

– Четыре, – произносит он. – Приятно познакомиться.

– Четыре, – улыбаясь, повторяет мать. – Это прозвище?

– Да.

Он не развивает эту тему. Как же его зовут на самом деле?

– Ваша дочь неплохо справляется. Я присматриваю за ее обучением.

С каких это пор «присмотр» включает метание ножей и нагоняи при любой возможности?

– Рада это слышать, – отвечает она. – Мне кое-что известно об инициации Лихости, и я переживала за дочь.

Он смотрит на меня, переводит взгляд с носа на рот, со рта на подбородок. Затем он произносит:

– Вам не о чем волноваться.

Я против воли заливаюсь краской. Надеюсь, это незаметно.

Он просто успокаивает ее, потому что она моя мать, или действительно верит, что я способная? И что означал этот взгляд?

Она наклоняет голову.

– Вы почему-то кажетесь мне знакомым, Четыре.

– Не представляю почему. – Его голос внезапно становится ледяным. – Я не имею привычки общаться с альтруистами.

Мать смеется. У нее легкий смех, бурлящий воздушными пузырьками.

– Как и многие в наши дни. Я не принимаю это на свой счет.

Он, кажется, немного расслабляется.

– Ладно, не буду мешать вашему воссоединению.

Мы с матерью смотрим ему вслед. Река ревет у меня в ушах. Возможно, Четыре был эрудитом – это объясняет, почему он ненавидит Альтруизм. Или, может, он верит статьям, которые Эрудиция издает против нас... против них, напоминая я себе. Но все равно очень мило с его стороны сказать матери, что я неплохо справляюсь, ведь я знаю, что на самом деле он в это не верит.

– Он всегда такой? – спрашивает она.

– Хуже.

– Ты завела друзей?

– Несколько.

Я оборачиваюсь на Уилла, Кристину и их семьи. Когда Кристина ловит мой взгляд, она улыбкой подзывает меня к себе, и мы с матерью идем по дну Ямы.

Но прежде чем мы успеваем подойти к Уиллу и Кристине, невысокая, кругленькая женщина в черно-белой полосатой блузке касается моего плеча. Я дергаюсь, борясь с желанием смахнуть ее руку.

– Прошу прощения, – произносит она. – Вы не знаете моего сына? Альберта?

– Альберта? – повторяю я. – А... вы имеете в виду Ала? Да, я его знаю.

– Вы не в курсе, где мы можем его найти? – спрашивает она, указывая на мужчину за своей спиной. Он высокий и массивный, как валун. Очевидно, отец Ала.

– Извините, но я не видела его сегодня утром. Возможно, вам стоит поискать его вон там? – Я указываю на стеклянный потолок над нами.

– О боже. – Мать Ала обмахивается ладонью. – Я лучше и попытаюсь не стану. У меня едва не случилась паническая атака, когда мы спускались. Почему вдоль этих тропинок нет перил? Вы что, сумасшедшие?

Я чуть улыбаюсь. Несколько недель назад я, возможно, сочла бы подобный вопрос оскорбительным, но теперь я провела слишком много времени с переходниками-правдолюбам, чтобы удивляться бестактности.

– Сумасшедшие – нет, – отвечаю я. – Лихие – да. Если увижу вашего сына, скажу, что вы его ищете.

Я вижу на губах матери такую же улыбку, как у меня. Она ведет себя не так, как родители некоторых переходников, – вертит головой, разглядывая стены Ямы, потолок Ямы, пропасть. Разумеется, любопытство здесь ни при чем, ведь она альтруистка. Любопытство ей чуждо.

Я знакомлю мать с Кристиной и Уиллом, а Кристина знакомит меня с матерью и сестрой. Но когда Уилл знакомит меня с Карой, своей старшей

сестрой, она бросает на меня испепеляющий взгляд и не протягивает ладонь для рукопожатия. Она сердито смотрит на мою мать.

– Поверить не могу, что ты общаешься с одной из них, Уилл, – говорит она.

Мать кусает губы, но, разумеется, молчит.

– Кара, – хмурится Уилл, – не надо грубить.

– Ну конечно, не надо. Тебе известно, кто это? – Она указывает на мою мать. – Это жена члена совета, вот кто. Она управляет «добровольной организацией», которая якобы помогает бесфракционникам. По-вашему, я не знаю, что вы просто запасаете товары, чтобы раздавать членам своей фракции, в то время как мы не видели свежей еды уже месяц? Еда для бесфракционников, как же!

– Прощу прощения, – спокойно произносит мать. – Полагаю, вы ошибаетесь.

– Ошибаюсь? Ха! – рывкает Кара. – Уверена, вы именно то, чем кажетесь. Фракция беззаботных благодетелей без единой эгоистичной косточки. Ну конечно!

– Не смейте так говорить с моей матерью, – говорю я, краснея, и сжимаю кулаки. – Еще одно слово, и, клянусь, я сломаю вам нос.

– Полегче, Трис, – требует Уилл. – Ты не ударишь мою сестру.

– Неужели? – Я поднимаю обе брови. – Уверен?

– Он прав, не ударишь. – Мать касается моего плеча. – Идем, Беатрис. Мы же не хотим докучать сестре твоего друга.

Ее голос спокоен, но рука сжимает мое плечо так сильно, что я едва не вскрикиваю от боли, когда она тащит меня прочь. Она быстро идет со мной к столовой. Перед самой столовой, однако, резко поворачивает налево в один из темных коридоров, которые я пока не исследовала.

– Мама, – окликаю я. – Мама, откуда ты знаешь, куда идти?

Она останавливается у запертой двери и поднимается на цыпочки, вглядываясь в основание голубоватой лампы, свисающей с потолка. Через несколько секунд она кивает и снова поворачивается ко мне.

– Я же сказала, никаких вопросов обо мне. Я серьезно. Как на самом деле твои дела, Беатрис? Как прошли бои? Какой у тебя ранг?

– Ранг? – повторяю я. – Ты знаешь, что я дерусь? Знаешь, что мне назначили ранг?

– Механизм инициации Лихости – вовсе не тайна за семью печатями.

Не знаю, насколько легко разузнать, что чужая фракция делает во время инициации, но подозреваю, что это не так уж легко.

– Я почти в конце списка, мама, – медленно говорю я.

– Хорошо. – Она кивает. – Никто не присматривается к отстающим слишком пристально. А теперь, и это очень важно, Беатрис: что показала твоя проверка склонностей?

Предупреждение Тори пульсирует у меня в голове. «Не говори никому». Я должна сказать ей, что мой результат – Альтруизм, потому что именно это Тори записала в системе.

Я смотрю в глаза матери, бледно-зеленые, окаймленные темной дымкой ресниц. У нее морщинки вокруг рта, но в остальном она выглядит моложе своего возраста. Эти морщинки становятся глубже, когда она напевает. Она напевает во время мытья посуды.

Она моя мать.

Я могу ей довериться.

– Результат был неокончательным, – тихо говорю я.

– Я так и думала. – Она вздыхает. – Многие дети альтруистов получают такой результат. Мы не знаем почему. Но ты должна быть очень осторожна на следующей ступени инициации, Беатрис. Оставайся в середине группы, что бы ты ни делала. Не привлекай к себе внимания. Ясно?

– Мама, что происходит?

– Мне все равно, какую фракцию ты выбрала. – Она касается ладонями моих щек. – Я твоя мать и хочу, чтобы ты была в безопасности.

– Это потому что я...

Она закрывает мой рот ладонью.

– Не произноси этого слова, – шипит она. – Никогда.

Выходит, Тори была права. Быть дивергентом – опасно. Просто я до сих пор не знаю почему, и даже что это на самом деле значит.

– Почему?

Она качает головой.

– Я не могу сказать.

Она оглядывается через плечо на едва различимый свет со дна Ямы. Я слышу крики и голоса, смех и шарканье ног. Запах из столовой достигает моих ноздрей, сладковатый дрожжевой запах пекущегося хлеба. Мать поворачивается ко мне, ее рот упрямо сжат.

– Я хочу, чтобы ты кое-что сделала, – говорит она. – Я не могу навестить твоего брата, но ты сможешь, когда инициация завершится. И я хочу, чтобы ты нашла его и велела исследовать симуляционную сыворотку. Хорошо? Можешь сделать это для меня?

– Только если ты мне что-нибудь объяснишь, мама! – Я скрещиваю руки на груди. – Если ты хочешь, чтобы я провела целый день в лагере

эрудитов, назови мне причину!

– Я не могу. Прости. – Она целует меня в щеку и убирает за ухо прядь волос, которая выбилась из моего пучка. – Мне пора. Ты будешь лучше выглядеть, если мы не проявим особой привязанности.

– Плевать мне, как я выгляжу, – отвечаю я.

– Напрасно, – возражает она. – Подозреваю, за тобой уже наблюдают.

Она уходит, а я слишком ошарашена, чтобы последовать за ней. В конце коридора она оборачивается и говорит:

– Съешь кусочек торта за меня, ладно? Шоколадного. Пальчики оближешь.

Она улыбается странной перекошенной улыбкой и добавляет:

– Я люблю тебя, помни.

И уходит.

Я стою одна в голубоватом свете лампы, висящей над головой, и понимаю: она уже была в нашем лагере. Она помнит этот коридор. Она знает механизм инициации.

Моя мать была лихачкой.

Глава 16

Днем я возвращаюсь в спальню, пока остальные проводят время с семьями, и вижу Ала. Он сидит на своей кровати и смотрит на пустое место на стене, где прежде висела доска. Четыре снял ее вчера, чтобы рассчитать наши ранги первой ступени.

– Вот ты где! – восклицаю я. – Родители тебя искали. Нашли?

Он качает головой.

Я сажусь рядом с ним на кровать. Моя нога как минимум вполовину тоньше, чем у него, даже теперь, когда мышцы окрепли. На Але черные шорты. Его колено фиолетово-синее и пересечено шрамом.

– Не хотел их видеть?

– Не хотел, чтобы они спрашивали, как у меня дела, – поясняет он. – Пришлось бы ответить, а они почувствовали бы ложь.

– Ну... – Я пытаюсь что-нибудь придумать. – А что не так с твоими делами?

Ал скрипуче смеется.

– Я проиграл все схватки, кроме первой с Уиллом. Я плохо справляюсь.

– Но ты проиграл их намеренно. Вот и сказал бы об этом.

Он качает головой.

– Папа всегда хотел, чтобы я оказался здесь. В смысле, родители говорили, что мне лучше остаться в Правдолюбии, но только потому, что должны были так говорить. Они всегда восхищались лихачами, и отец, и мать. Они не поняли бы моих объяснений.

– О! – Я барабаню пальцами по колену и поднимаю глаза на Ала. – Так вот почему ты выбрал Лихость? Из-за родителей?

Ал качает головой.

– Нет. Наверное, я выбрал ее потому... Мне кажется, очень важно оберегать людей. Вставать на их защиту. Как ты встала на мою. – Он улыбается мне. – Разве не так должны поступать лихачи? Разве не в этом суть отваги? Не в том... чтобы избивать людей просто так.

Я вспоминаю слова Четыре о том, что командная работа прежде была в почете у лихачей. Какой тогда была Лихость? Чему я научилась бы, будь я здесь, когда моя мама была лихачкой? Возможно, я не сломала бы нос Молли. И не угрожала сестре Уилла.

Я чувствую укол вины.

– Возможно, после инициации станет легче.

– К сожалению, я могу оказаться последним в списке, – отвечает Ал. – Сегодня вечером увидим, полагаю.

Некоторое время мы просто сидим рядом. Лучше быть здесь в тишине, чем в Яме, наблюдая, как все смеются со своими семьями.

Отец говорил, что иногда лучший способ кому-то помочь – просто быть рядом. Приятно совершать поступки, которыми он мог бы гордиться, как будто это искупает все мои поступки, которыми он гордиться не мог бы.

– Знаешь, рядом с тобой я становлюсь храбрее, – говорит Ал. – Словно действительно могу здесь прижиться, как ты.

Я собираюсь ответить, но тут он обнимает меня за плечи. Внезапно я замираю, мои щеки вспыхивают.

Я надеялась, что неправильно поняла чувства Ала. Но я не ошиблась.

Я не склоняюсь к нему. Напротив, подаюсь вперед, так что его рука падает. Затем я стискиваю руки на коленях.

– Трис, я... – начинает он.

Его голос напряжен. Я смотрю на него. Его лицо такое же красное, как и мое, судя по ощущениям, но он не плачет – просто выглядит смущенным.

– Гм... извини, – произносит он. – Я не пытался... Гм. Извини.

Я хотела бы заверить его, что в этом нет ничего личного. Я могла бы рассказать, что мои родители редко держались за руки даже в нашем собственном доме, так что я привыкла уклоняться от любых проявлений нежности, поскольку меня приучили воспринимать их всерьез. Возможно, если бы я сказала это, за его краской смущения не крылась бы боль.

Но разумеется, это личное. Он мой друг, но и только. Что может быть более личным?

Я вдыхаю и на выдохе заставляю себя улыбнуться.

– За что извинить? – Мой голос звучит достаточно небрежно.

Я смахиваю с джинсов несуществующие соринки и встаю.

– Мне пора.

Ал кивает и не смотрит на меня.

– Ты не слишком расстроился? – спрашиваю я. – В смысле... из-за родителей. Не из-за того...

Я умолкаю. Не знаю, до чего я иначе бы договорилась.

– А! Нет. – Он усердно кивает. – Увидимся, Трис.

Я стараюсь не слишком торопиться. Когда дверь спальни закрывается за мной, я прикладываю ладонь ко лбу и слегка усмехаюсь. Если отбросить неловкость, приятно кому-то нравиться.

Обсуждение визитов семей было бы слишком мучительным, поэтому единственная тема вечерних разговоров – наши окончательные ранги первой ступени. Каждый раз, когда кто-то поднимает ее рядом со мной, я смотрю в пространство и не обращаю внимания.

Мой ранг должен был немного повыситься, особенно после избиения Молли, но его все равно может не хватить, чтобы попасть в десятку лучших в конце инициации, тем более когда в таблицу включают неофитов-лихачей.

За ужином я сижу с Кристиной, Уиллом и Алом за столом в углу. За соседним столом – Питер, Дрю и Молли, что довольно неприятно. В нашей беседе наступает затишье, и я слышу каждое их слово. Они строят предположения о рангах. Кто бы мог подумать.

– Вам не разрешали держать домашних животных? – Кристина стучит ладонью по столу. – Но почему?

– Потому что они алогичны, – сухо поясняет Уилл. – Какой смысл предоставлять кров и пищу животному, которое портит мебель, распространяет по дому дурные запахи и рано или поздно умирает?

Мы с Алом встречаемся глазами, как всякий раз, когда Уилл и Кристина начинают ссориться. Но на этот раз наши взгляды скрещиваются и тут же расходятся. Надеюсь, неловкость между нами продлится недолго. Я хочу вернуть своего друга.

– Смысл в том... – Кристина умолкает и наклоняет голову. – Ну, они такие забавные. У меня был бульдог по кличке Ворчун. Как-то раз мы оставили жареную курицу на кухонной стойке, чтобы остыла, и, пока мама ходила в туалет, он стащил ее и сожрал, целиком, с костями и кожей. Мы так смеялись.

– Ну да, это все меняет. Конечно, я хочу жить с животным, которое ворует мою еду и устраивает разгром на кухне. – Уилл качает головой. – Почему бы тебе не завести собаку после инициации, раз ты так тоскуешь по ним?

– Потому что.

Улыбка Кристины исчезает, и она ковыряет картошку вилкой.

– Собаки для меня вроде как закрытая тема. После... ну, знаешь, после проверки склонностей.

Мы обмениваемся взглядами. Всем известно, что мы не должны говорить о проверке, даже теперь, когда сделали выбор, но для них это правило не должно быть таким нерушимым, как для меня. Сердце неровно бьется в груди. Для меня это правило – защита. Оно позволяет мне не лгать друзьям о своих результатах. Всякий раз, вспоминая слово «дивергент», я

слышу предупреждение Тори... а теперь и предупреждение матери. «Никому не говори. Опасно».

– В смысле... убийства собаки, да? – спрашивает Уилл.

Я едва не забыла. Склонные к Лихости ребята на симуляции брали нож и убивали напавшего пса. Неудивительно, что Кристина больше не хочет держать собаку. Я натягиваю рукава на запястья и переплетаю пальцы.

– Ага, – отвечает она. – В смысле, нам ведь всем пришлось это сделать?

Она смотрит сперва на Ала, затем на меня. Ее темные глаза сужаются, и она произносит:

– Тебе – нет.

– Мм?

– Ты что-то скрываешь, – обвиняет она. – Вертишься, как уж на сковородке.

– Что?

Ал толкает меня плечом. Ну вот, совсем другое дело.

– В Правдолюбии нас учат понимать язык тела, – поясняет он, – чтобы мы знали, когда кто-то лжет или пытается что-нибудь утаить.

– Вот как. – Я чешу в затылке. – Ну...

– Смотри, она снова! – Кристина показывает на мою руку.

Сердце бьется в горле. Как я могу лгать о своих результатах, если они знают, когда я лгу? Придется контролировать язык тела. Я опускаю руку и кладу ладони на колени. Честные люди поступают именно так?

По крайней мере, мне не нужно лгать о собаке.

– Нет, я не убивала собаку.

– Но как тогда тебя признали лихачкой? – щурится Уилл.

Я смотрю ему в глаза и спокойно произношу:

– Никак. Меня признали альтруисткой.

Это полуправда. Тори сообщила, что мой результат – Альтруизм, так записано в системе. Любой, у кого есть доступ к итогам, сможет это увидеть. Я несколько секунд смотрю Уиллу в глаза. Если я отведу взгляд, это может показаться подозрительным. Затем я пожимаю плечами и протыкаю кусок мяса вилкой. Надеюсь, друзья мне поверили. Они должны мне поверить.

– Но ты все равно выбрала Лихость? – спрашивает Кристина. – Почему?

– Я же говорила. – Я ухмыляюсь. – Из-за еды.

Она смеется.

– Ребята, вы в курсе, что Трис ни разу не видела гамбургера, пока не

попала сюда?

Она заводит рассказ о нашем первом дне, и мои мышцы расслабляются, хотя мне все равно тяжело. Я не должна лгать друзьям. Это создает преграды между нами, а их и без того достаточно. Кристина срывает флаг. Я отвергаю Ала.

После ужина мы возвращаемся в спальню, и я с трудом не перехожу на бег, сознавая, что ранги ждут нас. Хочется поскорее покончить с этим. У двери в спальню Дрю отпихивает меня в сторону, чтобы пройти. Я задеваю стену плечом, но не останавливаюсь.

При моем росте трудно что-либо разглядеть поверх голов неофитов, столпившихся в глубине комнаты, но когда я нахожу просвет, то вижу, что классная доска стоит на земле, тыльной стороной к нам, прислоненная к коленям Четыре. Инструктор держит в руке кусок мела.

– Для тех, кто только что пришел, я объясняю, как определяются ранги, – произносит он. – После первого круга боев мы ранжировали вас по уровню мастерства. Количество полученных баллов зависело от вашего уровня мастерства и уровня мастерства поверженного вами противника. Дополнительные очки начислялись за рост мастерства и победу над тем, кто сильнее. Я не награждаю за издевательство над слабыми. Это трусость.

Кажется, при последних словах его взгляд задержался на Питере, но совсем мимолетно, так что я не уверена.

– Если у вас был высокий ранг, вы теряли очки, проигрывая противнику с низким рангом.

Молли издает недовольный звук, не то фырканье, не то ворчание.

– Вторая ступень обучения весит больше, чем первая, поскольку более тесно связана с преодолением трусости, – продолжает он. – Тем не менее крайне сложно стоять высоко в конце инициации, если вы стояли низко в конце первой ступени.

Я переминаюсь с ноги на ногу, стараясь разглядеть его как следует. Когда мне это наконец удастся, я отвожу глаза. Он уже смотрит на меня, по-видимому привлеченный моим нервным движением.

– Завтра мы объявим имена отсеявшихся, – сообщает Четыре. – То, что вы – переходники, а неофиты-лихачи – нет, не будет принято во внимание. Возможно, четверо из вас станут бесфракционниками и ни один из них. Или четверо из них станут бесфракционниками и ни один из вас. Или любой промежуточный вариант. Тем не менее вот ваши ранги.

Он вешает доску на крюк и отступает в сторону, чтобы мы увидели ранги:

1. Эдвард

2. Питер
3. Уилл
4. Кристина
5. Молли
6. Трис

Шестая? Я не могу быть шестой. Видимо, победа над Молли подняла мой ранг выше, чем я думала. А проигрыш мне, похоже, опустил ее ранг. Я перевожу взгляд ниже.

7. Дрю
8. Ал
9. Майра

Ал не самый последний, но, если неофиты-лихачи не провалят свою версию первой ступени, он – бесфракционный.

Я смотрю на Кристину. Она наклоняет голову и, хмурясь, разглядывает доску. Она не единственная, кто это делает. В комнате царит напряженная тишина, которая словно покачивается на краю обрыва.

И падает в пропасть.

– Что? – рывкает Молли, тыча пальцем в Кристину. – Я победила ее! Я победила ее за считанные минуты, и она стоит выше меня?

– Ага. – Кристина скрещивает руки на груди и самодовольно улыбается. – И?

– Если ты намерена обеспечить себе высокий ранг, советую не заводить привычку проигрывать противникам с низким рангом. – Голос Четыре пререзает шепотки и ворчание неофитов.

Он кладет мел в карман и проходит мимо, не глядя на меня. Его слова уязвляют, напоминая, что я – тот самый противник с низким рангом.

Очевидно, Молли тоже об этом вспоминает.

– Ты. – Она, щурясь, пристально глядит на меня. – Ты за это ответишь.

Я думала, она бросится на меня или ударит, но она только поворачивается на каблуках и вылетает из спальни, что хуже. Если бы она взорвалась, ее ярость иссякла бы быстро, после одного-двух ударов. Уход означает, что она намерена обдумать план мести. Уход означает, что я должна быть начеку.

Питер промолчал, когда вывесили ранги. Поразительно, учитывая его склонность жаловаться, если что-нибудь не по нему. Он просто идет к своей кровати и садится, расшнуровывая ботинки. От этого мое беспокойство лишь усиливается. Он не может быть удовлетворен вторым местом. Только не Питер.

Уилл и Кристина «дают пять» друг другу, после чего Уилл хлопает

меня по спине ладонью, которая больше моей лопатки.

– Вы только посмотрите! Номер шесть, – усмехается он.

– И все же этого может не хватить, – напоминаю я.

– Этого хватит, не волнуйся, – отвечает он. – Надо отметить.

– Ну так идем. – Кристина хватается за руки меня и Ала. – Идем, Ал. Ты же не знаешь, как справились прирожденные лихачи. Ты ничего досконально не знаешь.

– Я лучше лягу, – бормочет он, выдергивая руку.

В коридоре легко забыть об Але, мести Молли и подозрительном спокойствии Питера и притвориться, будто преград между нами не существует. Но в глубине души я помню, что Кристина и Уилл – мои соперники. Если я хочу пробиться в первую десятку, я должна их победить.

Я лишь надеюсь, что не придется предавать их.

Той ночью мне не удастся заснуть. Раньше мне казалось, что в спальне очень шумно от чужого дыхания, но сейчас в ней слишком тихо. В тишине я думаю о своей семье. Слава богу, в лагере Лихости обычно шумно.

Если моя мать была лихачкой, почему она выбрала Альтруизм? Ей нравился его покой, размеренность, доброта – все то, чего не хватает мне, когда я позволяю себе вспоминать?

Возможно, в лагере еще остались те, кто знал ее в юности и сможет рассказать, какой она была? Но даже если и остались, вряд ли они захотят о ней говорить. Переходники не должны обсуждать свои бывшие фракции, после того как становятся членами. Считается, что так проще принести клятву верности фракции вместо семьи – принять принцип «фракция превыше крови».

Я зарываюсь лицом в подушку. Мать попросила меня передать Калебу, чтобы он исследовал симуляционную сыворотку... Но зачем? Это как-то связано с тем, что я дивергент, я в опасности, или дело в другом? У меня тысяча вопросов, а она ушла, прежде чем я успела задать хотя бы один. Теперь они кружатся у меня в голове, и вряд ли мне удастся заснуть, прежде чем найдутся ответы.

Я слышу на другой стороне комнаты возню и отрываю голову от подушки. Мои глаза не привыкли к темноте, и я вглядываюсь в чернильную тьму, словно в изнанку собственных век. Раздается шарканье, затем скрип ботинка. Тяжелый удар.

А затем вой, от которого кровь стынет в жилах и волосы встают дыбом. Я откидываю одеяла и спускаю на каменный пол босые ноги. Я все еще вижу недостаточно хорошо, чтобы найти источник вопля, но в

нескольких кроватях от меня на полу лежит темная грудa. Новый вопль пронзает мои уши.

– Включите свет! – кричит кто-то.

Я иду на звук, медленно, чтобы не споткнуться. Я словно в трансе. Мне не хочется видеть, откуда звучит вопль. Подобный вопль может означать только кровь, кости и боль; такой вопль зарождается в глубине живота и тянется к каждой клеточке тела.

Вспыхивает свет.

Эдвард лежит на полу рядом со своей кроватью и держится за лицо. Вокруг его головы – лужа крови, а между скрюченными пальцами торчит серебряная рукоятка ножа. Кровь стучит в ушах; я узнаю нож для масла из столовой. Лезвие воткнуто в глаз Эдварда.

Майра стоит в ногах Эдварда и вопит. Кто-то тоже вопит, кто-то зовет на помощь, а Эдвард лежит на полу, корчится и воет. Я опускаюсь у его головы, встав коленями в лужу крови, и кладу ладони ему на плечи.

– Не двигайся, – говорю я.

Я совершенно спокойна, хотя ничего не слышу, как будто моя голова погружена в воду. Эдвард снова дергается, и я повторяю громче и строже:

– Я сказала, не двигайся. Дыши.

– Мой глаз! – вопит он.

Я чувствую гадкий запах. Кого-то стошнило.

– Вытащи его! – кричит он. – Вытащи его, вытащи из меня, вытащи его!

Я качаю головой и лишь потом понимаю, что он меня не видит. В животе бурлит смешок. Истерический. Я должна подавить истерику, если хочу помочь ему. Должна забыть о себе.

– Нет, – возражаю я. – Надо подождать доктора. Слышишь? Пусть доктор его вытащит. А пока просто дыши.

– Мне больно, – всхлипывает он.

– Я знаю.

Вместо собственного голоса я слышу мамин. Вижу, как она сидит передо мной на корточках у нашего дома и утирает мне слезы, когда я разбила коленку. Мне тогда было пять лет.

– Все будет хорошо.

Я стараюсь говорить твердо, как будто это не пустые слова. Но это пустые слова. Я не знаю, будет ли все хорошо. Подозреваю, что нет.

Приходит медсестра, она велит мне отойти, и я подчиняюсь. Мои руки и колени сплошь в крови. Оглянувшись, я вижу, что не хватает только двоих.

Дрю.
И Питера.

После того как Эдварда забирают, я иду в ванную комнату, прихватив с собой смену одежды, и мою руки. Кристина идет со мной и стоит у двери, но ничего не говорит, и я рада. Говорить особо не о чем.

Я тру линии на руках и скребу ногтем под ногтями, чтобы вычистить кровь. Переодеваюсь в брюки, которые принесла, и выбрасываю испачканные в корзину. Беру столько бумажных полотенец, сколько могу унести. Кто-то должен прибраться в спальне, и, поскольку мне вряд ли удастся заснуть, почему бы не я?

Я тянусь к дверной ручке, и Кристина произносит:

– Ты ведь знаешь, кто это сделал?

– Да.

– Мы должны об этом рассказать?

– Ты правда думаешь, что лихачам не все равно? – спрашиваю я. – После того, как тебя повесили на пропасть? После того, как нас заставили избивать друг друга до потери сознания?

Она не отвечает.

Через полчаса я стою на коленях на полу спальни и вытираю кровь Эдварда. Кристина выбрасывает грязные бумажные полотенца и подает мне новые. Майра ушла; наверное, отправилась за Эдвардом в больницу.

В ту ночь никто особо не спит.

– Наверное, это прозвучит странно, – говорит Уилл, – но лучше бы у нас не было сегодня выходного.

Я киваю. Я знаю, что он имеет в виду. Занятие отвлекло бы меня, а отвлечься хочется прямо сейчас.

Я редко остаюсь с Уиллом наедине, но Кристина и Ал дремлют в спальне, а никто из нас не хочет находиться в ней дольше, чем нужно. Уилл этого не говорил, я и так знаю.

Я ковыряю одним ногтем под другим. Я тщательно вымыла руки после того, как вытерла кровь Эдварда, но все равно ощущаю ее на ладонях. Мы с Уиллом бредем куда глаза глядят. Нам некуда идти.

– Можно навестить его, – предлагает Уилл. – Но что мы скажем? «Я не очень хорошо тебя знал, но сожалею, что тебе выкололи глаз»?

Не смешно. Я понимаю это сразу, но смешок все равно поднимается в горле, и я уступаю, потому что сдерживать его тяжелее. Уилл мгновение смотрит на меня и тоже смеется. Иногда плач или смех – единственное, что

нам остается, и сейчас смех кажется лучшим выбором.

– Извини, – говорю я. – Просто это так нелепо.

Я не хочу плакать об Эдварде – по крайней мере, горько, навзрыд, как плачешь о друге или любимом человеке. Я хочу плакать, потому что случилось нечто ужасное и я видела это и не представляю, как все поправить. Те, кто хочет наказать Питера, не обладают нужной властью, а те, кто обладает властью наказать его, не захотят этого делать. У лихачей запрещено подло нападать на других, но когда у власти люди, подобные Эрику, вряд ли эти запреты соблюдаются.

Я говорю, уже серьезнее:

– Самое нелепое, что в любой другой фракции было бы отважным поступком рассказать, что случилось. Но здесь... в Лихости... смелость не пойдет нам во благо.

– Ты когда-нибудь читала манифесты фракций? – спрашивает Уилл.

Манифесты фракций были написаны после их образования. В школе о них упоминали, но я их не читала.

– А ты читал? – хмурюсь я.

Потом я вспоминаю, что Уилл как-то раз запомнил карту города развлечения ради.

– А! Ну конечно, ты читал. Проехали.

– Вот одна из строк, которые я запомнил из манифеста Лихости: «Мы верим в будничные проявления мужества, в отвагу, которая заставляет одного человека вставать на защиту другого».

Уилл вздыхает.

Ему ни к чему что-либо добавлять. Я знаю, что он имеет в виду. Возможно, Лихость была создана с благими намерениями, с достойными идеалами и достойными целями. Но она далеко от них отклонилась. И то же верно для Эрудиции, понимаю я. Давным-давно эрудиты стремились к знаниям и мастерству ради того, чтобы творить добро. Теперь они стремятся к знаниям и мастерству с жадными сердцами. Что, если остальные фракции страдают от той же болезни? Раньше я об этом не думала.

И все же я не могу покинуть Лихость, несмотря на ее развращенность. Не только потому, что мысль о бесфракционной жизни в полной изоляции кажется уделом страшнее смерти. Но и потому, что в краткие мгновения, когда я была счастлива здесь, я видела фракцию, достойную сохранения. Возможно, мы сумеем снова стать отважными и благородными.

– Пойдем в столовую, – предлагает Уилл, – съедим по пирожному.

– Хорошо, – улыбаюсь я.

Когда мы идем к Яме, я мысленно повторяю процитированную Уиллом строчку, чтобы не забыть ее.

«Я верю в будничные проявления мужества, в отвагу, которая заставляет одного человека вставать на защиту другого».

Прекрасная мысль.

Позже, когда я возвращаюсь в спальню, постельное белье Эдварда убрано, а ящики выдвинуты и пусты. Кровать Майры на другой стороне комнаты выглядит так же.

Я спрашиваю Кристину, куда они подевались, и она отвечает:

– Ушли.

– Даже Майра?

– Она сказала, что не хочет оставаться здесь без него. Ее в любом случае должны были отсеять.

Она пожимает плечами, как будто не знает, что еще сделать. Если это так, мне понятны ее чувства.

– По крайней мере, они не отсеяли Ала.

Ал должен был покинуть фракцию, но уход Эдварда спас его. Лихачи решили допустить его к следующей ступени.

– Кто еще отсеялся? – спрашиваю я.

Кристина снова пожимает плечами.

– Два прирожденных лихача. Я не помню их имен.

Я киваю и смотрю на классную доску. Кто-то зачеркнул имена Эдварда и Майры и переправил номера рядом с именами остальных. Теперь Питер первый. Уилл второй. Я пятая. Перед началом первой ступени нас было девять.

Теперь осталось семь.

Глава 17

Полдень. Пора обедать.

Я сижу в незнакомом коридоре. Я пришла сюда, потому что хотела убраться подальше от спальни. Возможно, если принести сюда постель, мне больше не придется возвращаться в спальню. Или у меня разыгралось воображение, или там действительно до сих пор пахнет кровью, несмотря на то что я терла пол, пока не покраснели руки, и кто-то вылил на него сегодня утром отбеливатель.

Я берусь двумя пальцами за переносицу. Драить пол в отсутствие других желающих – поступок в духе моей матери. Если я не могу быть с ней, по крайней мере, я могу время от времени вести себя, как она.

Я слышу чье-то приближение, гулкие шаги по каменному полу, и опускаю взгляд на свою обувь. Неделью назад я сменила серые кроссовки на черные, но серые ботинки все еще лежат в недрах одного из моих ящиков. Я не в силах их выбросить, хотя знаю, что глупо питать привязанность к кроссовкам, как будто они могут отнести меня домой.

– Трис?

Я поднимаю глаза. Передо мной останавливается Юрайя. Он машет неофитам-лихачам, с которыми шел. Они переглядываются, но идут дальше.

– Все в порядке? – спрашивает он.

– У меня была трудная ночь.

– Да, я слышал о том парне, Эдварде.

Юрайя смотрит вдоль коридора. Неофиты-лихачи исчезают за поворотом. Затем он чуть усмехается.

– Хочешь выбраться отсюда?

– Что? – переспрашиваю я. – Куда вы идете?

– На скромный ритуал инициации, – отвечает он. – Идем. Надо поторопиться.

Я быстро взвешиваю варианты. Можно остаться здесь. Или выбраться из лагеря Лихости.

Я рывком поднимаюсь и бегу рядом с Юрайей, чтобы догнать неофитов-лихачей.

– Обычно разрешают приходить только тем неофитам, у кого есть старшие братья и сестры среди лихачей, – добавляет он. – Но тебя могут не заметить. Просто води себя непринужденно.

– Что именно мы делаем?

– Кое-что опасное.

В его глазах появляется блеск, который можно описать только как манию Лихости, но вместо того, чтобы в ужасе отшатнуться, как я могла бы поступить несколько недель назад, я перенимаю его, как будто это заразно. Свинцовая тяжесть в груди сменяется возбуждением. Догнав неофитов-лихачей, мы замедляем шаг.

– А Сухарь что здесь делает? – спрашивает парень с металлическим кольцом в носовой перегородке.

– Она только что видела, как тому парню выкололи глаз, Гэб, – отвечает Юрайя. – Полегче с ней, ладно?

Гэб пожимает плечами и отворачивается. Больше никто ничего не говорит, хотя я ловлю на себе несколько изучающих косых взглядов. Неофиты-лихачи – как будто стая собак. Если я поведу себя неправильно, мне не позволят бежать рядом с ними. Но пока что я в безопасности.

Мы снова заворачиваем за угол, и в конце следующего коридора стоит группа членов фракции. Их слишком много, чтобы все они были родственниками неофитов-лихачей, но в некоторых лицах я замечаю определенное сходство.

– Идем, – говорит один из лихачей.

Он поворачивается и ныряет в темный дверной проем. Остальные члены фракции следуют за ним, а мы – за ними. Я держусь за Юрайей, шагаю в темноту и ударяюсь ногой о ступеньку. Мне удастся не упасть и приступить к подъему.

– Черная лестница, – почти бормочет Юрайя. – Обычно заперта.

Я киваю, хотя он меня не видит, и поднимаюсь по лестнице. Когда ступени заканчиваются, появляется открытая дверь, сквозь которую падает дневной свет. Мы выходим из-под земли в нескольких сотнях ярдов от стеклянного здания над Ямой, недалеко от железнодорожных рельсов.

Такое ощущение, будто я это делала уже тысячу раз. Я слышу гудок поезда. Чувствую, как дрожит земля. Вижу фонарь на переднем вагоне. Тяну себя за пальцы и подпрыгиваю на цыпочках.

Мы единой группой бежим рядом с вагоном, и члены фракции и неофиты наравне забираются волнами в вагон. Юрайя запрыгивает прежде меня, и люди сзади напирают. Я не могу позволить себе ошибиться; я бросаюсь в сторону, цепляюсь за ручку на стенке вагона и подтягиваюсь внутрь. Юрайя хватает меня за плечо, чтобы поддержать.

Поезд набирает скорость. Мы с Юрайей сидим у стены.

Я перекрикиваю ветер:

– Куда мы едем?

Юрайя пожимает плечами.

– Зик мне не сказал.

– Зик?

– Мой старший брат.

Он указывает через вагон на парня, который сидит в дверном проеме, свесив ноги. Он худенький и невысокий и совсем не похож на Юрайю, не считая цвета кожи.

– Вы не должны знать. Это испортит сюрприз! – кричит девушка слева и протягивает руку. – Меня зовут Шона.

Я встряхиваю ее руку, но держу недостаточно крепко и выпускаю слишком рано. Сомневаюсь, что мне когда-нибудь удастся улучшить свое рукопожатие. Кажется таким неестественным держаться за руки с незнакомцами!

– Меня... – начинаю я.

– Я знаю, кто ты, – перебивает она. – Ты – Сухарь. Четыре говорил о тебе.

Надеюсь, краска на моих щеках незаметна.

– Да? И что он сказал?

Она ухмыляется.

– Сказал, что ты была Сухарем. А почему ты спрашиваешь?

– Если мой инструктор говорит обо мне, – как можно тверже отвечаю я, – хотелось бы знать, что именно.

Надеюсь, мне удалось солгать убедительно.

– Кстати, он здесь будет?

– Нет. Он больше здесь не бывает, – отвечает она. – Наверное, ему неинтересно. Его трудно напугать, знаешь ли.

Его не будет. Воздушный шарик внутри меня сдувается. Я не обращаю внимания и киваю. Я знаю, что Четыре не трус. Но знаю и то, что он боится по крайней мере одного – высоты. Вероятно, нам предстоит что-то делать на верхотуре, если он увильнул. Очевидно, она об этом не знает, раз говорит о нем с такой почтительностью в голосе.

– Ты хорошо его знаешь? – спрашиваю я.

Я всегда была слишком любопытна.

– Все знают Четыре, – отвечает она. – Мы вместе были неофитами. Я плохо дралась, и он учил меня по ночам, когда все засыпали.

Она чешет в затылке, внезапно посерьезнев.

– Очень мило с его стороны.

Она поднимается и встает за членами фракции, сидящими в дверях.

Через мгновение серьезное выражение исчезает с ее лица, но я все еще взволнована ее словами, наполовину смущенная мыслью о том, что Четыре может быть «милым», наполовину охваченная желанием ударить ее без малейшего повода.

– Пора! – кричит Шона.

Поезд не замедляет ход, но она выпрыгивает из вагона. Остальные члены фракции следуют за ней, поток одетых в черное, покрытых пирсингом людей немногим старше меня. Я стою в дверях рядом с Юрайей. Поезд мчится намного быстрее, чем мне когда-либо доводилось прыгать, но я не могу струсить сейчас, перед членами фракции. И я прыгаю, больно ударившись о землю и пробежав несколько шагов, прежде чем восстановить равновесие.

Мы с Юрайей догоняем членов фракции, как и остальные неофиты, которые почти не обращают на меня внимания.

По пути я осматриваюсь. «Втулка» за спиной, черный силуэт на фоне облаков, но здания вокруг темные и притихшие. Значит, мы на север от моста, в заброшенной части города.

Мы поворачиваем за угол и рассыпаемся по Мичиган-авеню. На юг от моста это оживленная улица, запруженная людьми, но здесь она пустынна.

Подняв глаза, чтобы изучить здания, я немедленно понимаю, куда мы направляемся: в небоскреб Джона Хэнкока, черную колонну с перекрещенными балками, самое высокое здание на север от моста.

Но что мы будем делать? Взбираться на него?

По мере приближения к зданию члены фракции пускаются бегом, и мы с Юрайей мчимся за ними. Толкая друг друга локтями, они протискиваются в двери у основания здания. Стекло в одной из дверей разбито, так что осталась только рама. Я прохожу сквозь нее, не открывая, и следую за членами фракции через зловещий темный вестибюль, хрустя битым стеклом под ногами.

Я думала, мы поднимемся по лестнице, но мы останавливаемся у ряда лифтов.

– Лифты работают? – как можно тише спрашиваю я у Юрайи.

– Ну конечно. – Зик закатывает глаза. – Думали, я совсем идиот и не пришел сюда пораньше, чтобы включить аварийный генератор?

– Ага, – отвечает Юрайя. – Есть немного.

Зик сердито смотрит на брата, зажимает его шею и втирает костяшки пальцев в макушку. Может, Зик и меньше Юрайи, зато, наверное, сильнее. Или, по крайней мере, быстрее. Юрайя пинает его в бок и высвобождается.

Я усмехаюсь при виде растрепанных волос Юрайи, и двери лифтов

распахиваются. Мы грузимся внутрь: члены фракции в один лифт, неофиты – в другой. По дороге бритая наголо девушка наступает мне на ногу и не извиняется. Морщась, я хватаюсь за ногу и подумываю пнуть негодяйку по голени. Юрайя изучает свое отражение в двери лифта и приглаживает волосы.

– Какой этаж? – спрашивает бритая наголо девушка.

– Сотый, – отвечаю я.

– Ты-то откуда знаешь?

– Линн, успокойся, – говорит Юрайя. – Не кипятись.

– Мы в стоэтажном заброшенном здании с горсткой лихачей! – рывкаю я. – Почему *ты* этого не знаешь?

Она не отвечает. Просто вдавливая нужную кнопку.

Лифт несется вверх так быстро, что у меня сосет под ложечкой и закладывает уши. Я хватаюсь за поручень у стенки лифта, глядя, как растут номера этажей. Двадцатый, тридцатый, и волосы Юрайи наконец разглаживаются. Пятидесятый, шестидесятый, и мои пальцы перестают болеть. Девяносто восьмой, девяносто девятый, и лифт замирает на сотом этаже. Хорошо, что мы не пошли по лестнице.

– Интересно, как мы выберемся на крышу... – Юрайя умолкает.

Сильный порыв ветра ударяет меня, отбрасывая волосы за спину. В потолке сотого этажа – зияющая дыра. Зик прислоняет к ее краю алюминиевую лестницу и начинает взбираться. Лестница скрипит и шатается у него под ногами, но он спокойно поднимается, насвистывая. Выбравшись на крышу, он поворачивается и придерживает лестницу для следующего.

Я на мгновение задумываюсь, не ждет ли нас верная смерть под маской игры.

Подобная мысль посещает меня не впервые с Церемонии выбора.

Я поднимаюсь по лестнице после Юрайи. Это напоминает мне, как я карабкалась по перекладинам чертова колеса, а Четыре взбирался за мной. Я снова вспоминаю его пальцы на своем бедре, как он помог мне не упасть, и чуть не промахиваюсь мимо ступеньки. «Глупо».

Прикусив губу, я добираюсь до верха и встаю на крыше небоскреба Джона Хэнкока.

Ветер такой сильный, что я больше ничего не слышу и не чувствую. Приходится прислониться к Юрайе, чтобы не упасть. Сперва я вижу только болото – обширное, коричневое, бесконечное, простирающееся до горизонта, безжизненное. В другом направлении лежит город, и во многих отношениях он неотличим от болота, такой же безжизненный, с

неведомыми мне границами.

Юрайя куда-то указывает. К одному из столбов на крыше башни приделан стальной трос толщиной с мое запястье. На земле лежит груда черных перевязей из грубой ткани, достаточно больших, чтобы вместить человека. Зик хватает одну из них и закрепляет на шкиве, который свисает со стального кабеля.

Я прослеживаю взглядом кабель. Он тянется поверх группы зданий и вдоль Лейк-Шор-драйв. Не знаю, где он заканчивается. Ясно, впрочем, одно: если я пройду через это, узнаю.

Мы собираемся скользить в черной перевязи вниз по стальному тросу с высоты тысяча футов.

– О боже, – произносит Юрайя.

Я могу лишь кивнуть.

Шона первой забирается в перевязь. Она ползет вперед на животе, пока большая часть ее тела не оказывается в черной ткани. Потом Зик закрепляет ремнем ее плечи, поясицу и верх бедер. Он подтягивает ее в перевязи к краю здания и начинает обратный отсчет от пяти. Шона показывает большой палец и толкает ее вперед, в пустоту.

Линн ахает, когда Шона под крутым углом несется к земле, головой вперед. Я протискиваюсь мимо нее, чтобы лучше видеть. Насколько можно судить, пока Шона не исчезает вдаль, превращаясь в черную точку над Лейк-Шор-драйв, она надежно закреплена в перевязи.

Члены фракции гикают, потрясают кулаками и выстраиваются в очередь, порой отпихивая друг друга, чтобы занять лучшее место. Почему-то я оказываюсь первым неофитом в очереди, сразу перед Юрайей. Между мной и скоростным спуском всего семь человек.

И все же в глубине души раздается голосок: «Мне что, нужно ждать целых семь человек?» Я испытываю странную смесь ужаса и нетерпения, незнакомую до сих пор.

Следующий член фракции, совсем молоденький парнишка с волосами до плеч, запрыгивает в перевязь на спине, а не на животе. Когда Зик толкает его вниз по стальному канату, он широко раскидывает руки.

Похоже, члены фракции совсем не боятся. Они ведут себя, как будто проделывали это уже тысячи раз, и, возможно, так и есть. Но, оглядываясь через плечо, я вижу, что большинство неофитов бледны или встревожены, даже если оживленно болтают друг с другом. Что происходит между инициацией и вступлением в фракцию, что превращает панику в восторг? Или люди просто учатся прятать свой страх?

Передо мной три человека. Очередная перевязь; лихачка ныряет в нее

ногами вперед и скрещивает руки на груди. Два человека. Высокий крупный парень подпрыгивает вверх и вниз, как ребенок, прежде чем забраться в перевязь и унести с пронзительным визгом, отчего девушка передо мной смеется. Один человек.

Она запрыгивает в перевязь головой вперед и вытягивает руки, пока Зик закрепляет ремни. Моя очередь.

Я дрожу, пока Зик подвешивает мою перевязь на трос. Пытаюсь забраться внутрь, но ничего не получается; руки дрожат слишком сильно.

– Не волнуйся, – шепчет Зик мне на ухо.

Он берет мою руку и помогает залезть в перевязь, лицом вниз.

Ремень обнимает мою поясницу, и Зик толкает меня вперед, к краю крыши. Я скольжу взглядом по стальным балкам и черным окнам здания, до самого потрескавшегося тротуара. Как глупо, что я на это пошла! И как глупо, что мне нравится, как сердце бьется о грудину и пот собирается в линиях на ладонях!

– Готова, Сухарь? – ухмыляется Зик. – Должен сказать, я впечатлен, что ты не вопишь и не рыдаешь уже сейчас.

– Я же говорил, – замечает Юрайя. – Она лихачка до мозга костей. А теперь займись уже делом.

– Осторожнее, братец, а то забуду затянуть твои ремни как следует, – парирует Зик и хлопает себя по колену. – И тогда – шмяк!

– Ага, конечно, – отвечает Юрайя. – И тогда наша мать сварит тебя заживо.

Когда я слышу, как он говорит о своей матери, о своей неврединой семье, мою грудь на мгновение пронзает боль, словно кто-то воткнул в нее иглу.

– Только если узнает.

Зик тянет за шкив, прикрепленный к стальному тросу. Шкив выдерживает – слава богу, ведь если он сломается, мне не миновать мгновенной и верной смерти. Зик смотрит на меня и произносит:

– На старт, внимание, м...

Не договорив «марш», он отпускает перевязь, и я забываю о нем, забываю о Юрайе, о семье и обо всем, что может сломаться и повлечь мою смерть. Я слышу, как металл скользит по металлу, и чувствую ветер, такой яростный, что слезы наворачиваются на глаза, когда я мчусь к земле.

Мне кажется, что я лишилась плоти, лишилась веса. Болото впереди выглядит огромным, его бурые лоскуты простираются дальше, чем достигает взгляд, даже с такой высоты. Воздух настолько холодный и быстрый, что лицу больно. Я набираю скорость, и из груди рвется

радостный крик, который сдерживает только ветер, наполнивший рот, стоило губам разомкнуться.

В надежном коконе ремней я раскидываю руки в стороны и представляю, что лечу. Я мчусь к улице, потрескавшейся, пятнистой улице, которая безупречно повторяет каждый изгиб болота. Здесь, наверху, наконец получается вообразить, каким было болото, когда было озером, – в нем отражалось небо, превращая воду в расплавленную сталь.

Мое сердце бьется так сильно, что больно, и я не могу кричать, не могу дышать, но зато чувствую все, каждую жилку и каждую мышцу, каждую кость и каждый нерв; все ожило и гудит в моем теле, как будто заряжено электричеством. Я – чистый адреналин.

Земля растет и выгибается подо мной, и я вижу крошечных людей на мостовой внизу. Мне следовало бы вопить, как любому разумному человеку на моем месте, но когда я открываю рот, я лишь радостно гикаю. Я кричу громче, и фигурки на земле потрясают кулаками и кричат в ответ, но они так далеко, что я их почти не слышу.

Я смотрю вниз, и земля расплывается под мной, сплошь серое, белое и черное, стекло, асфальт и сталь. Завитки ветра, мягкие, словно пряди волос, обвивают мои пальцы и тянут руки назад. Я пытаюсь снова прижать руки к груди, но мне не хватает сил. Земля становится все больше и больше.

Я не снижаю скорость еще по меньшей мере минуту, а лечу параллельно земле, будто птица.

Когда скорость падает, я провожу пальцами по волосам. Ветер завязал их узлами. Я вишу футах в двадцати над землей, но теперь эта высота кажется ничтожной. Я тянусь за спину и пытаюсь расстегнуть ремни, которые удерживают меня на месте. Пальцы дрожат, но мне все равно удастся ослабить ремни. Толпа членов фракции стоит внизу. Они держат друг друга за руки, образуя подо мной сеть.

Чтобы спуститься, я должна им довериться. Должна признать, что эти люди принадлежат мне, а я им. Это более отважный поступок, чем соскользнуть по канату.

Я ползу вперед и падаю. Сильно ударяюсь о руки. Кости запястий и предплечий впиваются мне в спину, а ладони обхватывают плечи и помогают встать. Не знаю, чьи руки держат меня, а чьи – нет; я вижу улыбки и слышу смех.

– Ну как? – Шона хлопает меня по плечу.

– Мм...

Члены фракции глядят на меня. Ветер поиграл с ними, как и со мной;

в их глазах – адреналиновая лихорадка, волосы растрепаны. Я знаю, почему мой отец называл лихачей кучкой сумасшедших. Он не понимал... не мог понять чувства локтя, которое возникает, лишь когда рискуешь жизнью вместе с другими.

– А когда можно будет повторить? – спрашиваю я.

Мои губы расплываются в улыбке. Окружающие смеются, и я смеюсь вместе с ними. Я вспоминаю, как поднималась по лестнице с альтруистами, как наши ноги топотали в унисон, как мы были одинаковыми. Сейчас все иначе. Мы не одинаковы. И все же мы едины.

Я смотрю на небоскреб Джона Хэнкока, до которого так далеко, что я не вижу людей на крыше.

– Глядите! Вот он! – Кто-то указывает мне за плечо.

Я слежу за пальцем и нахожу маленькую темную фигурку, которая скользит по стальному тросу. Через несколько секунд я слышу вопль, от которого кровь стынет в жилах.

– Спорим, он заплачет?

– Брат Зика заплачет? Да ни за что! Ему изрядно достанется.

– Он молотит руками!

– Он кричит, будто кошка, которую душат, – замечаю я.

Все снова смеются. Я испытываю укол вины за то, что насмехаюсь над Юрайей за его спиной, но я сказала бы то же самое, если бы он стоял рядом. Надеюсь.

Когда Юрайя наконец замирает, я вместе с членами фракции иду его встречать. Мы выстраиваемся внизу и заполняем пустое пространство руками. Шона хватает меня за локоть. Я цепляюсь за чью-то руку – не знаю, кому именно она принадлежит, здесь слишком много переплетенных рук, – и поднимаю взгляд на Шону.

– Будь уверена, мы больше не станем звать тебя Сухарем, – кивает Шона. – Трис.

Входя в столовую тем вечером, я все еще пахну ветром. Мгновение я стою в толпе лихачей и чувствую себя одной из них. Затем Шона машет мне, толпа рассыпается, и я иду к столу, где Кристина, Ал и Уилл глядят на меня, разинув рты.

Я не думала о них, когда приняла приглашение Юрайи. Отчасти мне приятно видеть их ошеломленные лица. Но расстраивать друзей не хочется.

– Где ты была? – спрашивает Кристина. – Что ты с ними делала?

– Юрайя... ну, помнишь, прирожденный лихач, который был в нашей команде по захвату флага? Он покидал лагерь с членами фракции и

упросил их взять меня с собой. Они не очень-то хотели это делать. Одна девушка по имени Линн наступила мне на ногу.

– Может, они и не хотели тебя брать, – тихо говорит Уилл, – но, похоже, ты им понравилась.

– Да. – Я не могу отрицать очевидное. – Но я рада вернуться.

Надеюсь, они не смогут раскусить, что я лгу. Или смогут? Я видела свое отражение в окне на обратном пути в лагерь, и мои глаза и щеки горели, а волосы были спутаны. Я выгляжу так, как будто испытала нечто потрясающее.

– Что ж, ты пропустила, как Кристина едва не избила эрудита, – бодро замечает Ал.

Кто, как не Ал, всегда разрядит напряжение?

– Он проводил опрос о лидерстве Альтруизма, и Кристина сказала ему, чтобы занялся более важными вещами.

– И была совершенно права, – добавляет Уилл. – А он на нее разозлился. Большая ошибка.

– Огромная, – киваю я.

Если побольше улыбаться, возможно, удастся развеять их зависть, обиду или что там кроется в глубине глаз Кристины.

– Ага, – подтверждает она. – Пока ты развлекалась, я занималась грязной работой: защищала твою бывшую фракцию, улаживала межфракционный конфликт...

– Да ладно, тебе же понравилось. – Уилл толкает ее локтем. – Если ты не собираешься рассказывать всю историю, я сам расскажу. Он стоял...

Уилл приступает к рассказу, и я время от времени киваю, как будто слушаю, но думать могу лишь о том, как смотрела вдоль стены небоскреба Джона Хэнкока и воображала болото, полное воды, возрожденное в своей былой славе. Я смотрю через плечо Уилла на членов фракции, которые бросаются кусочками еды при помощи вилок.

Мне впервые по-настоящему хочется стать одной из них.

А значит, я должна преодолеть следующую ступень инициации.

Глава 18

Судя по всему, вторая ступень инициации включает ожидание в темном коридоре с другими неофитами и гадание, что происходит за закрытой дверью.

Юрайя сидит напротив меня, Марлин слева от него, Линн справа. Неофиты-лихачи и переходники были разделены на первой ступени, но с настоящего момента мы тренируемся вместе. Так сказал Четыре, прежде чем скрыться за дверью.

– Ну что? – Линн ковыряет пол ботинком. – Кто из вас первый по рангу?

Сперва ее вопрос встречает тишина, но затем Питер прочищает горло.

– Я, – отвечает он.

– Спорим, я тебя побью, – небрежно произносит она, поворачивая колючку в брови кончиками пальцев. – Я вторая, но спорим, любой из нас побьет тебя, переходник.

Я с трудом сдерживаю смех. Будь я по-прежнему альтруисткой, ее замечание показалось бы грубым и неуместным, но в Лихости, по-видимому, принято бросать вызов. И это начинает мне нравиться.

– Я бы на твоём месте не был так уверен. – Глаза Питера блестят. – Кто первый?

– Юрайя, – отвечает она. – И я совершенно уверена. Знаешь, сколько лет мы готовились к этому?

Если она хочет запугать нас, ей это удастся. У меня уже холодок по коже.

Прежде чем Питер успевает ответить, Четыре открывает дверь и произносит:

– Линн.

Он подзывает ее жестом, и она идет к двери; бритая наголо голова мерцает в голубоватом свете в конце коридора.

– Так значит, ты первый. – Уилл обращается к Юрайе.

Юрайя пожимает плечами.

– Ага. И что?

– Как по-твоему, это честно, что вы готовились всю жизнь, а мы должны научиться за несколько недель? – щурится Уилл.

– Почему нет? Конечно, на первой ступени важно мастерство, но ко второй ступени подготовиться невозможно, – отвечает он. – По крайней

мере, так мне говорили.

Никто ему не отвечает. Мы молча сидим двадцать минут. Я слежу по часам. Затем дверь снова открывается, и Четыре называет новое имя.

– Питер, – произносит он.

Каждая минута словно трет кожу наждачной бумагой. Постепенно нас становится все меньше, пока не остаемся только мы с Юраией и Дрю. Дрю притопывает ногой, Юраия барабанит пальцами по колену, а я стараюсь сидеть совершенно неподвижно. Я слышу только бормотание из комнаты в конце коридора и подозреваю, что это тоже часть игры, в которую с нами играют. Запугивают нас при любой возможности.

Дверь открывается, и Четыре подзывает меня.

– Идем, Трис.

Я встаю – спина ноет, оттого что я так долго прислонялась к стене, – и иду мимо других неофитов. Дрю вытягивает ногу, чтобы я споткнулась, но я в последний момент перепрыгиваю.

Четыре касается моего плеча, направляя меня в комнату, и закрывает дверь.

Когда я вижу, что в ней находится, то отшатываюсь, ударяясь о его грудь.

В комнате стоит откидывающееся металлическое кресло, такое же, как на проверке склонностей. Рядом с ним – знакомая машина. В комнате нет зеркал и совсем мало света. На столе в углу – экран компьютера.

– Садись, – произносит Четыре.

Он сжимает мои плечи и толкает меня вперед.

– Что еще за симуляция? – Я стараюсь говорить ровным голосом, но не преуспеваю.

– Слышала когда-нибудь фразу «встретиться со своими страхами лицом к лицу»? – спрашивает он. – Мы понимаем ее буквально. Симуляция научит тебя контролировать эмоции во время пугающей ситуации.

Я касаюсь лба дрожащей рукой. Симуляции не реальны, они не представляют настоящей угрозы, так что, логически рассуждая, бояться мне нечего, но это инстинктивная реакция. Приходится собрать всю силу воли, чтобы направиться к креслу и снова сесть в него, опустив затылок на подголовник. Холод металла чувствуется сквозь одежду.

– Ты когда-нибудь занимался проверкой склонностей? – спрашиваю я.

Он кажется опытным.

– Нет. Я стараюсь избегать Сухарей.

Не представляю, зачем кому-то избегать альтруистов. Лихачей и правдолюбов – возможно, ведь отвага и честность заставляют людей

совершать странные поступки, но альтруистов?

– Почему?

– Ты действительно думаешь, что я отвечу?

– А почему ты отвечаешь расплывчато, если не хочешь, чтобы тебя расспрашивали?

Он касается пальцами моей шеи. Я напрягаюсь. Это проявление нежности? Нет... ему нужно убрать мои волосы в сторону. Раздается постукивание, и я откидываю голову назад, чтобы посмотреть. Четыре держит шприц с длинной иглой, опустив большой палец на поршень. Жидкость в шприце оранжевого цвета.

– Укол?

У меня пересыхает во рту. Обычно я не боюсь уколов, но этот шприц такой огромный.

– Мы используем усовершенствованную версию симуляции, – поясняет он. – Другая сыворотка, никаких проводов или электродов.

– Но как она работает без проводов?

– Ну, у меня есть провода, так что я вижу, что происходит, – отвечает он. – Но у тебя есть только крошечный передатчик в сыворотке, который посылает данные на компьютер.

Он обхватывает мою руку и вводит иголку в нежную кожу на шее сбоку. По горлу разливается сильная боль. Я морщусь и пытаюсь сосредоточиться на его спокойном лице.

– Сыворотка подействует через шестьдесят секунд. Эта симуляция отличается от проверки склонностей, – сообщает он. – Сыворотка не только содержит передатчик; она стимулирует миндалевидное тело – часть мозга, которая участвует в обработке негативных эмоций, например страха, и тем самым вызывает галлюцинацию. Электрическая активность мозга затем передается на наш компьютер, который переводит галлюцинацию в симулированный образ, который я могу увидеть и отследить. После я переправлю запись руководителям Лихости. Ты останешься в галлюцинации, пока не успокоишься, то есть пока твое сердцебиение и дыхание не придут в норму.

Я пытаюсь следить за его словами, но мысли путаются. Я чувствую фирменные признаки страха: потные ладони, учащенное сердцебиение, стеснение в груди, сухость во рту, комок в горле, затрудненное дыхание. Он берет мою голову в ладони и склоняется надо мной.

– Будь храброй, Трис, – шепчет он. – В первый раз всегда сложнее.

Его глаза – последнее, что я вижу.

Я стою в сухой траве по пояс. Воздух пахнет дымом и обжигает ноздри. Небо над головой – цвета желчи, и при виде него меня переполняет тревога, так что хочется съежиться.

Я слышу шорох, словно ветер листает страницы книги, но ветра нет. Воздух неподвижный и тихий, не считая шелеста, не горячий и не холодный – вообще не похожий на воздух, но я все же могу дышать. Сверху пикирует тень.

Что-то опускается мне на плечо. Тяжесть и острые когти... я выбрасываю руку вперед, судорожно сжимая пальцы, чтобы стряхнуть незваного гостя. Я чувствую что-то гладкое и хрупкое. Перо. Я прикусываю губу и кошусь в сторону. Черная птица размером с предплечье поворачивает голову и смотрит на меня глазом-бусинкой.

Я стискиваю зубы и снова бью ворону ладонью. Она запускает когти глубже и не шевелится. Я кричу, больше от досады, чем от боли, и бью ворону обеими руками, но она остается на месте, непоколебимая, косящая на меня одним глазом, и ее перья мерцают в желтоватом свете. Грохочет гром, раздается стук капель по земле, но дождя нет и в помине.

Небо темнеет, как будто туча заслоняет солнце. Продолжая отбиваться от вороны, я поднимаю глаза. Стая ворон несется на меня, наступающая армия растопыренных когтей и пронзительно орущих разинутых клювов, наполняющих воздух гамом. Вороны спускаются единым фронтом, пикируют на меня, сотни черных глаз-бусинок сверкают.

Я пытаюсь бежать, но ноги словно выросли в землю и отказываются двигаться, как и ворона на моем плече. Я кричу, когда птицы окружают меня, крылья хлопают в ушах, клювы впиваются в плечи, когти раздирают одежду. Я кричу, пока из глаз не брызжут слезы, и размахиваю руками. Кулаки задевают крепкие птичьи тела, но без толку: их слишком много. Я одна. Вороны кусают меня за пальцы, прижимаются к телу, их крылья скользят по затылку, лапы впиваются в волосы.

Я верчусь, дергаюсь и падаю на землю, закрывая голову руками. Вороны кричат надо мной. Я чувствую, как в траве кто-то ерзает, ворона пробирается мне под руку. Я открываю глаза, и она щиплет меня за лицо, клюет в нос. Кровь капает на траву, и я всхлипываю, утираясь ладонью, но еще одна ворона протискивается под другую мою руку и вцепляется когтями в перед рубашки.

Я кричу, я рыдаю.

– Помогите! – ору я. – Помогите!

Вороны сильнее бьют крыльями, в ушах раздается рев. Мое тело горит, и они повсюду, и я не могу думать, не могу дышать. Я открываю рот,

чтобы глотнуть воздуха, и в него набиваются перья, перья забивают горло, спускаются в легкие, заменяя кровь в жилах своим мертвым грузом.

– Помогите! – рыдаю и кричу я, отупело, бессмысленно.

Я умираю, умираю, умираю.

Кожу печет, я истекаю кровью, и вороны вопят так громко, что звенит в ушах, но я не умираю, и я вспоминаю, что все это не реально, но это кажется реальным, кажется таким реальным. «Будь храброй», – звучит в голове голос Четыре. Я зову его, вдыхаю перья и выдыхаю: «Помоги!» Но помощь не придет, я одна.

«Ты останешься в галлюцинации, пока не успокоишься», – продолжает его голос, и я кашляю, и лицо мое мокро от слез, и еще одна ворона пробралась мне под руки, и край ее острого клюва касается моего рта. Ее клюв раздвигает мне губы и скребется о зубы. Ворона просовывает голову мне в рот, и я стискиваю зубы, чувствуя отвратительный вкус. Я сплевываю и сжимаю зубы, чтобы не впустить ее дальше, но четвертая ворона подталкивает меня под ступни, а пятая щиплет ребра.

«Успокойся». Я не могу, не могу. Голова пульсирует от боли.

«Дыши». Я держу рот закрытым и втягиваю воздух через нос. Прошли часы с тех пор, как я оказалась одна в поле; прошли дни. Я выдыхаю через нос. Сердце бешено бьется в груди. Я должна замедлить его ритм. Я снова вдыхаю, мое лицо мокро от слез.

Я всхлипываю и заставляю себя растянуться лицом вниз на траве, которая колет кожу. Я раскидываю руки и дышу. Вороны толкаются и клюются по бокам, прогрызая себе путь сквозь меня, и я не мешаю им. Постепенно расслабляя мышцу за мышцей, я позволяю им хлопать крыльями, кричать, щипаться и толкаться. Пусть меня обглодают до костей.

Боль переполняет меня.

Я открываю глаза и оказываюсь в металлическом кресле.

Я ору и бью руками, головой и ногами, чтобы стряхнуть птиц, но они исчезли, хотя я все еще чувствую их перья на затылке, когти в плече и свою горящую кожу. Застонав, я прижимаю колени к груди, зарываясь в них лицом.

Рука касается моего плеча, и я отмахиваюсь кулаком, попадая по чему-то твердому, но мягкому.

– Не трогай меня! – всхлипываю я.

– Все закончилось, – произносит Четыре.

Рука неловко гладит меня по волосам, и я вспоминаю, как отец гладил меня по голове, целуя на ночь, как мать касалась моих волос, подстригая их. Я провожу ладоням и по рукам, смахивая перья, хотя знаю, что никаких

перьев нет.

– Трис.

Я раскачиваюсь назад и вперед на металлическом кресле.

– Трис, я провожу тебя в спальню, хорошо?

– Нет! – рявкаю я.

Я поднимаю голову и сверкаю глазами, хотя ничего не вижу сквозь пелену слез.

– Они не должны меня видеть... в таком состоянии...

– Да успокойся уже. – Он закатывает глаза. – Пройдем через заднюю дверь.

– Мне ни к чему, чтобы ты...

Я качаю головой. Мое тело дрожит, и я чувствую такую слабость, что не знаю, смогу ли стоять, но я должна попытаться. Я не могу оказаться единственной, кого придется провожать в спальню. Даже если меня не увидят, все равно рано или поздно узнают, будут судачить...

– Чепуха.

Он хватается меня за руку и выдергивает из кресла. Я смаргиваю слезы с глаз, вытираю щеки тыльной стороной ладони и позволяю отвести себя к двери за компьютерным экраном.

Мы молча идем по коридору. В сотне ярдов от комнаты я вырываю у него руку и останавливаюсь.

– Зачем со мной так поступили? – спрашиваю я. – В чем смысл? Я не подозревала, что обрекаю себя на недели мучений, когда выбирала Лихость!

– Ты думала, преодолеть трусость будет легко? – спокойно спрашивает он.

– Преодоление трусости здесь ни при чем! Трусость – это то, как ты ведешь себя в реальной жизни, а в реальной жизни никакие вороны не заключают меня до смерти, Четыре!

Я закрываю лицо ладонями и рыдаю.

Он ничего не говорит, просто стоит рядом, пока я плачу. Мне нужно всего несколько секунд, чтобы успокоиться и снова вытереть лицо.

– Я хочу домой. – Я еле ворочаю языком.

Но домой мне уже не попасть. Либо я остаюсь здесь, либо отправляюсь в бесфракционные трущобы.

Он не смотрит на меня с участием. Просто смотрит на меня. Его глаза кажутся черными в тусклом коридоре, а губы сжаты в тонкую линию.

– Рационально думать, невзирая на страх, – это урок, необходимый каждому, даже твоей семье Сухарей. Вот что мы пытаемся тебе втолковать.

Если ты не способна этому научиться, тогда убирайся отсюда, потому что ты нам не нужна.

– Я пытаюсь. – Моя нижняя губа дрожит. – Но у меня не получилось. У меня не получается.

Он вздыхает.

– Как по-твоему, сколько времени ты провела в галлюцинации, Трис?

– Не знаю. – Я качаю головой. – Полчаса?

– Три минуты, – отвечает он. – Ты справилась в три раза быстрее, чем остальные неофиты. Это что угодно, только не провал.

Три минуты?

Он чуть улыбается.

– Завтра у тебя получится лучше. Вот увидишь.

– Завтра?

Он касается моей спины и ведет меня к спальне. Я чувствую кончики его пальцев сквозь рубашку. Их бережное прикосновение заставляет меня на мгновение забыть о птицах.

– О чем была твоя первая галлюцинация? – Я бросаю на него взгляд.

– Не столько о чем, сколько о ком. – Он пожимает плечами. – Неважно.

– И ты преодолел этот страх?

– Пока нет. – Мы подходим к двери спальни, и он прислоняется к стене, засунув руки в карманы. – Возможно, никогда не преодолею.

– Так значит, страхи не покидают нас?

– Иногда покидают. Иногда на их место приходят новые. – Он продевает большие пальцы в петли для ремня. – Но цель не в том, чтобы стать бесстрашным. Это невозможно. Цель в том, чтобы научиться сдерживать страх, освободиться от него, – вот в чем цель.

Я киваю. Я привыкла думать, что лихачи бесстрашны. По крайней мере, они кажутся такими. Но, возможно, то, что я считала бесстрашием, – на самом деле умение сдерживать страх.

– Как бы то ни было, твои страхи – редко то, чем кажутся на симуляции, – добавляет он.

– В смысле?

– Ну, ты действительно боишься ворон?

Он улыбается мне краешком рта. От улыбки его глаза теплеют настолько, что я забываю о том, что он мой инструктор. Обычный парень, который болтает о пустяках и провожает меня до двери.

– При виде вороны ты с криками бежишь прочь?

– Нет. Наверное, нет.

Мне хочется шагнуть к нему, без особого повода, просто узнать,

каково это – стоять совсем рядом; просто хочется, и все тут.

«Ну и глупо», – произносит голос у меня в голове.

Я шагаю к Четыре и тоже прислоняюсь к стене, повернув голову набок, чтобы видеть его. Как и на чертовом колесе, я точно знаю расстояние между нами. Шесть дюймов. Я чуть наклоняюсь. Меньше шести дюймов. Мне становится тепло, как будто он делится со мной неизвестной энергией, почувствовать которую можно только вблизи.

– И чего же я боюсь на самом деле? – спрашиваю я.

– Я не знаю. Это можешь сказать только ты.

Я медленно киваю. Это может быть десяток разных страхов, но я не знаю, какой выбрать и даже есть ли среди вариантов верный.

– Я не знала, что стать лихачкой будет так сложно, – говорю я и через мгновение поражаюсь, что сказала это; поражаюсь, что призналась. Я прикусываю внутреннюю сторону щеки и внимательно слежу за Четыре. Возможно, я напрасно разоткровенничалась?

– Говорят, так было не всегда. – Он дергает плечом.

По-видимому, мое признание его не удивило.

– В смысле, быть лихачом.

– Что изменилось?

– Власть, – отвечает он. – Тот, кто контролирует обучение, задает стандарт поведения лихачей. Шесть лет назад Макс и другие лидеры изменили методы, сделав обучение более состязательным и грубым, якобы чтобы проверить силу людей. И это изменило приоритеты Лихости в целом. Спорим, ты не угадаешь, кто новый любимчик лидеров.

Ответ очевиден: Эрик. Его научили жестокости, а теперь он научит жестокости нас.

Я смотрю на Четыре. Обучение не повлияло на него.

– Если ты был первым в своем классе неофитов, – спрашиваю я, – каким по счету был Эрик?

– Вторым.

– Выходит, он был вторым кандидатом на лидерство, – медленно киваю я. – А ты – первым.

– Почему ты так думаешь?

– Из-за того, как Эрик вел себя на ужине в первый вечер. Завистливо, хоть и получил то, что хочет.

Четыре не возражает. Очевидно, я права. Хочется спросить, почему он отказался от места, которое ему предложили, почему он так противится лидерству, хотя кажется прирожденным лидером. Но я знаю, как Четыре относится к личным вопросам.

Я шмыгаю носом, еще раз вытираю лицо и приглаживаю волосы.

– Заметно, что я плакала? – спрашиваю я.

– Гм.

Он наклоняется ближе, щурясь, как будто изучает мое лицо. Улыбка растягивает его губы. Еще ближе, так что мы дышали бы одним воздухом... если бы я не забывала дышать.

– Нет, Трис, – отвечает он.

Его улыбку сменяет более серьезное выражение лица.

– Ты выглядишь просто железной.

Глава 19

Когда я вхожу, большинство неофитов – прирожденные лихачи и переходники вместе – сгрудились между рядами двухъярусных кроватей, обступив Питера. Он держит в руках листок бумаги.

– «Массовое отречение детей лидеров Альтруизма невозможно игнорировать или приписывать случайности, – читает он. – Недавний переход Беатрис и Калеба Прайор, детей Эндрю Прайора, ставит под сомнение разумность ценностей и доктрин Альтруизма».

По спине бежит холодок. Кристина, стоящая позади толпы, оборачивается и замечает меня. Она бросает на меня встревоженный взгляд. Я не в силах пошевелиться. Мой отец. Эрудиты набросились на моего отца.

– «Иначе почему дети столь высокопоставленной персоны сочли, что навязанный им образ жизни недостаточно привлекателен? – продолжает Питер. – Молли Этвуд, еще один переходник-лихач, считает, что во всем виновато извращенное, жестокое воспитание. “Однажды я слышала, как она говорила во сне, – сообщает Молли. – Она просила отца перестать что-то делать. Не знаю, что именно, но из-за этого ей снились кошмары”».

Так вот как Молли мне отомстила. Вероятно, она поговорила с журналистом-эрудитом, на которого наорала Кристина.

Она улыбается. У нее кривые зубы. Пожалуй, выбить их значит оказать ей услугу.

– Что? – рывкаю я.

Или пытаюсь рывкнуть, но получается скрипуче и глухо, так что приходится прочистить горло и повторить:

– Что?

Питер прекращает читать, и несколько голов оборачиваются. Кто-то, подобно Кристине, смотрит на меня с жалостью, их брови приподняты, уголки ртов опущены. Но большинство обмениваются ухмылками и двусмысленными взглядами. Питер оборачивается последним, расплываясь в улыбке.

– Отдай. – Я протягиваю руку. Лицо горит.

– Но я еще не дочитал. – В его голосе звенит смех.

Он снова обращается к листку:

– «Но что, если ответ скрывается не в одном аморальном типе, а в прогнивших идеалах всей фракции? Что, если мы доверили свой город

кучке вербующих приверженцев тиранов, которые неспособны привести нас от нищеты к процветанию?»

Я бросаюсь к нему и пытаюсь выхватить листок, но он держит его высоко над моей головой, так что нужно подпрыгнуть. Прыгать я не стану. Вместо этого я со всей силы наступаю ему на пальцы ноги. Он стискивает зубы, чтобы не застонать.

Затем я бросаюсь на Молли в надежде застать ее врасплох и сбить с ног, но, прежде чем успеваю дотянуться, прохладные руки обхватывают меня за талию.

– Это мой отец! – визжу я. – Мой отец, жалкие трусы!

Уилл тащит меня прочь, оторвав от земли. Я учащенно дышу и пытаюсь выхватить листок, пока его не продолжили читать. Я должна сжечь его, должна уничтожить, должна!

Уилл вытаскивает меня из комнаты в коридор, впиваясь ногтями в кожу. Захлопнув дверь, он отпускает меня, и я толкаю его со всей силы.

– Что? По-твоему, я не способна противостоять этой жалкой правдолюбке?

– Нет. – Уилл загораживает дверь. – Просто не хотел, чтобы ты устроила драку в спальне. Успокойся.

С моих губ срывается смешок.

– Успокоиться? Успокоиться?! Это о моей семье они говорили, о моей фракции!

– Нет, не о твоей. – Под его глазами темные круги, он выглядит изможденным. – Это твоя бывшая фракция, и ты не можешь помешать им говорить, так что нужно просто не обращать внимания.

– Да ты вообще слушал? – Краска схлынула с моих щек, и я дышу немного ровнее. – Твоя дурацкая бывшая фракция уже не просто оскорбляет Альтруизм. Она призывает сбросить все правительство.

Уилл смеется.

– Ничего подобного. Эрудиты заносчивы и скучны, вот почему я от них ушел, но они не революционеры. Им просто нужно больше влияния, и они обижены на Альтруизм за то, что их не слушают.

– Они не хотят, чтобы их слушали, они хотят, чтобы с ними соглашались, – возражаю я. – Нельзя выбивать согласие силой. – Я обхватываю лицо ладонями. – Поверить не могу, что мой брат присоединился к ним.

– Полегче. Они не так уж и плохи, – резко произносит он.

Я киваю, но не верю ему. Не могу представить, чтобы Эрудиция совершенно не испортила человека, хотя Уилл кажется нормальным.

Дверь снова открывается, и выходят Кристина и Ал.

– Моя очередь делать татуировку, – говорит Кристина. – Пойдешь с нами?

Я приглаживаю волосы. Вернуться в спальню невыносимо. Даже если Уилл отпустит меня, силы будут неравны. Единственный вариант – пойти с друзьями и постараться забыть о том, что происходит за стенами лагеря Лихости. У меня достаточно забот и без тревоги за семью.

Ал идет впереди, посадив Кристину на закорки. Она визжит, когда он прорубается сквозь толпу. Люди по возможности широко расступаются перед ним.

Мое плечо еще горит. Кристина уговорила меня тоже сделать татуировку печати Лихости. Это круг с пламенем внутри. Моя мать никак не отреагировала на татуировку на ключице, так что сомнений насчет татуировок не осталось. Это образ жизни Лихости, такая же неотъемлемая часть инициации, как обучение бою.

Кристина также уговорила меня купить блузку, в вырезе которой видны плечи и ключицы, и снова подвести глаза черным карандашом. Я больше не сопротивляюсь ее попыткам преобразить меня. Особенно с тех пор, как обнаружила, что они мне нравятся.

Мы с Уиллом идем за Кристиной и Алом.

– Поверить не могу, что ты сделала еще одну татуировку. – Он качает головой.

– Почему? – спрашиваю я. – Потому что я Сухарь?

– Нет. Потому что ты... благоразумная.

Он улыбается. У него ровные белые зубы.

– И чего ты боялась сегодня, Трис?

– Слишком много ворон, – отвечаю я. – А ты?

Он смеется.

– Слишком много кислоты.

Я не спрашиваю, что он имеет в виду.

– Просто поразительно, как все это работает, – замечает он. – В сущности, мы имеем борьбу между таламусом, который порождает страх, и лобной долей, которая принимает решения. Но симуляция происходит исключительно в голове, так что, когда тебе кажется, будто с тобой что-то делают, в действительности ты сам делаешь это с собой и...

Он умолкает.

– Извини. Я говорю как эрудит. Дурная привычка.

Я пожимаю плечами.

– Звучит интересно.

Ал едва не роняет Кристину, и она хватается за первое, что подворачивается под руку, а именно его лицо. Он дергается и поудобнее берется за ее ноги. На первый взгляд Ал кажется счастливым, но его улыбкам не хватает беспечности. Я беспокоюсь о нем.

Я вижу у пропасти Четыре, окруженного группой людей. Он смеется так сильно, что хватается за перила, чтобы не упасть. Судя по бутылке в его руке и покрасневшему лицу, он пьян или вот-вот опьянеет. Я привыкла видеть Четыре суровым, наподобие солдата, и забыла, что ему всего восемнадцать.

– Ой-ой, – произносит Уилл. – Тревога: инструктор!

– По крайней мере, это не Эрик, – откликаюсь я. – Еще заставил бы нас соревноваться, кто первым струсит.

– Конечно, но Четыре пугает. Помнишь, как он приставил пистолет к голове Питера? Я думал, Питер обмочится.

– Питер это заслужил, – твердо отвечаю я.

Уилл не возражает. Несколько недель назад он мог бы возразить, но теперь все мы видели, на что способен Питер.

– Трис! – окликает Четыре.

Мы с Уиллом обмениваемся взглядами – наполовину удивленно, наполовину с опаской. Четыре отлипает от перил и подходит ко мне. Ал и Кристина, идущие впереди, останавливаются, и Кристина соскальзывает на землю. Ничего удивительного, что они плятятся. Нас четверо, но Четыре обращается только ко мне.

– Ты изменилась. – Его речь, обычно резкая, стала замедленной.

– Ты тоже. – Он действительно выглядит более расслабленным и юным. – Чем занимаешься?

– Флиртую со смертью, – хихикает он. – Пью рядом с пропастью. Наверное, не лучшая мысль.

– Наверное.

Не уверена, что Четыре в таком виде мне нравится. В нем есть что-то тревожащее.

– Не знал, что ты сделала татуировку. – Он смотрит на мою ключицу.

Он прихлебывает из бутылки. Его дыхание сильно и едко пахнет. Как дыхание того бесфракционника.

– Точно. Вороны. – Он оборачивается на друзей, которые продолжают развлекаться без него, в отличие от моих. – Я предложил бы тебе зависнуть с нами, но ты не должна видеть меня таким.

Очень хочется спросить, почему он предложил бы мне зависнуть с

ним, но ответ, вероятно, как-то связан с бутылкой в его руке.

– Каким? – спрашиваю я. – Пьяным?

– Да... то есть нет. – Его голос становится мягче. – Настоящим, наверное.

– Я притворюсь, что ничего не видела.

– Очень мило с твоей стороны.

Он наклоняется к моему уху и произносит:

– Хорошо выглядишь, Трис.

Его слова застают меня врасплох, и сердце подскакивает в груди. Напрасно, ведь, судя по тому, как блуждает его взгляд, он понятия не имеет, о чем говорит. Я смеюсь.

– Будь добр, держись подальше от пропасти, ладно?

– Конечно. – Он подмигивает мне.

Я против воли улыбаюсь. Уилл прочищает горло, но я не хочу отворачиваться от Четыре, даже когда он возвращается к друзьям.

Затем Ал бросается ко мне, как будто катящийся валун, и перекидывает через плечо. Я верещу, мое лицо горит.

– Пойдем, малышка, – произносит он. – Я отнесу тебя на ужин.

Я упираюсь локтями в спину Ала и машу Четыре, пока Ал уносит меня.

– Я думал, что спасаю тебя, – замечает Ал, когда мы идем прочь, и опускает меня на землю. – Что это было?

Он пытается говорить беспечно, но вопрос выходит почти грустным. Он все еще слишком заботится обо мне.

– Ага, нам всем хотелось бы это знать, – напевно добавляет Кристина. – Что он тебе сказал?

– Ничего. – Я качаю головой. – Он был пьян. Он даже не понимал, что говорит.

Я прочищаю горло.

– Вот почему я улыбнулась. Видеть его таким... забавно.

– Конечно, – соглашается Уилл. – Это вовсе не потому...

Я пихаю Уилла локтем под ребра, прежде чем он успевает договорить. Он стоял достаточно близко, чтобы услышать, как Четыре сделал мне комплимент. Не хватало только, чтобы он всем об этом растрепал, особенно Алу. Ему и без того несладко.

Дома я проводила спокойные приятные вечера в кругу семьи. Мать вязала шарфы соседской детворе. Отец помогал Калебу делать домашнее задание. В камине горел огонь, и мое сердце билось ровно, поскольку я делала то, что должна, и кругом царил мир.

Меня никогда не таскал на плече здоровяк, и я не смеялась за обеденным столом до колик в животе и не прислушивалась к гулу сотни голосов одновременно. Поменьше покоя; это и есть свобода.

Глава 20

Я дышу через нос. Вдох, выдох. Вдох.

– Это всего лишь симуляция, Трис, – тихо произносит Четыре.

Он не прав. Предыдущая симуляция просочилась в мою жизнь, во сне и наяву. Кошмары, включающие не только ворон, но и чувства, которые я испытывала во время симуляции, – ужас и беспомощность, которые, как я подозреваю, и являются моим истинным страхом. Внезапные приступы паники в ванной, за завтраком, по дороге сюда. Ногти, обгрызенные до крови. И я не единственная, кто плохо себя чувствует, это очевидно.

И все же я киваю и закрываю глаза.

Я в темноте. Последнее, что я помню, – металлическое кресло и игла в руке. На этот раз нет поля, нет ворон. Сердце колотится в ожидании. Какие чудовища выползут из мрака и лишат меня здравого смысла? Долго ли придется их ждать?

В нескольких футах впереди загорается голубой шар, затем еще один, наполняя зал светом. Я нахожусь на дне ямы, рядом с пропастью, в кольце неофитов. Их руки сложены на груди, лица пусты. Я ищу Кристину и вижу ее среди них. Никто не двигается. От их неподвижности у меня сжимается горло.

Я вижу что-то перед собой – свое собственное тусклое отражение. Я касаюсь его, и мои пальцы встречают стекло, прохладное и гладкое. Я поднимаю глаза. Надо мной лист стекла; я в аквариуме. Я нажимаю на стекло над головой, чтобы проверить, можно ли открыть ящик. Стекло не поддается. Я замурована.

Мое сердце бьется быстрее. Мне не нравится быть в ловушке. Кто-то стучит по стенке передо мной. Четыре. Он указывает на мои ступни, ухмыляясь.

Еще несколько секунд назад мои ноги были сухими, но сейчас вода стоит на полдюйма, и носки насквозь мокрые. Я приседаю, чтобы посмотреть, откуда берется вода, но она словно прибывает ниоткуда, поднимаясь со стеклянного дна аквариума. Я смотрю на Четыре, и он пожимает плечами. Он присоединяется к толпе неофитов.

Вода поднимается быстро. Она доходит уже до лодыжек. Я снова колочу по стеклу кулаком.

– Эй! – кричу я. – Выпустите меня отсюда!

Вода скользит по обнаженным икрам, прохладная, мягкая. Я сильнее ударяю по стеклу.

– Выпустите меня отсюда!

Я смотрю на Кристину. Она склоняется к Питеру, который стоит рядом с ней, и что-то шепчет ему на ухо. Они дружно смеются.

Вода покрывает мои бедра. Я барабаню кулаками по стеклу. Я больше не пытаюсь привлечь внимание, просто пытаюсь вырваться на свободу. Я лихорадочно колочу по стеклу, сколько есть сил. Отступаю назад и ударяю плечом о стекло – раз, два, три, четыре. Бьюсь о стекло, пока плечо не начинает болеть, зову на помощь, наблюдаю, как вода поднимается до пояса, ребер, груди.

– Помогите! – кричу я. – Пожалуйста! Пожалуйста, помогите!

Я колочу по стеклу. Я умру в этом аквариуме. Я провожу дрожащими руками по волосам.

Среди толпы неофитов я замечаю Уилла, и что-то вспыхивает у меня в подсознании. Какие-то его слова. «Ну же, думай». Я прекращаю стучать по стеклу. Дышать тяжело, но я должна попытаться. Надо набрать побольше воздуха, сколько удастся за несколько секунд.

Мое тело всплывает, невесомое в воде. Я подплываю к потолку и откидываю голову назад, а вода тем временем покрывает подбородок. Задышавшись, я прижимаю лицо к стеклу, втягивая как можно больше воздуха. Затем вода покрывает меня, замуровывая в аквариуме.

«Не паникуй». Что толку – сердце колотится, мысли путаются. Я барахтаюсь в воде, ударяясь о стенки. Пинаю стекло со всей силы, но вода замедляет удар. «Симуляция происходит исключительно в голове».

Я кричу, и вода заполняет мой рот. Если это происходит в моей голове, я способна контролировать ситуацию. Вода жжет глаза. Бесстрастные лица неофитов глядят на меня. Им все равно.

Я снова кричу и толкаю стенку ладонью. Я что-то слышу. Треск. Когда я убираю ладонь, в стекле остается трещина. Я ударяю второй рукой рядом с первой, и новые трещины разбегаются по стеклу длинными искривленными пальцами. В груди печет, как будто я проглотила огонь. Я пинаю стенку аквариума. Пальцы ноги ноют от удара, и я слышу долгий низкий стон.

Стекло разлетается вдребезги, и вода выносит меня вперед. На воздух.

Задышавшись, я сажусь в кресле. Я глотаю воздух и трясусь руками. Четыре стоит справа, но не помогает мне встать, а только глядит на меня.

– Что? – спрашиваю я.

– Как ты это сделала?

- Что сделала?
- Разбила стекло.
- Я не знаю.

Четыре наконец протягивает мне руку. Я спускаю ноги с кресла и уверенно встаю. Спокойно.

Он вздыхает, хватая меня под руку и наполовину выводит, наполовину вытаскивает из комнаты. Мы быстро идем по коридору, и я останавливаюсь, выдергивая руку. Он молча смотрит на меня. Если я не спрошу, он так ничего и не скажет.

- Что? – спрашиваю я.
- Ты дивергент, – отвечает он.

Я гляжу на него, и страх пульсирует во мне электричеством. Он знает. Откуда он знает? Наверное, я совершила ошибку. Проговорилась.

Надо вести себя непринужденно. Я прислоняюсь к стене и спрашиваю:

- Какой еще дивергент?

– Не притворяйся идиоткой! – рявкает он. – Я заподозрил это еще в прошлый раз, но сейчас сомнений нет. Ты управляла симуляцией. Ты дивергент. Я удалю запись, но если ты не хочешь лежать мертвой на дне пропасти, изволь придумать, как скрыть это во время симуляций! А теперь прошу меня извинить.

Он возвращается в симуляционную комнату и хлопает дверью. Сердце поднимается к горлу. Я управляла симуляцией, я разбила стекло. Я не знала, что это признак Дивергенции.

Откуда он знал?

Я отлепляю ладони от стены и иду по коридору. Мне нужны ответы, и я знаю, у кого они есть.

Я иду прямо в тату-студию, где в последний раз видела Тори.

Людей вокруг немного, потому что в середине дня большинство на работе или в школе. В тату-студии три человека: мастер рисует льва на плече клиента, а Тори разбирает стопку бумаг на стойке. Когда я вхожу, она поднимает глаза.

– Привет, Трис. – Она бросает взгляд на второго мастера, который слишком сосредоточен на своем занятии, чтобы заметить нас. – Идем в заднюю комнату.

Я иду за ней за занавеску, которая разделяет две комнаты. В задней комнате стоят несколько стульев, лежат запасные иглы, краски и блокноты, на стенах висят рисунки в рамках. Тори задерживает занавеску и садится на стул. Я сажусь рядом и постукиваю ногой, чтобы чем-то заняться.

– Как дела? – спрашивает она. – Как симуляции?
– Весьма неплохо. – Я киваю несколько раз подряд. – Даже слишком неплохо, говорят.

– Вот как.

– Пожалуйста, помоги мне понять, – тихо прошу я. – Что это значит – быть...

Я медлю. Лучше не произносить здесь слово «дивергент».

– Кто я такая, черт побери? Как это связано с симуляциями?

Поведение Тори меняется. Она откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. Ее лицо принимает настороженное выражение.

– Помимо прочего, ты... тот, кто сознает, что находится в симуляции, что происходящее нереально, – отвечает она. – Тот, кто может управлять симуляцией или даже прервать ее. И еще...

Она наклоняется и заглядывает мне в глаза.

– Тот, кого... поджидает смерть, ведь ты еще и лихачка.

В груди копится тяжесть, как будто каждая фраза Тори падает камнем на дно. Во мне растет напряжение, которое я не в состоянии сдерживать... сейчас я заплачу, или закричу, или...

Я издаю хриплый смешок, который почти сразу стихает, и спрашиваю:

– Выходит, мне предстоит умереть?

– Необязательно, – отвечает она. – Лидеры Лихости пока не знают о тебе. Я немедленно стерла результаты твоей проверки из системы и вручную ввела результат «Альтруизм». Но не совершай ошибок. Если они узнают, кто ты, то убьют тебя.

Я молча смотрю на нее. Она не кажется сумасшедшей. Она говорит уверенно, хоть и несколько торопливо, и я ни за что не заподозрила бы ее в неуравновешенности, но это так и есть. В нашем городе никого не убивали с самого моего рождения. Даже если отдельные люди способны на это, лидеры фракции – никогда.

– У тебя паранойя, – говорю я. – Лидеры Лихости не убьют меня. Люди не убивают друг друга. Больше не убивают. В этом и смысл всего этого... смысл фракций.

– Да неужели? – Она опускает руки на колени и смотрит прямо на меня, ее лицо искажает внезапная ярость. – Они прикончили моего брата, так почему не тебя? Чем ты лучше его?

– Твоего брата? – Я суживаю глаза.

– Да. Моего брата. Мы оба перешли из Эрудиции, только его проверка склонностей не дала однозначного результата. В последний день симуляций его тело нашли в пропасти. Сказали, он совершил

самоубийство. Вот только мой брат отлично справлялся с обучением, встречался с одной неофиткой, был счастлив. – Она качает головой. – У тебя ведь тоже есть брат? Как по-твоему, знала бы ты о его желании покончить с жизнью?

Я пытаюсь представить самоубийство Калеба. Сама мысль кажется нелепой. Даже будь Калеб несчастен, он никогда не пошел бы на это.

Ее рукава закатаны, и я вижу татуировку реки на ее правом плече. Она сделала ее после смерти брата? Река – это еще один страх, который она преодолела?

Она понижает голос:

– На второй ступени обучения Джорджи справлялся очень хорошо, очень быстро. Он говорил, что симуляции даже не пугают его... все равно что игра. Поэтому инструкторы особо им заинтересовались. Набились в комнату во время симуляции, вместо того чтобы дожидаться результатов. Постоянно шептались о нем. В последний день симуляций один из лидеров Лихости лично пришел на него посмотреть. А на следующий день Джорджи не стало.

Я могу управлять симуляциями, если овладею неведомой силой, которая помогла мне разбить стекло. Могу стать хороша настолько, что все инструкторы заметят. Могу, но стану ли?

– Это все? – спрашиваю я. – Просто умение менять симуляции?

– Вряд ли, но мне больше ничего не известно.

– Сколько людей знает об этом? – Я думаю о Четыре. – Об управлении симуляциями?

– Два вида людей, – отвечает она. – Те, кто желают тебе смерти. И те, кто знают об этом не понаслышке. Из первых рук. Или из вторых, как я.

Четыре обещал удалить запись того, как я разбиваю стекло. Он не желает мне смерти. Он дивергент? Или дивергентом был член его семьи? Друг? Любимая девушка?

Я отгоняю эту мысль. Четыре не должен меня отвлекать.

– Я не понимаю, – медленно произношу я, – почему лидеров Лихости волнует, что я умею управлять симуляцией.

– Знала бы – сказала. – Она сжимает губы. – Единственное, что пришло мне в голову: их волнует не само изменение симуляции, это всего лишь признак чего-то другого. Чего-то, что их волнует.

Тори сжимает мою ладонь своими.

– Подумай вот о чем, – говорит она. – Эти люди научили тебя стрелять. Научили драться. Как по-твоему, они остановятся перед тем, чтобы причинить тебе вред? Остановятся перед тем, чтобы убить тебя?

Она отпускает мою руку и встает.

– Мне пора, а то Бад будет задавать вопросы. Будь осторожна, Трис.

Глава 21

Дверь в Яму закрывается за спиной, и я остаюсь одна. Я не ходила по этому тоннелю со дня Церемонии выбора. Я вспоминаю, как вошла тогда, неуверенно ступая, озираясь в поисках света. Сейчас мои шаги тверды. Мне больше не нужен свет.

Прошло четыре дня после разговора с Тори. За это время Эрудиция издала две статьи об Альтруизме. Первая статья обвиняет Альтруизм в утаивании предметов роскоши, таких как автомобили и свежие фрукты, от других фракций ради навязывания им собственной веры в самоотречение. Прочтя это, я вспомнила, как сестра Уилла, Кара, обвиняла мою мать в запасании товаров.

Вторая статья обсуждает недостатки системы выбора государственных служащих на основании их фракционной принадлежности и ставит вопрос, почему в правительстве должны быть только те, кто называет себя бескорыстными. Она пропагандирует возвращение к демократическим политическим системам прошлого. Статья кажется вполне разумной, что заставляет заподозрить в ней призыв к революции в обертке здравого смысла.

Я дохожу до конца тоннеля. Сеть растянута под зияющей дырой, совсем как в прошлый раз, когда я ее видела. Я поднимаюсь по лестнице на деревянную платформу, где Четыре поставил меня на ноги, и хватаюсь за брус, к которому приделана сеть. Мне бы не удалось подтянуться на нем, когда я впервые попала сюда, но сейчас я делаю это почти машинально и перекачиваюсь на середину сети.

Надо мной – пустые здания на краю Ямы и небо, темно-синее, беззвездное. Луны нет.

Статьи встревожили меня, но у меня есть друзья, готовые меня подбодрить, и это уже немало. Когда вышла первая статья, Кристина очаровала одного из поваров на кухнях Лихости, и он разрешил нам попробовать тесто для торта. После второй статьи Юрайя и Марлин научили меня карточной игре, и мы два часа играли в столовой.

Но сегодня вечером я хочу побыть одна. Более того, я хочу вспомнить, почему явилась сюда и почему так хотела остаться, что спрыгнула с крыши здания еще до того, как узнала, что значит быть лихачом. Я пропускаю пальцы в ячейки сети под собой.

Я хотела быть как лихачи, которых я видела в школе. Хотела быть

шумной, смелой и свободной, как они. Но они еще не были членами фракции; они всего лишь играли в лихачей. Как и я, когда спрыгнула с крыши. Я не знала, что такое страх.

За последние четыре дня я встретила с четырьмя страхами. В одном видении я была привязана к столбу, и Питер поджигал дрова у меня под ногами. В другом снова тонула, на этот раз посреди океана, и волны бушевали вокруг. В третьем я смотрела, как мои родные медленно истекают кровью до смерти. А в четвертом меня под дулом пистолета заставили стрелять в них. Теперь я знаю, что такое страх.

Ветер задувает в дыру, овеивает меня, и я закрываю глаза. Мысленно я снова стою на краю той крыши. Я расстегиваю пуговицы своей серой рубашки альтруиста, обнажая руки, открывая больше тела, чем кто-либо когда-либо видел. Комкаю рубашку и швыряю Питеру в грудь.

Я открываю глаза. Нет, я ошиблась; я спрыгнула с крыши не потому, что хотела походить на лихачей. Я спрыгнула потому, что уже была такой, как они, и хотела это продемонстрировать. Хотела признать ту часть себя, которую Альтруизм требовал прятать.

Я поднимаю руки над головой и снова зацепляюсь за сеть. Вытягиваю пальцы ног как можно дальше, занимая побольше ячеек. Ночное небо пустое и тихое, и мое сознание – тоже, впервые за четыре дня.

Я держу голову руками и глубоко дышу. Сегодня та же симуляция, что и вчера: кто-то держит меня под дулом пистолета и приказывает стрелять в моих родных. Подняв голову, я вижу, что Четыре наблюдает за мной.

– Я знаю, что симуляция не реальна, – говорю я.

– Можешь не объяснять, – откликается он. – Ты любишь своих родных. Ты не хочешь в них стрелять. Вполне естественно.

– Я вижу их только во время симуляции.

Хотя он говорит, что это необязательно, я все же чувствую потребность объяснить, почему мне так трудно встретиться с этим страхом. Я переплетаю пальцы и развожу руки в стороны. Ногти обкусаны до мяса – я грызу их во сне. По утрам мои руки в крови.

– Я скучаю по ним. Ты хотя бы иногда... скучаешь по своей семье?

Четыре смотрит вниз.

– Нет, – наконец отвечает он. – Не скучаю. Но это необычно.

Это необычно, настолько необычно, что я отвлекаюсь от воспоминания, как держала пистолет у груди Калеба. Какой была его семья, что ему больше нет до нее дела?

Я беру за дверную ручку и оборачиваюсь на Четыре.

«Ты такой же, как я? – молча спрашиваю я. – Ты дивергент?»

Даже в мыслях слово кажется опасным. Четыре удерживает мой взгляд и с каждой безмолвной секундой выглядит все менее и менее суровым. Я слышу, как стучит мое сердце. Я смотрю на него слишком долго, но ведь и он смотрит на меня, и мне кажется, что мы оба пытаемся сказать то, что другой не может услышать, хотя, возможно, это всего лишь мое воображение. Слишком долго... а теперь еще дольше, мое сердце стучит еще громче, и его спокойный взгляд поглощает меня целиком.

Я толкаю дверь и спешу по коридору.

Нельзя так легко отвлекаться на него. Я не должна думать ни о чем, кроме инициации. Симуляции слишком мало меня беспокоят; они должны взламывать мое сознание, как происходит с большинством неофитов. Дрю не спит – тупо смотрит на стену, свернувшись в клубок. Ал каждую ночь кричит от кошмаров и рыдает в подушку. Мои кошмары и обкусанные ногти бледнеют в сравнении с этим.

Крики Ала будят меня каждый раз, и я смотрю на пружины над головой и гадаю, что со мной, черт побери, не так, почему я ощущаю в себе силу, когда все остальные ломаются. Я спокойна, потому что я дивергент, или дело в другом?

Возвращаясь в спальню, я ожидаю увидеть то же, что вчера: несколько неофитов, лежащих на кроватях или глядящих в никуда. Вместо этого они толпятся на другом конце комнаты. Эрик держит в руках классную доску, которая повернута ко мне задней стороной, так что я не вижу, что на ней написано. Я встаю рядом с Уиллом.

– Что происходит? – шепчу я.

Надеюсь, это не очередная статья, потому что я вряд ли выдержу еще одну порцию враждебности.

– Ранги второй ступени, – отвечает он.

– Я думала, после второй ступени никого не исключают, – сдавленно говорю я.

– Не исключают. Это всего лишь что-то вроде промежуточного отчета.

Я киваю.

При виде доски мне становится не по себе, как будто в животе что-то бултыхается. Эрик поднимает доску над головой и вешает на гвоздь. Когда он отходит, в комнате воцаряется тишина, и я вытягиваю шею, чтобы посмотреть, что там написано.

Мое имя на первом месте.

Головы поворачиваются в мою сторону. Я читаю список сверху вниз. Кристина и Уилл на седьмом и девятом месте. Питер второй, но при виде

его времени я понимаю, что разница между нами заметна невооруженным взглядом.

Среднее время симуляции Питера – восемь минут. Мое – две минуты сорок пять секунд.

– Отличная работа, Трис, – тихо произносит Уилл.

Я киваю, не сводя глаз с доски. Стоило бы радоваться, что я на первом месте, но я знаю, что это значит. Если раньше Питер и его друзья меня не любили, то теперь просто возненавидят. Теперь я – Эдвард. Теперь я могу остаться без глаза. А то и хуже.

Я ищу имя Ала и нахожу его на последней строчке. Толпа неофитов постепенно рассеивается, и остаемся только мы с Питером, Уиллом и Алом. Мне хочется утешить Ала. Сказать ему, что единственная причина моего успеха – какое-то отличие в мозгу.

Питер медленно поворачивается, его руки и ноги напряжены до предела. Он бросает на меня не просто угрожающий взгляд – его глаза полыхают чистой ненавистью. Он идет к своей кровати, но в последний момент вихрем оборачивается и припечатывает меня к стене, держа руками за плечи.

– Я не позволю Сухарю меня обойти, – шипит он. Его лицо так близко, что я чувствую несвежее дыхание. – Как это тебе удалось? Как это, черт побери, тебе удалось?

Он притягивает меня к себе на пару дюймов и снова ударяет о стену. Я стискиваю зубы, чтобы не заплакать, хотя боль от удара пронзает позвоночник сверху донизу. Уилл хватает Питера за воротник рубашки и оттаскивает от меня.

– Оставь ее в покое! – рявкает он. – Только трусы запугивают маленьких девочек.

– Маленьких девочек? – фыркает Питер, сбрасывая руку Уилла. – Ты слепой или просто дурак? Она выдавит тебя из рангов и из Лихости, и ты ничего не добьешься, а все потому, что она умеет манипулировать людьми, а ты нет. Так что дай мне знать, когда поймешь, что она намерена стереть нас в порошок.

Питер выбегает из спальни. Молли и Дрю следуют за ним с недовольными лицами.

– Спасибо, – киваю я Уиллу.

– Он прав? – тихо спрашивает Уилл. – Ты пытаешься нами манипулировать?

– Каким образом? – хмурюсь я. – Я просто стараюсь что есть сил, как и все остальные.

– Не знаю. – Он чуть пожимает плечами. – Притворяешься слабой, чтобы мы тебя пожалели? А потом показываешь зубы, чтобы выбить нас из колеи?

– Выбить вас из колеи? – повторяю я. – Я ваш друг. Я не стала бы так поступать.

Он молчит. Понятно, что он мне не верит... не до конца.

– Не будь идиотом, Уилл. – Кристина спрыгивает с кровати.

Она без сочувствия смотрит на меня и добавляет:

– Она не притворяется.

Кристина поворачивается и уходит, не хлопая дверью. Уилл следует за ней. Мы с Алом остаемся в комнате одни. Первая и последний.

Ал впервые кажется маленьким со своими опущенными плечами и похожим на смятую бумагу телом. Он сидит на краю кровати.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Конечно, – отвечает он.

Его лицо ярко-красное. Я отворачиваюсь. Вопрос был чистой формальностью. Только слепому не очевидно, что у Ала не все в порядке.

– Это еще не конец, – говорю я. – Ты можешь улучшить свой ранг, если...

Я умолкаю, когда он поднимает глаза. Я даже не знаю, что сказала бы ему, если бы договорила. Стратегии для второй ступени не существует. Она проникает в самую нашу суть и проверяет мужество на прочность.

– Вот видишь? – говорит он. – Все не так просто.

– Я знаю.

– Сомневаюсь.

Он качает головой. Его подбородок дрожит.

– Для тебя это просто. Все это просто.

– Неправда.

– Правда. – Он закрывает глаза. – Ты не сможешь, притворяясь, будто это не так. Я не... ты вообще не сможешь мне помочь.

У меня такое чувство, будто я попала под ливень и промокла до нитки; чувство тяжести, неловкости и бесполезности. Не знаю, имеет ли он в виду, что никто не может ему помочь или что именно я не могу, но мне не нравятся оба варианта. Я хочу ему помочь. Я бессильна это сделать.

– Я...

Я собираюсь извиниться, но за что? За то, что более лихая, чем он? За то, что не знаю, что сказать?

– Просто я... – слезы переполнили его глаза, намочили щеки, – хочу остаться один.

Я киваю и отворачиваюсь. Оставить его – не лучшая мысль, но я ничего не могу с собой поделать. Дверь щелкает за моей спиной, и я продолжаю идти.

Я прохожу мимо питьевого фонтанчика, иду по тоннелям, которые казались бесконечными в первый день, но теперь я едва их замечаю. Я не впервые подвела свою семью с тех пор, как попала сюда, но почему-то кажется, что это впервые. Раньше я знала, что делать, но выбирала иной путь. На этот раз я не знаю, что делать. Я утратила способность видеть, что нужно людям? Я утратила часть себя?

Я не замедляю шаг.

Ноги заводят меня в коридор, в котором я сидела в день ухода Эдварда. Я не хочу быть одна, но не вижу особого выбора. Я закрываю глаза, ощущаю холодный камень под собой, вдыхаю затхлый подземный воздух.

– Трис! – кричит кто-то в конце коридора.

Юрайя бежит ко мне. За ним Линн и Марлин. Линн держит маффин.

– Так и думал, что ты здесь. – Он садится на корточки у моих ног. – Слышал, ты первая в списке.

– Выходит, ты хотел меня поздравить? – неискренне улыбаюсь я. – Что ж, спасибо.

– Кто-то же должен, – возражает он. – И я подумал, что твои друзья могут оказаться недостаточно великодушны, поскольку их ранги невелики. Так что хватит хандрить и пойдем с нами. Я собираюсь выстрелом сбить маффин с головы Марлин.

Идея настолько нелепа, что мне не удержаться от смеха. Я встаю и иду за Юрайей в конец коридора, где ждут Марлин и Линн. Линн щурится, глядя на меня, но Марлин усмехается.

– Почему не веселишься? – спрашивает она. – Тебе практически гарантировано место в десятке, если не сдашь позиции.

– Она слишком лихая для других переходников, – поясняет Юрайя.

– И слишком альтруистичная, чтобы веселиться, – замечает Линн.

Я не обращаю на нее внимания.

– Почему ты хочешь сбить маффин с головы Марлин?

– Она поспорила, что я не смогу как следует прицелиться и попасть в маленький предмет с сотни футов, – поясняет Юрайя. – Я поспорил, что ей не хватит смелости стоять под прицелом, пока я пытаюсь. Правда, здорово?

Тренировочный зал, где я впервые стреляла из пистолета, недалеко от моего потайного коридора. Мы доходим до него за минуту, и Юрайя щелкает выключателем. Комната совсем не изменилась с прошлого раза:

мишени на одном конце, стол с пистолетами на другом.

– Что, они так просто валяются? – спрашиваю я.

– Да, но они не заряжены.

Юрайя задирает рубашку. За пояс его штанов заткнут пистолет, сразу под татуировкой. Я смотрю на татуировку, пытаюсь разобрать рисунок, но он опускает рубашку на место.

– Ладно, – говорит он. – Иди вставай перед мишенью.

Марлин уходит, на мгновение запнувшись.

– Ты же не собираешься на самом деле в нее стрелять? – спрашиваю я Юрайю.

– Это не настоящий пистолет, – тихо говорит Линн. – В нем пластмассовые пульки. В худшем случае он ее поцарапает, быть может, оставит шрам. По-твоему, мы совсем идиоты?

Марлин стоит перед мишенью и кладет маффин на голову. Юрайя щурит глаз, целясь из пистолета.

– погоди! – кричит Марлин.

Она отламывает кусок маффина и закидывает в рот.

– Ням-ням! – неразборчиво кричит она и показывает Юрайе большой палец.

– Насколько я понимаю, ваши ранги были хорошими, – обращаюсь я к Линн.

Она кивает.

– Юрайя второй. Я первая. Марлин четвертая.

– Ты первая всего на волосок.

Юрайя продолжает целиться. Он нажимает на спуск. Маффин падает с головы Марлин. Она даже глазом не моргает.

– Мы оба выиграли! – кричит она.

– Ты скучаешь по своей бывшей фракции? – спрашивает Линн.

– Иногда, – отвечаю я. – Там было спокойнее. Не так утомительно.

Марлин поднимает маффин с пола и впивается в него зубами.

– Фу! – кричит Юрайя.

– Инициация должна нас вымотать, чтобы выявить истинную суть. По крайней мере, так говорит Эрик. – Линн выгибает бровь.

– Четыре говорит, что инициация должна нас подготовить.

– Ну, они во многом расходятся.

Я киваю. Четыре говорил, что Эрик видит Лихость не такой, какой она должна быть, но жаль, он не сказал, какой именно она должна быть по его мнению. Время от времени передо мной мелькают отблески истинной Лихости – приветственные крики, когда я спрыгнула с крыши, сеть рук,

которая поймала меня после спуска по тросу, – но этого недостаточно. Он читал манифест Лихости? И действительно верит в будничные проявления мужества?

Дверь в тренировочный зал открывается. Шона, Зик и Четыре входят в тот самый миг, когда Юрайя стреляет в очередную мишень. Пластмассовая пулька отскакивает от середины мишени и катится по полу.

– Мне показалось, я что-то слышал, – говорит Четыре.

– Похоже, это мой придурок-братец, – отвечает Зик. – Вам нельзя здесь находиться после занятий. Осторожнее, не то Четыре расскажет Эрику, и он вас освежает заживо.

При виде брата Юрайя морщит нос и убирает пневматический пистолет. Марлин пересекает комнату, грызя маффин, и Четыре отходит от двери, чтобы выпустить нас.

– Ты ведь не расскажешь Эрику? – Линн с подозрением глядит на Четыре.

– Не расскажу.

Когда я прохожу мимо него, он подталкивает меня в спину, положив ладонь между лопатками. Я вздрагиваю. Надеюсь, он не заметил.

Остальные идут по коридору, Зик и Юрайя толкают-с я, Марлин делится маффином с Шоной, Линн марширует впереди. Я делаю шаг за ними.

– Погоди, – окликает Четыре.

Я оборачиваюсь, гадая, какой вариант Четыре мне предстанет – тот, который бранит меня, или тот, который лазает со мной по чертовым колесам. Он чуть улыбается, но улыбка не достигает его глаз, которые остаются напряженными и тревожными.

– Твое место здесь, ты это знаешь? – спрашивает он. – Твое место рядом с нами. Скоро все закончится, так что потерпи немного, хорошо?

Он чешет за ухом и отводит глаза, как будто смущен своими словами.

Я смотрю на него. Мое сердце стучит повсюду, даже в пальцах ног. Мне хочется сделать что-то дерзкое, но с тем же успехом я могу просто уйти. Я не знаю, что умнее или лучше. И не уверена, что мне не плевать.

Я беру его за руку. Наши пальцы сплетаются. У меня перехватывает дыхание.

Я смотрю на него, а он смотрит на меня. Долгое мгновение мы не двигаемся. Затем я отнимаю руку и бегу за Юрайей, Линн и Марлин. Возможно, теперь он считает меня глупой или странной. А может, дело того стоило.

Я возвращаюсь в спальню раньше всех и, когда остальные начинают подтягиваться, ложусь в кровать и притворяюсь спящей. Мне никто не нужен, раз они собираются так реагировать на мои успехи. Если я пройду инициацию, то стану лихачкой и мне больше не придется их видеть.

Они не нужны мне... но смогу ли я без них обойтись? Каждая татуировка, которую мы делали вместе, – знак их дружбы, и почти каждый случай, когда я смеялась в этом мрачном подземелье, – их заслуга. Я не хочу терять их. Но меня гложет чувство, будто я их уже потеряла.

Через полчаса лихорадочных размышлений, не меньше, я переворачиваюсь на спину и открываю глаза. В спальне темно – все легли спать. «Наверное, устали на меня обижаться», – с кривой улыбкой думаю я. Как будто мало того, что я выходец из самой ненавистной фракции, теперь я еще и показала свое превосходство.

Я вылезаю из кровати, чтобы попить воды. Я не испытываю жажду, просто хочется чем-то заняться. Босые пятки липнут к полу, рукой я веду по стене, чтобы идти ровно. Над питьевым фонтанчиком светится голубоватая лампа.

Я перекидываю волосы через плечо и наклоняюсь. Едва коснувшись воды губами, я слышу голоса в конце коридора. Я крадусь к ним под покровом темноты.

– Пока что никаких следов.

Голос Эрика. Следов чего?

– Так и должно быть. – Женский голос, холодный и знакомый, но знакомый словно во сне, не наяву. – Боевая подготовка ничего не показывает. Симуляции, однако, выявляют мятежных дивергентов, если таковые имеются, и потому необходимо просмотреть записи несколько раз для верности.

При слове «дивергент» у меня кровь стынет в жилах. Я наклоняюсь вперед, прижимаясь бедрами к камню, чтобы увидеть, кому принадлежит знакомый голос.

– Не забывай, почему я заставила Макса назначить тебя, – продолжает голос. – Твоя главная задача – выискивать их. Всегда.

– Не забуду.

Я подаюсь вперед на несколько дюймов, надеясь, что меня по-прежнему не видно. Кому бы ни принадлежал этот голос, она дергает за ниточки, она поставила Эрика во главе Лихости, она желает мне смерти. Я вытягиваю шею, напрягаюсь, чтобы увидеть собеседников, прежде чем они скроются за углом.

И в этот миг кто-то хватается за меня сзади.

Я начинаю кричать, но мой рот зажимает ладонь. Она пахнет мылом и достаточно большая, чтобы закрыть нижнюю половину моего лица. Я дергаюсь, но руки, которые меня держат, слишком сильные, и я впиваюсь зубами в палец.

– Ой! – Грубый голос.

– Заткнись и держи ее рот закрытым.

Этот голос выше и звонче среднего мужского голоса. Питер.

Полоса темной ткани закрывает глаза, и еще одна пара рук завязывает ее на затылке. Я задыхаюсь. По меньшей мере две руки тянут меня за плечи вперед, одна лежит на спине, подталкивая в том же направлении, и одна зажимает рот, не давая кричать. Три человека. Грудь печет. Мне не справиться с тремя противниками одновременно.

– Интересно, на что это похоже, когда Сухарь умоляет о пощаде, – хихикает Питер. – Поторопись.

Я пытаюсь сосредоточиться на ладони на рту. В ней должно быть что-то характерное, что поможет узнать ее владельца. Я вполне могу узнать ее владельца. Я должна немедленно сделать хоть что-нибудь, иначе запаникую.

Ладонь потная и мягкая. Я стискиваю зубы и дышу носом. Запах мыла кажется знакомым. Лемонграсс и шалфей. Тот же запах окружает кровать Ала. У меня сводит живот.

Я слышу рев воды, разбивающейся о камни. Мы рядом с пропастью – должно быть, над ней, судя по шуму. Я сжимаю губы, чтобы не закричать. Если мы над пропастью, я знаю, что со мной хотят сделать.

– Поднимай ее, ну же.

Я дергаюсь, и грубая кожа трется о мою, но я знаю, что это бесполезно. Еще я кричу, зная, что никто меня здесь не услышит.

Я доживу до завтра. Доживу.

Руки подталкивают меня вперед и вверх и впечатывают спиной во что-то твердое и холодное. Судя по ширине и изгибу, это металлические перила. Это те самые перила, что огораживают пропасть. Я дышу с присвистом, и затылка касаются брызги. Чужие руки нагибают меня над перилами. Ноги отрываются от земли, и только нападающие не дают мне упасть в воду.

Тяжелая ладонь шарит по моей груди.

– Уверена, что тебе шестнадцать, Сухарь? А на вид не больше двенадцати.

Его дружки смеются.

По горлу поднимается желчь, и я сглатываю горечь.

– Погодите, кажется, нащупал!

Его пальцы сжимаются. Я прикусываю язык, чтобы не закричать. Снова смех.

Ал убирает руку с моего рта.

– Прекрати! – рявкает он. Я узнаю его низкий характерный голос.

Когда Ал отпускает меня, я снова дергаюсь и соскальзываю на землю. На этот раз я со всей силы кусаю первую подвернувшуюся руку. Я слышу крик и крепче сжимаю зубы, чувствуя вкус крови. Кто-то с силой бьет меня по лицу. В голове пульсирует белый жар. Он превратился бы в боль, если бы адреналин не растекался по мне кислотой.

Парень выдергивает руку и швыряет меня на землю. Я ударяюсь локтем о камень и подношу ладони к голове, чтобы снять повязку. В бок влетает нога, выбивая воздух из легких. Я ахаю, кашляю и скребу пальцами по затылку. Кто-то хватает меня за волосы и бьет головой обо что-то твердое. С моих губ слетает крик боли, в голове звенит.

Я неловко нащупываю сбоку край повязки. Поднимаю тяжелую руку вместе с повязкой и моргаю. Пейзаж лежит на боку и подпрыгивает вверх и вниз. Я вижу, как кто-то бежит к нам и кто-то убегает прочь... кто-то крупный, Ал. Я цепляюсь за перила и поднимаюсь на ноги.

Питер хватается за горло и поднимает вверх, засунув большой палец под подбородок. Его волосы, обычно блестящие и гладкие, взъерошены и липнут ко лбу. Его бледное лицо искажено, зубы стиснуты, и он держит меня над пропастью, а по бокам моего зрения появляются пятна и кружатся вокруг его лица, зеленые, розовые и голубые. Он ничего не говорит. Я пытаюсь пнуть его, но мои ноги слишком короткие. Легкие раздрает нехватка воздуха.

Я слышу крик, и Питер отпускает меня.

Падая, я вытягиваю руки и ударяюсь подмышками о перила. Я зацепляюсь за них локтями и издаю стон. Брызги достигают лодыжек. Мир вокруг качается и падает, и кто-то на полу Ямы – Дрю – кричит. Я слышу удары. Пинки. Стоны.

Я несколько раз моргаю и как могу пытаюсь сосредоточиться на единственном лице, которое вижу. Оно искажено яростью. Его глаза темно-синие.

– Четыре, – хриплю я.

Я закрываю глаза, и ладони опускаются мне на плечи. Он перетаскивает меня через перила и прижимает к груди, подхватывает под колени. Я утыкаюсь лицом ему в плечо, и наступает внезапная глухая тишина.

Глава 22

Я открываю глаза и вижу надпись на чистой белой стене: «Бойтесь Бога одного». Я снова слышу звук бегущей воды, но на этот раз из крана, а не из пропасти. Летят секунды, и я начинаю различать очертания окружающих предметов, дверную раму, столешницу и потолок.

Голова, щека и ребра пульсируют от неутихающей боли. Лучше не шевелиться, чтобы не усугубить положение. Я вижу голубое лоскутное одеяло под своей щекой и морщусь, приподнимая голову, чтобы посмотреть, где течет вода.

Четыре стоит в ванной, опустив руки в раковину. Кровь из костяшек его пальцев окрашивает воду в розовый цвет. У него порез в углу рта, но в остальном он кажется невредимым. Он с безмятежным видом осматривает свои царапины, выключает воду и вытирает руки полотенцем.

У меня всего одно воспоминание о том, как я попала сюда, но и оно всего лишь образ: завитки черных чернил на его шее, краешек татуировки, и ласковое покачивание, которое могло означать лишь то, что он нес меня на руках.

Он выключает свет в ванной и достает пакет со льдом из холодильника в углу комнаты. Когда он направляется ко мне, я собираюсь закрыть глаза и притвориться спящей, но наши взгляды встречаются, и становится слишком поздно.

– Твои руки, – хриплю я.

– Мои руки – не твоя забота, – отвечает он.

Он опирается коленом о матрас и склоняется надо мной, подсовывая пакет со льдом мне под голову. Прежде чем он успевает отстраниться, я протягиваю руку к порезу в углу его рта, но замираю, сообразив, что хочу сделать.

«А что тебе терять?» – мысленно спрашиваю я себя и легонько касаюсь кончиками пальцев его губ.

– Трис, – говорит он сквозь мои пальцы, – со мной все в порядке.

– Как ты там оказался? – Я убираю руку.

– Возвращался из диспетчерской. Услышал крик.

– Что ты с ними сделал?

– Полчаса назад сдал Дрю в лазарет. Питер и Ал убежали. Дрю заявил, что они просто хотели тебя напугать. По крайней мере, мне показалось, что именно это он пытался сказать.

– Ему сильно досталось?

– Жить будет.

Он язвительно добавляет:

– Но в каком состоянии – судить не берусь.

Неправильно желать боли другим людям только потому, что они первыми напали на тебя. И все же при мысли о Дрю в лазарете по мне разливается раскаленный добела жар торжества, и я сжимаю руку Четыре.

– Хорошо, – говорю я.

Мой голос яростный и напряженный. Злоба копится внутри, заменяя кровь горькой жидкостью, переполняя, пожирая меня. Мне хочется что-то сломать или ударить, но я боюсь пошевелиться и потому начинаю плакать.

Четыре садится на корточки у края кровати и наблюдает за мной. Я не вижу в его глазах жалости. И слава богу. Он отнимает у меня руку и, как ни странно, кладет ладонь мне на щеку, касаясь большим пальцем скулы. Его пальцы заботливы.

– Я могу сообщить об этом, – говорит он.

– Не надо. Я не хочу, чтобы они думали, будто напугали меня.

Он кивает и рассеянно водит пальцем по моей скуле, назад и вперед.

– Я знал, что ты так решишь.

– Как по-твоему, мне лучше не садиться?

– Я помогу.

Четыре берет меня за плечо одной рукой и придерживает голову другой, пока я сажусь. Боль проносится по моему телу резкими порывами, но я стараюсь не обращать на нее внимания, сдерживаю стон.

Он протягивает пакет со льдом.

– Необязательно отрицать боль, – говорит он. – Здесь только я.

Я прикусываю губу. На моем лице слезы, но ни один из нас не упоминает и даже словно не замечает их.

– Советую искать защиты у твоих друзей-переходников, – говорит он.

– Я думала, что уже нашла ее.

Я снова чувствую ладонь Ала на губах и сгибаюсь пополам, судорожно всхлипывая. Прижимаю руку ко лбу и медленно раскачиваюсь назад и вперед.

– Но Ал...

– Он хотел, чтобы ты была маленькой тихой девочкой из Альтруизма, – мягко произносит Четыре. – Он причинил тебе боль, потому что твоя сила заставила его ощутить свою слабость. Других причин нет.

Я киваю и стараюсь ему поверить.

– Другие будут меньше завидовать, если ты покажешь свою

уязвимость. Пусть даже мнимую.

– По-твоему, мне нужно притворяться уязвимой? – Я поднимаю бровь.

– Да.

Он забирает пакет со льдом, коснувшись моих пальцев, и сам прижимает его к моей голове. Я опускаю руку, мне слишком хочется ее расслабить, чтобы возражать. Четыре встает. Я смотрю на край его футболки.

Иногда он кажется обычным человеком, а иногда при виде него у меня словно ноет глубоко внутри.

– Утром ты захочешь явиться на завтрак и продемонстрировать нападавшим, что они ничего не добились, – добавляет он, – но надо выставить синяк на щеке напоказ и держать голову пониже.

Тошнотворная мысль.

– Не думаю, что смогу, – глухо говорю я и поднимаю на него глаза.

– А придется.

– По-моему, ты не понял. – Мое лицо вспыхивает. – Они меня трогали.

Все его тело напрягается, рука стискивает пакет со льдом.

– Трогали, – повторяет он.

Его темные глаза холодны.

– Не... так, как ты думаешь.

Я прочищаю горло. Я и не подозревала, как неловко будет об этом говорить.

– Но... почти.

Я отворачиваюсь.

Он молчит и не двигается так долго, что в конце концов мне приходится что-то сказать.

– Что такое?

– Мне не хочется этого говорить, но, видимо, придется. Пока что тебе важнее быть в безопасности, чем быть правой. Понимаешь?

Его прямые брови нависают над глазами. У меня сводит живот, отчасти потому, что я чувствую его правоту, но не хочу ее признавать, а отчасти потому, что мне хочется чего-то, что невозможно выразить словами. Хочется сокращать расстояние между нами, пока оно не исчезнет совсем.

Я киваю.

– Но прошу тебя, при первой возможности...

Он прижимает к моей щеке прохладную и сильную ладонь и приподнимает мою голову, чтобы я посмотрела на него. Его глаза почти хищно сверкают.

– Уничтожь их.

Я нервно смеюсь.

– Ты немного пугаешь, Четыре.

– Пожалуйста, не зови меня так.

– Как же мне тебя звать?

– Никак. – Он убирает ладонь от моего лица. – Пока никак.

Глава 23

В ту ночь я не возвращаюсь в спальню. Глупо спать в одной комнате с людьми, которые напали на тебя, только для того, чтобы казаться отважной. Четыре спит на полу, а я на кровати, поверх покрывала, уткнувшись носом в его наволочку. От нее пахнет стиральным порошком и чем-то тяжелым, сладким, отчетливо мужским.

Ритм его дыхания замедляется, и я приподнимаюсь на локте, чтобы посмотреть, спит ли он. Четыре лежит на животе, закинув руку за голову. Его веки смежены, губы приоткрыты. Впервые на моей памяти он выглядит на свой юный возраст, и я гадаю, кто он на самом деле. Кто он, когда он не лихач, и не инструктор, и не Четыре, и не кто-то конкретный?

Кто бы он ни был, он мне нравится. Сейчас, в темноте, после всего, что случилось, мне проще признать это перед собой. Он не милый, не кроткий и не особенно добрый. Зато он умный и храбрый и обращался со мной, как будто я сильная, хотя только что спас меня. Это все, что мне нужно знать.

Я слежу, как мышцы на его спине вздымаются и опадают, пока не проваливаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь, тело ноет. Я сажусь, морщась и держась за ребра, встаю и подхожу к маленькому зеркалу на противоположной стене. Заглянуть в него удастся, только поднявшись на цыпочки. Как и ожидалось, на щеке темно-синий кровоподтек. Мысль о том, чтобы вползти в столовую в таком виде, мне ненавистна, но я накрепко запомнила инструкции Четыре. Я должна поправить отношения с друзьями. Мне необходима защита – видимость слабости.

Я связываю волосы узлом на затылке. Дверь открывается, и входит Четыре с полотенцем в руке и блестящими после душа волосами. У меня сосет под ложечкой при виде полосы кожи над его ремнем, когда он поднимает руку, чтобы высушить волосы, и я заставляю себя взглянуть ему в лицо.

– Привет.

В моем голосе чувствуется напряжение. Это лишнее.

Он касается синяка на моей щеке кончиками пальцев.

– Неплохо, – отмечает он. – Как голова?

– Нормально.

Это ложь – голова раскалывается. Я провожу ладонью по шишке, и

кожу пронзает острая боль. Могло быть и хуже. Я могла бы сейчас плавать в реке.

Каждая мышца в моем теле напрягается, когда он опускает ладонь мне на бок, в то место, куда меня пнули. Он делает это небрежно, но я не могу пошевелиться.

– А твой бок? – тихо спрашивает он.

– Болит, только когда я дышу.

Он улыбается.

– Боюсь, с этим ничего не поделаешь.

– Питер, наверное, закатит вечеринку, если я перестану дышать.

– Что ж, – замечает он, – я пойду на нее, только если пообещают торт.

Я смеюсь и тут же морщусь, накрывая его ладонь своей, чтобы грудная клетка перестала трястись. Он медленно отводит руку, его пальцы скользят по моему боку. Когда он убирает ладонь, я чувствую боль в груди. Как только это мгновение закончится, мне придется вспомнить, что случилось прошлым вечером. А я хочу остаться здесь с ним.

Он чуть кивает и первым покидает комнату.

– Сначала я, – говорит он, когда мы подходим к столовой. – До встречи, Трис.

Он входит в дверь, и я остаюсь одна. Вчера он сказал, что, по его мнению, мне трудно будет притворяться слабой, но он ошибался. Я уже слабая. Я прислоняюсь к стене и прижимаю ладони ко лбу. Мне больно дышать, поэтому я дышу часто и поверхностно. Я не позволю этому случиться. Они напали на меня, чтобы заставить почувствовать свою слабость. Я могу притвориться, будто они преуспели, чтобы защититься, но я не позволю этому стать правдой.

Я отлипаю от стены и вхожу в столовую без дальнейших раздумий. Через несколько шагов я вспоминаю, что должна выглядеть запуганной, и потому замедляю шаг и опираюсь о стену, держа голову опущенной. Юрайя, сидящий за соседним от Уилла и Кристины столом, поднимает руку и машет мне. Затем опускает руку.

Я сажусь рядом с Уиллом.

Ала нет... его нигде не видно.

Юрайя садится рядом со мной, бросив недоеденный маффин и недопитый стакан воды за прежним столом. Мгновение все трое молча глядят на меня.

– Что случилось? – спрашивает Уилл, понизив голос.

Я оборачиваюсь на стол за спиной. Питер сидит за ним, ест тост и что-то шепчет Молли. Я стискиваю край стола. Мне хочется причинить Питеру

боль. Но пока что не время.

Дрю нет, а значит, он до сих пор в лазарете. При этой мысли меня охватывает мстительная радость.

– Питер, Дрю... – тихо начинаю я.

Держась за бок, я тянусь через стол за тостом. Вытягивать руку больно, поэтому я позволяю себе поморщиться и сгорбиться.

– И... – Я сглатываю. – И Ал.

– О боже. – Глаза Кристины широко распахнуты.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Юрайя.

Взгляд Питера находит мой, и мне приходится заставить себя отвернуться. Во рту горчит от необходимости притворяться запуганной, но ничего не поделаешь. Четыре был прав. Я должна сделать все, чтобы на меня больше не нападали.

– Не совсем, – отвечаю я.

Глаза печет, и это не уловка в отличие от вздрагивания. Я пожимаю плечами. Теперь я верю предупреждению Тори. Питер, Дрю и Ал хотели сбросить меня в пропасть из зависти – что в таком случае невероятного в лидерах Лихости, совершающих убийство?

Мне не по себе, как будто я притворяюсь кем-то другим. Если я не буду осторожна, то могу умереть. Нельзя доверять даже лидерам собственной фракции. Своей новой семье.

– Но ты всего лишь... – Юрайя поджимает губы. – Так нечестно. Трое против одного?

– Ага, и Питеру наплевать, честно это или нет. Вот почему он напал на Эдварда во сне и выколол ему глаз. – Кристина фыркает и качает головой. – Но Ал? Ты уверена, Трис?

Я смотрю в тарелку. Я – новый Эдвард. Но в отличие от него я никуда не уйду.

– Да. Я уверена.

– Должно быть, это из-за отчаяния, – предполагает Уилл. – В последнее время он ведет себя... ну, не знаю. Как другой человек. С тех пор, как началась вторая ступень.

В столовую, волоча ноги, входит Дрю. Я роняю тост, и у меня отвисает челюсть.

Назвать его «покрытым синяками» было бы преуменьшением. Его лицо распухшее и фиолетовое. Губа лопнула, бровь пересекает порез. По дороге к своему столу он не поднимает взгляд даже на меня. Я смотрю через комнату на Четыре. На его губах играет довольная улыбка – жаль, мне нельзя улыбнуться.

– Это твоя работа? – шепчет Уилл.

Я качаю головой.

– Нет. Кто-то... я так и не увидела кто... наткнулся на меня перед тем...

Я сглатываю. Если сказать это вслух, все станет серьезнее, станет реальным.

– ...как меня чуть не сбросили в пропасть.

– Они собирались убить тебя? – тихо спрашивает Кристина.

– Возможно. А может, просто собирались поддержать над пропастью, чтобы напугать. – Я дергаю плечом. – У них получилось.

Кристина с жалостью глядит на меня. Уилл не сводит глаз со стола.

– Надо что-то предпринять, – тихо говорит Юрайя.

– Например, избить их? – усмехается Кристина. – Похоже, об этом уже позаботились.

– Нет. Боль можно перетерпеть, – отвечает Юрайя. – Мы должны выдавить их из рангов. Это разрушит их будущее. Навсегда.

Четыре встает между столами. Разговоры резко обрываются.

– Переходники! У нас сегодня новое задание, – говорит он. – За мной.

Мы встаем, и Юрайя морщит лоб.

– Осторожнее, – говорит он мне.

– Не волнуйся, – отвечает Уилл. – Мы защитим ее.

Четыре ведет нас из столовой и дальше по тропинкам, окружающим Яму. Уилл слева от меня, Кристина справа.

– Я так толком и не извинилась, – тихо говорит Кристина. – За то, что схватила флаг, который ты заслужила. Не знаю, что на меня нашло.

Не уверена, насколько умно прощать ее... прощать любого из них, учитывая, что они мне наговорили после вчерашнего объявления рангов. Но мать сказала бы, что люди совершают ошибки и я должна быть снисходительной. А Четыре велел положиться на друзей.

Не знаю, на кого мне следует больше полагаться, поскольку я не уверена, кто мои настоящие друзья. Юрайя и Марлин, которые были на моей стороне, даже когда я казалась сильной, или Кристина и Уилл, которые защищают меня, когда я кажусь слабой?

Встретившись взглядом с ее большими карими глазами, я киваю.

– Давай просто забудем об этом.

Мне все еще хочется злиться, но я должна освободиться от злости.

Мы поднимаемся выше, чем я заходила до сих пор, пока лицо Уилла не начинает бледнеть всякий раз, когда он смотрит вниз. Обычно я люблю

высоту и потому хватаю Уилла под руку, как будто мне необходима его поддержка... но на самом деле предлагаю ему свою. Он благодарно улыбается.

Четыре оборачивается и делает несколько шагов назад... по узкой тропинке без перил. Насколько хорошо он знает это место?

Он смотрит, как Дрю тащится позади группы, и произносит:

– Пошевеливайся, Дрю!

Шутка жестокая, но я не могу удержаться от улыбки. То есть пока взгляд Четыре не перемещается на наши с Уиллом сцепленные руки. Шутки кончились. От выражения его лица по моей спине пробегает холодок. Неужели он... ревнует?

Мы подходим все ближе к стеклянному потолку, и впервые за несколько дней я вижу солнце. Четыре поднимается по металлической лестнице, ведущей в дыру в потолке. Ступени скрипят под ногами, и я смотрю вниз на Яму и пропасть под нами.

Мы идем по стеклу, превратившемуся из потолка в пол, через цилиндрический зал со стеклянными стенами. Окружающие здания наполовину обрушились и кажутся покинутыми. Наверное, поэтому я никогда не замечала лагеря Лихости. К тому же сектор Альтруизма далеко.

Лихачи толпятся в стеклянном зале, болтают, сбившись в кучки. Двое лихачей у стены сражаются на палках и смеются, когда один из них промахивается и попадает по воздуху. Две веревки протянуты над комнатой, одна на несколько футов выше другой. Наверное, они как-то связаны с рискованными трюками, которыми славятся лихачи.

Четыре ведет нас сквозь другую дверь. За ней находится огромное сырое пространство с обнаженными трубами и покрытыми граффити стенами. Зал освещен рядами старомодных флюоресцентных ламп с пластмассовыми крышками – должно быть, они древние.

– Это, – глаза Четыре ярко горят в полумраке, – еще один вид симуляции, известный как пейзаж страха. Он был отключен ради нас, так что в следующий раз вы увидите совершенно другое.

За его спиной на бетонной стене – художественная надпись «Лихость» алой краской из баллончика.

– В ходе симуляций мы собирали данные о ваших худших страхах. Пейзаж страха оценивает эти данные и предлагает вам ряд виртуальных препятствий. Некоторые из препятствий – страхи, с которыми вы уже встречались во время симуляций. Некоторые, возможно, окажутся в новинку. Отличие в том, что в пейзаже страха вы будете сознавать, что это симуляция, а значит, не утратите способность соображать.

Это значит, что в пейзаже страха все будут вроде дивергентов. Мне следует радоваться, что меня не смогут обнаружить, или расстраиваться, что у меня не будет преимущества?

Четыре продолжает:

– Количество страхов в вашем пейзаже зависит от общего количества ваших страхов.

И сколько у меня страхов? Я думаю о новой встрече с воронами и ежусь, несмотря на теплый воздух.

– Я уже говорил, что третья ступень инициации в основном интеллектуальная.

Я вспоминаю, когда он это сказал. В первый день. Перед тем, как приставил пистолет к голове Питера. Жаль, он не спустил курок.

– Дело в том, что вам придется управлять своими эмоциями и телом одновременно – сочетать физические навыки, приобретенные на первой ступени, с контролем эмоций, приобретенным на второй. Сохранять хладнокровие.

Флюоресцентная лампа над головой Четыре мигает и мерцает. Четыре перестает изучать толпу неофитов и смотрит прямо на меня.

– На следующей неделе вы как можно быстрее пройдете через пейзаж страха на глазах у лидеров Лихости. Это будет ваш финальный тест, который определит ваш ранг третьей ступени. Аналогично тому, как вторая ступень инициации весит больше первой, третья ступень весит больше первых двух. Ясно?

Мы все киваем. Даже Дрю, на которого больно смотреть.

Если я успешно справлюсь с финальным тестом, у меня хорошие шансы попасть в десятку лучших и стать членом фракции. Стать лихачкой. При мысли об этом я едва не хихикаю от облегчения.

– Каждое препятствие можно пройти одним из двух способов. Либо вы достаточно успокоитесь, чтобы симуляция зарегистрировала нормальное, ровное сердцебиение, либо встретитесь со своим страхом лицом к лицу и тем самым продвинете симуляцию дальше. Например, чтобы встретиться лицом к лицу со страхом утонуть, можно нырнуть в глубину. – Четыре пожимает плечами. – Итак, я предлагаю провести следующую неделю за обдумыванием своих страхов и разработкой стратегий противодействия им.

– Звучит нечестно, – возражает Питер. – Что, если у одного всего семь страхов, а у другого – двадцать? Это не его вина.

Четыре несколько секунд смотрит на него и смеется.

– Ты правда хочешь поговорить о том, что честно, а что нет?

Толпа неофитов расступается, чтобы пропустить его к Питеру. Четыре

складывает руки на груди и убийственным тоном произносит:

– Я понимаю, почему ты беспокоишься, Питер. События прошлой ночи неопровержимо доказали, что ты жалкий трус.

Питер тупо смотрит на него.

– И теперь все мы знаем, – тихо добавляет Четыре, – что ты боишься маленькой худенькой девочки из Альтруизма.

Его губы изгибаются в улыбке.

Уилл обнимает меня за талию. Плечи Кристины дрожат от подавленного смеха. И глубоко внутри мне тоже удастся улыбнуться.

Вернувшись днем в спальню, мы застаем в ней Ала.

Уилл заходит мне за спину и берет меня за плечи – легонько, как бы напоминая о себе. Кристина придвигается ближе.

У Ала синяки под глазами, и лицо его распухло от слез. При виде его мой живот пронзает боль. Я не могу пошевелиться. Запах лемонграсса и шалфея, когда-то приятный, становится кислым.

– Трис. – Голос Ала ломается. – Можно с тобой поговорить?

– Ты серьезно? – Уилл сжимает мои плечи. – Не приближайся к ней больше никогда.

– Я не причиню тебе вреда. Я вовсе не хотел... – Ал закрывает лицо руками. – Я только хочу сказать, что мне жаль, очень жаль, я не... не знаю, что на меня нашло, я... пожалуйста, прости меня, пожалуйста...

Он тянется ко мне, как будто хочет коснуться плеча или руки, лицо его мокро от слез.

Где-то внутри меня живет милосердный, великодушный человек. Где-то внутри меня живет девочка, которая пытается понять, что испытывают другие люди, которая сознает, что люди совершают дурные поступки и что отчаяние заводит их в такие темные закоулки, каких они не могли и представить. Клянусь, она существует, и ее сердце болит при виде раскаивающегося юноши передо мной.

Но при встрече я не узнаю ее.

– Держись от меня подальше, – тихо говорю я.

Мое тело кажется холодным и негнущимся. Я не испытываю злости, не испытываю обиды, не испытываю ничего.

– Никогда больше ко мне не подходи.

Наши взгляды встречаются. Его глаза темные и остекленевшие. Я ничего не испытываю.

– Если подойдешь, клянусь богом, я тебя прикончу, – добавляю я. – Трус.

Глава 24

– Трис.

Во сне мать произносит мое имя. Она зовет меня, и я иду к ней через кухню. Мать указывает на кастрюлю на плите, и я приподнимаю крышку, чтобы заглянуть внутрь. На меня смотрит вороний глаз-бусинка, маховые перья прижаты к стенкам кастрюли, жирная тушка покрыта кипящей водой.

– Ужинать, – произносит мать.

– Трис! – слышу я снова и открываю глаза.

Кристина стоит у моей кровати, ее щеки в потеках туши и слез.

– Это насчет Ала, – говорит она. – Идем.

Некоторые неофиты проснулись, некоторые нет. Кристина хватается за руку и тащит прочь из спальни. Я бегу босиком по каменному полу, смагивая пелену с глаз, мои руки и ноги все еще тяжелые ото сна. Случилось что-то ужасное. Я чувствую это с каждым ударом сердца. «Это насчет Ала».

Мы бежим через дно Ямы, и Кристина останавливается. На уступе собралась толпа, но люди стоят в нескольких футах друг от друга, так что мне удастся проскользнуть мимо Кристины, обогнуть высокого мужчину средних лет и оказаться впереди.

Двое мужчин стоят у самого обрыва и поднимают что-то на веревках. Оба хрипят от натуги, откидываются назад – веревки скользят по перилам – и наклоняются вперед, чтобы перехватить в новом месте. Над уступом появляется что-то большое и темное, и несколько лихачей бросаются вперед, чтобы помочь его вытащить.

Нечто с грохотом падает на дно Ямы. Бледная рука, раздутая от воды, шлепает по камню. Труп. Кристина тесно прижимается ко мне, цепляясь за руку. Она утыкается лицом мне в плечо и всхлипывает, но я не могу отвести глаз. Мужчины переворачивают труп, и его голова падает набок.

Открытые пустые глаза. Темные. Кукольные. Круто изогнутый нос, узкая переносица, круглый кончик. Синие губы. Лицо не человека, но наполовину мертвеца, наполовину неведомой твари. Мои легкие горят, я хрипло вдыхаю. «Ал».

– Один из неофитов, – произносит голос за спиной. – Что случилось?

– То же, что и каждый год, – отвечает другой голос. – Спрыгнул с обрыва.

– Полегче. Может, это просто несчастный случай.

– Его нашли на середине пропасти. По-твоему, он наступил на шнурок и... вуаля, споткнулся и пролетел пятнадцать футов?

Пальцы Кристины все сильнее и сильнее впиваются мне в руку. Надо сказать ей, чтобы прекратила, – становится больно. Кто-то опускается на колени рядом с Алом и закрывает ему глаза. Наверное, чтобы казалось, будто он спит. Глупо. Почему люди притворяются, что смерть – это сон? Это не сон. Не сон.

Что-то внутри меня рушится. Грудь теснит, душит, нет сил дышать. Я опускаюсь на землю и тащу Кристину за собой. Камни под коленями жесткие. Я что-то слышу, тень звука. Рыдания Ала, его крики по ночам. Надо было догадаться. По-прежнему не могу дышать. Прижимаю обе ладони к груди и раскачиваюсь назад и вперед, чтобы ослабить напряжение.

Моргнув, я вижу макушку Ала, несущего меня на спине в столовую. Подскакиваю в такт его шагам. Он большой, теплый и неуклюжий. *Был* большим, теплым и неуклюжим. Вот что такое смерть – переход на прошедшее время.

Я сипло дышу. Кто-то принес большой черный мешок для тела. Сразу видно, что Ал в него не поместится. Смешок поднимается по горлу и вылетает изо рта, придушенный и клопочущий. Ал не поместится в мешок для трупа; какая трагедия. Не завершив смешка, я закрываю рот, и смешок превращается в стон. Я выдергиваю руку и встаю, оставив Кристину на земле. Я убегаю.

– Держи.

Тори протягивает мне дымящуюся кружку, которая пахнет мятой. Я держу ее обеими руками, тепло покалывает пальцы.

Она садится напротив. Когда дело касается похорон, лихачи не тратят времени даром. Тори сказала, что они хотят принимать смерть сразу, как она наступает. В передней комнате тату-студии никого нет, но Яма кишит людьми, большинство из них пьяны. Не знаю, почему это меня удивляет.

Дома похороны окрашены мрачными красками. Все собираются, чтобы поддержать семью покойного, и никто не сидит сложа руки, но нет ни смеха, ни криков, ни шуток. И альтруисты не употребляют спиртное, так что все трезвые. Вполне естественно, что здесь похороны совсем другие.

– Выпей, – говорит Тори. – Тебе станет лучше, обещаю.

– Вряд ли чай поможет, – медленно произношу я.

Но все равно делаю глоток. Чай согревает рот и горло и тонкой струйкой течет в желудок. Я и не понимала, как сильно замерзла, пока не

согрелась.

– Я сказала «лучше», а не «хорошо». – Она улыбается мне, но в уголках ее глаз не собираются привычные морщинки. – Думаю, «хорошо» теперь долго не будет.

Я кусаю губу.

– Сколько времени... – Я судорожно ищу нужные слова. – Сколько времени тебе потребовалось, чтобы прийти в себя после того, как твой брат...

– Не знаю. – Она качает головой. – Порой мне кажется, что я так и не пришла в себя. Порой я чувствую себя хорошо. Даже счастливой. Но мне понадобилось несколько лет, чтобы перестать строить планы мести.

– Почему ты перестала их строить?

Она смотрит на стену за моей спиной отсутствующим взглядом. Пару секунд барабанит пальцами по ноге и отвечает:

– Не то чтобы совсем перестала. Скорее... жду удобного случая.

Она стряхивает оцепенение и глядит на часы.

– Пора идти, – произносит она.

Я выливаю остатки чая в раковину. Выпустив кружку из рук, я осознаю, что дрожу. Плохо дело. Обычно мои руки дрожат к слезам, а я не могу разрыдаться перед всеми.

Я выхожу следом за Тори из тату-студии и спускаюсь по тропинке на дно Ямы. Толпа сгрудилась у обрыва, и в воздухе висит густой запах спиртного. Женщина передо мной кренился вправо, теряет равновесие и разражается смешками, падая на соседа. Тори хватает меня за руку и увлекает прочь.

Я нахожу Юрайю, Уилла и Кристину среди других неофитов. Глаза Кристины распухли. Юрайя держит серебряную фляжку. Он протягивает ее мне. Я качаю головой.

– Ну надо же, – произносит Молли за спиной и толкает Питера локтем. – Сухарем родился, Сухарем и помрешь.

Я не должна обращать на нее внимания. Ее высказывания ничего для меня не значат.

– Я прочла сегодня интересную статью. – Она наклоняется к моему уху. – Кое-что о твоём папочке и *настоящей* причине, по которой ты покинула свою фракцию.

Самозащита – не главная моя забота. Но ее легче всего осуществить.

Я поворачиваюсь и впечатываю кулак в челюсть Молли. Костяшки пальцев болят от удара. Не помню, как решила ударить ее. Не помню, как сжимала кулак.

Она бросается на меня, вытянув руки, но тщетно. Уилл хватает ее за воротник и оттаскивает. Он переводит взгляд с нее на меня и произносит:

– Прекратите. Обе.

Отчасти я жалею, что он ее остановил. Драка послужила бы желанным отвлечением, особенно теперь, когда Эрик взбирается на ящик рядом с перилами. Я смотрю на него, скрестив руки, чтобы не упасть. Интересно, что он скажет.

В Альтруизме на моей памяти никто не совершал самоубийства, но мнение фракции по данному вопросу однозначно: самоубийство – эгоистический поступок. Поистине бескорыстный человек не думает о себе достаточно много, чтобы желать смерти. Никто не произнес бы этого вслух, случись подобное, но все подумали бы именно так.

– А ну-ка, тихо! – кричит Эрик.

Раздается звон чего-то вроде гонга, и вопли постепенно затихают, хотя шепотки не прекращаются.

– Спасибо, – произносит Эрик. – Как вам известно, мы собрались здесь, потому что Альберт, неофит, спрыгнул в пропасть прошлой ночью.

Шепотки тоже замирают, остается только рев воды на дне пропасти.

– Мы не знаем почему, – продолжает Эрик, – и было бы легко оплакать утрату сегодняшним вечером. Но мы не избирали легкую жизнь, когда вступали в Лихость. И истина в том...

Эрик улыбается. Если бы я его не знала, то сочла бы улыбку искренней. Но я знаю его.

– Истина в том, что Альберт сейчас исследует туманное, неведомое место. Он прыгнул в бурный поток, чтобы попасть туда. Кому из нас достанет смелости ступить во тьму, не зная, что лежит за ней? Альберт еще не стал членом фракции, но можно не сомневаться: он был среди храбрейших из нас!

Из середины толпы взвиваются крики и возгласы. Лихачи одобрительно восклицают на разные лады высокими и низкими, звонкими и глубокими голосами. Их рев подражает реву потока. Кристина забирает фляжку у Юрайи и пьет. Уилл обнимает ее за плечи и притягивает к себе. Голоса наполняют мои уши.

– Мы прославим его сегодня и будем помнить вечно! – вопит Эрик.

Кто-то протягивает ему темную бутылку, и он воздевает ее к небу.

– За Альберта Отважного!

– За Альберта! – ревет толпа.

Вокруг меня поднимаются руки, и лихачи речитативом повторяют его имя.

– Альберт! Аль-берт! Аль-берт!

Они твердят его имя, пока оно не утрачивает всякое сходство с именем и становится похожим на примитивный клич древнего племени.

Я отворачиваюсь от перил. Мои силы на исходе.

Не знаю, куда я иду. Наверное, никуда, просто подальше отсюда. Я бреду по темному коридору. Питьевой фонтанчик в его глубине купается в голубоватом мерцании лампы на потолке.

Я качаю головой. Отважный? Отвагой было бы признать свою слабость и покинуть Лихость, несмотря на позор. Гордость – вот что погубило Ала, и этот порок гнездится в сердце каждого лихача. В моем тоже.

– Трис.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Четыре стоит в круге голубоватого света, отчего у него жутковатый вид с провалами глазниц и тенями под скулами.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я. – Разве ты не должен сейчас отдавать дань уважения?

Слова отвратительны на вкус, я как будто выплевываю их.

– А ты? – парирует он.

Он шагает ко мне, и я снова вижу его глаза. Они кажутся черными в этом свете.

– Сложно отдавать дань уважения тому, кого не уважаешь, – отвечаю я, тут же чувствую укол вины и качаю головой. – Я не хотела этого говорить.

– А!

Судя по его взгляду, он мне не верит. Вполне естественно.

– Это смехотворно. – Краска заливает мои щеки. – Он бросается с обрыва, и Эрик называет это храбрым поступком? Эрик, который пытался заставить тебя кидать ножи Алу в голову?

В моем рту привкус желчи. Фальшивые улыбки Эрика, его неискренние слова, извращенные идеалы... От всего этого меня тошнит.

– Он не был отважным! Он был подавлен, он был трусом, он чуть не убил меня! Разве это здесь принято уважать?

– А чего ты ждала? – спрашивает он. – Осуждения? Ал уже мертв. Он ничего не слышит, и уже слишком поздно.

– Дело не в Але, – фыркаю я. – Дело в тех, кто на это смотрит! Всех, кто теперь считает, будто броситься в пропасть – не такая уж глупая мысль. То есть почему бы не покончить с собой, если после тебя произведут в герои? Почему бы и нет, если все запомнят твое имя? Это... Я не могу...

Я качаю головой. Мое лицо горит, сердце колотится, и я пытаюсь

сдержаться, но не могу.

– Такого никогда бы не случилось в Альтруизме! – Я почти кричу. – Ничего подобного! Никогда! Это место изуродовало и погубило его, и плевать, если я говорю как Сухарь, плевать, плевать!

Четыре переводит взгляд на стену над фонтанчиком.

– Осторожнее, Трис. – Он не сводит глаз со стены.

– Это все, что ты можешь сказать? – хмурюсь я. – Чтобы я была осторожнее? И все?

– Ты в курсе, что ничуть не лучше правдолюбков?

Он хватает меня за руку и тащит прочь от фонтанчика. Руке больно, но мне недостает сил, чтобы вырваться.

Его лицо так близко, что я вижу пару-тройку веснушек у него на носу.

– Я не буду этого повторять, так что слушай внимательно.

Он кладет руки мне на плечи, давит, стискивает пальцы. Я чувствую себя маленькой.

– Они наблюдают за вами. Особенно за тобой.

– Отпусти, – тихо говорю я.

Он разжимает пальцы и выпрямляется. Тяжесть в груди становится чуть меньше, когда он меня не касается. Я боюсь перемен его настроения. Они говорят о его внутренней неуравновешенности, а неуравновешенность опасна.

– За тобой они тоже наблюдают? – спрашиваю я так тихо, что он не услышал бы, если бы не стоял так близко.

Он не отвечает на вопрос.

– Я пытаюсь тебе помочь, – говорит он, – но ты отказываешься от помощи.

– Ну конечно. Помочь. Протыкая мне ухо ножом, насмехаясь, крича на меня больше, чем на остальных, – несомненно, все это очень помогает.

– Насмехаясь? Ты о том случае с ножами? Я не насмеялся над тобой, – рывкает он. – Я напоминал, что, если ты проиграешь, кое-кто другой займет твое место.

Я кладу ладонь на затылок и вспоминаю случай с ножами. Четыре говорил со мной, чтобы напомнить: если я сдамся, Ал займет мое место перед мишенью.

– Почему? – спрашиваю я.

– Потому что ты из Альтруизма, – отвечает он, – и становишься храбрее всего, когда поступаешь самоотверженно.

До меня наконец доходит. Он не уговаривал меня сдаться. Он напоминал, почему я не могу это сделать – потому что должна защитить

Ала. Теперь эта мысль причиняет мне боль. Защитить Ала. Моего друга. Моего врага.

Я не могу ненавидеть Ала так сильно, как хотела бы.

Но и простить его не могу.

– На твоём месте я бы получше притворился, будто самоотверженные порывы – дело прошлого, – говорит он, – потому что, если это обнаружат не те люди... ну, тебе не поздоровится.

– Почему? Какое им дело до моих стремлений?

– Стремления – единственное, что их беспокоит. Они стараются убедить, будто их волнуют твои поступки, но это не так. Им не нужно, чтобы ты вела себя определённым образом. Им нужно, чтобы ты думала определённым образом. Так тебя легко понимать. Так ты не представляешь для них угрозы.

Он прижимает ладонь к стене рядом с моей головой и опирается на нее. Его рубашка обтягивает тело как раз настолько, что я вижу ключицы и легкую впадинку между мышцей плеча и бицепсом.

Жаль, я не высокая. Если бы я была высокая, мое худощавое тело называли бы стройным, а не детским и он, возможно, не считал бы меня младшей сестрой, которую нужно защищать.

Я не хочу, чтобы он считал меня сестрой.

– Я не понимаю, почему им не все равно, что я думаю, пока я веду себя так, как им нужно.

– Сейчас ты ведешь себя так, как им нужно, – отвечает он, – но что, если твой склонный к Альтруизму мозг велит поступить иначе, не так, как им нужно?

Ответа у меня нет, и я даже не знаю, прав ли он. Я склонна к Альтруизму или к Лихости?

Возможно, ни к тому ни к другому. Возможно, я склонна к Дивергенции.

– А если мне не нужна твоя помощь? Тебе это не приходило в голову? – спрашиваю я. – Я не слабая, знаешь ли. Вполне справлюсь сама.

Он качает головой.

– По-твоему, мое первое побуждение – защитить тебя. Потому что ты маленькая, потому что ты девушка, потому что Сухарь. Но ты ошибаешься.

Он наклоняется к моему лицу и обхватывает пальцами мой подбородок. От его ладони пахнет металлом. Когда он в последний раз держал пистолет или нож? В точках, где прикасаются его пальцы, кожу покалывает, как будто через него течет электричество.

– Мое первое побуждение – давить на тебя, пока ты не сломаешься,

просто чтобы посмотреть, как сильно нужно надавить, – продолжает он, стискивая пальцы на слове «сломаешься». От его раздраженного голоса я напрягаюсь, сжимаюсь в тугую пружину и забываю дышать.

Он поднимает на меня темные глаза и добавляет:

– Но я борюсь с этим.

– Почему... – Я с трудом сглатываю. – Почему это твое первое побуждение?

– Страх не вырубают, а пробуждают тебя. Я видел это. Завораживающее зрелище. – Он отпускает меня, но не отстраняется, гладит по подбородку, по шее. – Иногда мне просто... хочется увидеть это снова. Хочется увидеть тебя пробужденной.

Я кладу ладони ему на талию. Не помню, как решила это сделать. Но я тоже не могу отстраниться. Я приникаю к его груди, обвиваю его руками. Мои пальцы скользят по мышцам его спины.

Через мгновение он касается моей поясницы, прижимает меня теснее и проводит свободной рукой по моим волосам. Я снова чувствую себя маленькой, но на этот раз не пугаюсь. Я зажмуриваюсь. Он больше не пугает меня.

– Мне следовало бы плакать? – Его рубашка приглушает мой голос. – Со мной что-то не так?

Симуляции пробили в Але такую широкую брешь, что он не смог ее заделать. Почему со мной все иначе? Почему я не такая, как он... и почему при этой мысли мне настолько не по себе, как будто я сама балансирую на краю обрыва?

– По-твоему, я знаю все о слезах? – тихо спрашивает он.

Я закрываю глаза. Я не жду от Четыре утешений, а он не пытается меня утешить, но рядом с ним мне легче, чем было среди друзей в своей фракции. Я прижимаюсь лбом к его плечу.

– Если бы я его простила, как по-твоему, он был бы сейчас жив?

– Не знаю, – отвечает он.

Он кладет ладонь мне на щеку, и я поворачиваюсь ей навстречу, не открывая глаз.

– Я чувствую себя виноватой.

– Ты не виновата. – Он касается лбом моего лба.

– Но я должна была. Должна была простить его.

– Возможно. Возможно, все мы чего-то не сделали. В другой раз чувство вины напомним нам, чтобы мы лучше старались.

Я хмурюсь и отстраняюсь. Это урок, который дается членам Альтруизма: чувство вины – инструмент, а не оружие против себя. Его

слова словно взяты из отцовской лекции на наших еженедельных встречах.

– Из какой фракции ты вышел, Четыре?

– Неважно. – Он смотрит вниз. – Теперь я здесь. Хорошо бы и тебе это накрепко запомнить.

Он бросает на меня противоречивый взгляд и касается губами моего лба, между бровями. Я закрываю глаза. Я не понимаю, что происходит. Но я не хочу это разрушить и потому молчу. Он не двигается, просто стоит, прижимаясь губами к моей коже, и я тоже долго стою, обнимая его за талию.

Глава 25

Позже вечером, когда большинство лихачей ушли спать, я стою с Уиллом и Кристиной у перил над пропастью. Оба моих плеча горят от татуировочной иглы. Полчаса назад мы все сделали новые татуировки.

Кроме Тори, в тату-студии никого не было, так что я решилась нанести символ Альтруизма – круг и в нем пара рук ладонями вверх, как бы поддерживающих кого-то, – на правое плечо. Я знаю, что это рискованно, особенно после всего, что случилось. Но этот символ – часть моей личности, и мне казалось важным носить его на коже.

Я встаю на перекладину, прижимаясь к перилам бедрами, чтобы не упасть. Здесь стоял Ал. Я опускаю взгляд в пропасть, на черную воду, зазубренные камни. Вода ударяется о стену и брызгает вверх, оседая каплями на мое лицо. Он боялся, когда стоял здесь? Или окончательно решился прыгнуть и это было легко?

Кристина протягивает мне стопку бумаг. Я достала копии всех отчетов, которые выпустила Эрудиция за последние шесть месяцев. Выбросить их в пропасть не значит избавиться от них навсегда, но, возможно, мне станет легче.

Я смотрю на первый отчет. На нем фотография Жанин, представителя Эрудиции. Ее взгляд пронзителен, но в то же время притягателен.

– Ты когда-нибудь ее видел? – спрашиваю я Уилла. Кристина комкает первый отчет и швыряет его в воду.

– Жанин? Однажды, – отвечает он.

Он берет следующий отчет и рвет в клочья. Обрывки осыпаются в воду. Он делает это без злобы в отличие от Кристины. Мне кажется, что он участвует в этом, только чтобы доказать мне свое несогласие с тактикой своей бывшей фракции. Верит он в их слова или нет, остается неясным, и я боюсь спрашивать.

– До того как стать лидером, она работала с моей сестрой. Они пытались изобрести более долгоиграющую сыворотку для симуляций, – говорит он. – Жанин такая умная, что это видно еще до того, как она раскроет рот. Как... ходячий, говорящий компьютер.

– Что...

Я бросаю листок через перила, сжав губы. Надо просто спросить.

– Что ты думаешь о ее словах?

Он пожимает плечами.

– Не знаю. Возможно, это неплохая идея – иметь больше одной фракции в правительстве. И возможно, нам не помешает больше машин и... свежих фруктов...

– Ты ведь понимаешь, что никакого тайного склада, где все это хранится, нет? – К моему лицу приливает жар.

– Да, понимаю, – отвечает он. – Просто я думаю, что комфорт и процветание – не самое главное для Альтруизма, но могут стать таковыми, если к принятию решений привлекут другие фракции.

– Потому что дать подростку-эрудиту машину важнее, чем еду – бесфракционникам, – фыркаю я.

– Потихе. – Кристина гладит Уилла по плечу. – Мы собирались устроить легкомысленное символическое уничтожение документов, а не политические дебаты.

Я проглатываю возражения и смотрю на стопку бумаги в руках. Уилл и Кристина в последнее время часто прикасаются друг к другу без особой необходимости, я это заметила. Или нет?

– Однако из-за всего того, что она говорит о твоём папе, – добавляет он, – я ее почти ненавижу. Не представляю, какой прок в том, чтобы говорить такие ужасные вещи.

Зато я представляю. Если Жанин заставит людей поверить, будто мой отец и остальные лидеры Альтруизма испорчены и ужасны, люди поддержат революцию, которую она намерена осуществить, если ее план действительно в этом. Но я не хочу больше спорить и потому просто киваю и бросаю оставшиеся листки в пропасть. Они порхают взад и вперед, взад и вперед, пока не касаются воды. У стены пропасти их отфильтруют и выбросят.

– Пора спать, – улыбается Кристина. – Готовы вернуться? Я подумываю опустить руку Питера в миску теплой воды, чтобы он описался ночью.

Я отворачиваюсь от пропасти и замечаю движение на правой стороне Ямы. Кто-то поднимается к стеклянному потолку, и по его плавной походке, как будто ноги едва касаются земли, я понимаю, что это Четыре.

– Звучит отлично, но мне нужно переговорить с Четыре. – Я указываю на тень, идущую вверх по тропинке. Кристина смотрит в ту сторону.

– Уверена, что стоит разгуливать здесь ночью в одиночестве? – спрашивает она.

– Я буду не одна. Я буду с Четыре. – Я прикусываю губу.

Кристина смотрит на Уилла, а Уилл смотрит на нее. Оба меня толком не слушают.

– Хорошо, – рассеянно говорит Кристина. – Тогда увидимся.

Кристина и Уилл идут к спальням, Кристина ерошит Уиллу волосы, а Уилл тычет ее локтем под ребра. Мгновение я наблюдаю за ними. Мне кажется, будто передо мной разворачивается начало чего-то, но я точно не знаю чего.

Я бегу к тропинке на правой стороне Ямы и начинаю подниматься. Я стараюсь ступать как можно тише. В отличие от Кристины мне несложно лгать. Я не собираюсь разговаривать с Четыре... по крайней мере, пока не узнаю, что ему нужно поздней ночью в стеклянном здании над нашими головами.

Я бегу тихо, затаив дыхание, когда достигаю ступеней, и встаю на одном конце стеклянного зала, в то время как Четыре стоит на другом. Сквозь окна видны городские огни. Они еще сияют, но постепенно гаснут прямо у меня на глазах. В полночь их должны выключать.

На другом конце зала Четыре стоит у двери в пейзаж страха. В одной руке он держит черную коробку, в другой – шприц.

– Раз уж ты здесь, – произносит он, не оборачиваясь, – можешь войти со мной.

Я прикусываю губу.

– В твой пейзаж страха?

– Да.

Я иду к нему и спрашиваю:

– Разве это возможно?

– Сыворотка подключает к программе, – отвечает он, – но пейзаж определяет программа. И сейчас она настроена на то, чтобы провести сквозь мой пейзаж.

– Ты позволишь мне это увидеть?

– А иначе зачем мне идти? – тихо спрашивает он, не поднимая глаз. – Я хочу кое-что тебе показать.

Он поднимает шприц, и я наклоняю голову, подставляя шею. Когда игла вонзается, я чувствую острую боль, но я уже привыкла к ней. Закончив, Четыре протягивает мне черную коробку. В ней лежит второй шприц.

– Раньше я этого не делала.

Я достаю шприц из коробки. Я не хочу навредить Четыре.

– Сюда. – Он касается шеи указательным пальцем.

Я поднимаюсь на цыпочки и втыкаю иглу, моя рука чуть дрожит. Четыре даже не морщится.

Все это время он глядит на меня и, когда я заканчиваю, кладет оба

шприца в коробку и ставит ее у двери. Он знал, что я последую за ним. Знал или надеялся. Оба варианта меня устраивают.

Он протягивает мне руку, и я вкладываю в нее ладонь. Его пальцы холодные и хрупкие. Мне хочется что-то сказать, но я слишком потрясена, и слова не идут на ум. Он открывает дверь свободной рукой, и я следую за ним в темноту. Я уже привыкла без размышлений входить в незнакомые места. Я размеренно дышу и крепко держусь за ладонь Четыре.

– Посмотрим, поймешь ли ты, почему меня зовут Четыре, – произносит он.

Дверь с щелчком захлопывается за нами, лишая остатков света. Воздух в коридоре холодный; вдыхая, я чувствую каждую его частичку. Я прижимаюсь к Четыре, так что наши руки соприкасаются и мой подбородок находится рядом с его плечом.

– Как тебя зовут на самом деле? – спрашиваю я.

– Попробуй понять и это.

Начинается симуляция. Пол, на котором я стою, больше не сделан из бетона. Он скрипит, как металл. Свет льется со всех сторон, и перед нами разворачивается город, стеклянные здания и арка железнодорожных путей далеко внизу. Я давно не видела голубого неба, и, когда оно расстилается надо мной, у меня перехватывает дыхание и кружится голова.

Затем начинает дуть ветер. Он дует так сильно, что мне приходится прижаться к Четыре, чтобы не упасть. Он забирает у меня руку и вместо этого обнимает за плечи. Сначала мне кажется, будто он хочет меня защитить... но на самом деле ему трудно дышать, и он хватается за меня, чтобы устоять на ногах. Он с трудом вдыхает и выдыхает открытым ртом, сквозь сжатые зубы.

Высота кажется мне прекрасной, но поскольку мы здесь, это один из его самых страшных кошмаров.

– Нам надо прыгнуть, да? – Я перекрикиваю ветер.

Он кивает.

– На счет «три», хорошо?

Снова кивок.

– Раз... два... три!

Я пускаюсь бежать и тащу его за собой.

После первого шага остальные даются легче. Мы одновременно прыгаем с края крыши и падаем быстро, как два камня. Воздух рвется навстречу, земля растет под ногами. Затем пейзаж исчезает, и я оказываюсь на четвереньках на полу, улыбаясь. Мне понравилось это чувство в тот день, когда я выбрала Лихость, и оно нравится мне сейчас.

Четыре рядом со мной задыхается и прижимает руку к груди.

Я встаю и помогаю ему подняться.

– Что дальше?

– Дальше...

Что-то твердое ударяет меня в спину. Я налетаю на Четыре, головой между ключиц. Слева и справа вырастают стены. Места так мало, что Четыре прижимает руки к груди, чтобы поместиться. Потолок с грохотом падает на стены, и Четыре стонет и горбится. В комнате достаточно места только для него одного.

– Заключение, – произношу я.

Он издает гортанный звук. Я наклоняю голову и чуть отстраняюсь, чтобы посмотреть на него. Его лица почти не видно, настолько темно; и воздуха мало, мы делим его друг с другом. Четыре гримасничает, словно от боли.

– Эй, – окликаю я. – Все в порядке. Вот...

Я направляю его руки вокруг себя, чтобы ему было просторнее. Он вцепляется мне в спину и почти касается лица лицом, по-прежнему горбясь. Его тело теплое, но я чувствую только кости, обтянутые мышцами, они тверды как камень. У меня горят щеки. Может ли он почувствовать, что я все еще сложена как ребенок?

– Впервые в жизни я рада, что такая маленькая, – смеюсь я. Возможно, шутка поможет ему успокоиться. А мне – отвлечься.

– Мм, – придушенно мычит он.

– Нам отсюда не вырваться. Проще встретить страх лицом к лицу, верно? – Ответа я не жду. – Так что тебе нужно еще немного уменьшить пространство. Сделать хуже, чтобы стало лучше. Согласен?

– Да. – Короткое напряженное слово.

– Хорошо. Значит, нам надо скорчиться. Готов?

Я обнимаю его за талию, чтобы вдвоем опуститься на пол. Чувствую твердую линию его ребра, прижатого к моей ладони, слышу скрип деревянных планок друг о друга, когда потолок опускается вместе с нами. До меня доходит, что мы не поместимся, пока между нами столько свободного места; я поворачиваюсь и сжимаюсь в клубок, спиной к его груди. Одно его колено согнуто рядом с моей головой, другое скрючено подо мной, так что я сижу на его лодыжке. Мы – путаница рук и ног. Он хрипло дышит мне в ухо.

– Ох! – сипит он. – Так еще хуже. Это совершенно...

– Тсс. Обними меня.

Он покорно обвивает руками мою талию. Я улыбаюсь, глядя на стену.

Я не наслаждаюсь происходящим. Вовсе нет, ничуть.

– Симуляция измеряет твой отклик на страх, – мягко говорю я.

Я просто повторяю его слова, но, возможно, напоминание пойдет ему на пользу.

– Так что, если ты сумеешь понизить свой пульс, симуляция перейдет к следующему эпизоду. Помнишь? Так что попытайся забыть, что мы здесь.

– Да ну? – Его губы шевелятся у моего уха, и меня окатывает жаркая волна. – Легко сказать.

– Большинство парней не прочь оказаться с девушкой в тесной камере, знаешь ли. – Я закатываю глаза.

– Только не те, кто страдает клаустрофобией, Трис! – В его голосе звенит отчаяние.

– Ладно, ладно. – Я накрываю его ладонь своей и прижимаю к груди, прямо над сердцем. – Почувствуй мое сердце. Чувствуешь?

– Да.

– Чувствуешь, как ровно оно бьется?

– Быстро.

– Да, но ящик тут ни при чем.

Я морщусь, едва договорив. Я только что в чем-то призналась. Надеюсь, он этого не понял.

– Вдыхай всякий раз, когда я вдыхаю. Сосредоточься на этом.

– Хорошо.

Я глубоко дышу, и его грудь поднимается и опускается вместе с моей. Через несколько секунд я спокойно произношу:

– Может, расскажешь, откуда взялся этот страх? Может, если поговорить об этом, станет легче... немного.

Не знаю почему, но это кажется правильным.

– Гм... ладно. – Он снова дышит в унисон со мной. – Этот страх – из моего прекрасного детства. Наказания. Крошечный чулан наверху.

Я плотно сжимаю губы. Я помню, как меня наказывали... отправляли в свою комнату без ужина, лишали того или сего, сурово выговаривали. Меня никогда не запирали в чулане. Жестокость причиняет страдания; у меня болит сердце за Четыре. Я не знаю, что сказать, и потому пытаюсь говорить небрежно.

– Моя мать хранит в чулане зимнюю одежду.

– Я не... – Он ловит ртом воздух. – Я правда не хочу об этом больше говорить.

– Ладно. Тогда... я могу поговорить. Спроси меня о чем-нибудь.

– Хорошо. – Он нервно смеется мне в ухо. – Почему твое сердце

колотится, Трис?

Я съеживаюсь и отвечаю:

– Ну, я... – Я судорожно ищу объяснение, которое не включает его рук вокруг меня. – Я почти тебя не знаю.

Так себе объяснение.

– Я почти тебя не знаю и сижу с тобой в тесном ящике, Четыре, разве это не повод?

– Если бы мы были в твоём пейзаже страха, – спрашивает он, – был бы я в нём?

– Я не боюсь тебя.

– Ну конечно нет. Но я не это имею в виду.

Он снова смеется, и стены с треском лопаются и распадаются, оставляя нас в круге света. Четыре вздыхает и разжимает объятия. Я поднимаюсь на ноги и смахиваю несуществующую пыль с одежды. Ладони я вытираю о джинсы. Спина мерзнет от внезапной пустоты.

Он стоит передо мной. Он усмехается, и я не уверена, что мне нравится его взгляд.

– Возможно, ты была создана для Правдолюбия, – говорит он, – потому что ты ужасная лгунья.

– Я думала, проверка склонностей полностью исключила этот вариант.

Он качает головой.

– Проверка склонностей ни о чем не говорит.

Я щурюсь.

– Что ты пытаешься мне сказать? Ты оказался в Лихости не из-за проверки?

Возбуждение курсирует по моим венам, подстегиваемое надеждой, что он может подтвердить, что он – дивергент, что он такой же, как я, что мы можем вместе выяснить значение этого.

– Не совсем, нет, – отвечает он. – Я...

Он оборачивается и умолкает. В нескольких ярдах стоит женщина и целится в нас из пистолета. Она совершенно неподвижна, у нее невыразительное лицо – если бы мы сейчас же ушли, я бы ее не запомнила. Справа от меня появляется стол. На нем лежит револьвер и единственный патрон. Почему эта женщина не стреляет в нас?

«Ой», – думаю я. Страх не связан с угрозой его жизни. Он связан с револьвером на столе.

– Ты должен убить ее, – мягко говорю я.

– Как и всегда.

– Она не настоящая.

– Она выглядит настоящей. – Он закусывает губу. – Это кажется настоящим.

– Если бы она была настоящей, она уже убила бы тебя.

– Все в порядке, – кивает он. – Я просто... сделаю это. Это... не так уж и плохо. Не так много паники.

Не так много паники, но намного больше ужаса. Я вижу это по его глазам, когда он поднимает револьвер и открывает барабан, как будто проделывал это уже тысячу раз... а может, и проделывал. Он щелчком загоняет патрон в камору барабана, закрывает его и держит револьвер перед собой обеими руками. Он прищуривает один глаз и медленно вдыхает.

На выдохе он стреляет, и голова женщины откидывается назад. Я вижу алую вспышку и отворачиваюсь. Я слышу, как женщина валится на пол.

Револьвер Четыре падает с глухим стуком. Мы смотрим на мертвое тело. Четыре был прав: оно кажется настоящим. «Не будь душой». Я хватаю его за руку.

– Идем, – говорю я. – Ну же. Не останавливайся.

Я еще раз дергаю его за руку, он стряхивает оцепенение и следует за мной. Когда мы проходим мимо стола, тело женщины исчезает, но остается в наших воспоминаниях. Каково это – убивать человека каждый раз, проходя сквозь свой пейзаж? Возможно, мне предстоит это узнать.

Но кое-что озадачивает меня: это должны быть худшие страхи Четыре. И хотя он паниковал в ящике и на крыше, он убил женщину без особого труда. Создается впечатление, будто симуляция хватается за любые страхи, которые может в нем найти, и находит не много.

– Вот и он, – шепчет Четыре.

Темная фигура движется перед нами, крадется по краю круга света, ждет нашего следующего шага. Кто это? Кто обитает в кошмарах Четыре?

Появляется худой высокий человек с коротко обрезанными волосами. Он держит руки за спиной. И на нем серые одежды Альтруизма.

– Маркус, – шепчу я.

– Сейчас, – говорит Четыре дрожащим голосом, – ты узнаешь мое имя.

– Он...

Я перевожу взгляд с Маркуса, медленно идущего к нам, на Четыре, медленно пятящегося назад, и кусочки мозаики складываются в цельную картину. У Маркуса был сын, который перешел в Лихость. Его звали...

– Тобиас.

Маркус показывает нам руки. На кулак намотан ремень. Он медленно разматывает его с пальцев.

– Это для твоего же блага. – Эхо отражает его голос дюжину раз.

Дюжина Маркусов вторгается в круг света, все с одинаково равнодушными лицами держат один и тот же ремень. Когда Маркусы в очередной раз моргают, их глаза превращаются в пустые черные провалы. Ремни скользят по полу, покрытому белым кафелем. По моей спине ползет холодок. Эрудиты обвиняли Маркуса в жестокости. Единственный раз эрудиты оказались правы.

Я смотрю на Четыре... Тобиаса... Он словно примерз к месту. Обмяк. Он выглядит на много лет старше; он выглядит на много лет младше. Первый Маркус замахивается, перекидывает ремень за плечо, готовясь ударить. Тобиас отступает, вскидывая руки, чтобы защитить лицо.

Я бросаюсь между ними, и ремень хлещет по моему запястью, обвиваясь вокруг него. Жаркая боль поднимается к локтю. Я сжимаю зубы и тяну со всех сил. Маркус выпускает ремень, я разворачиваю его и хватаю за пряжку.

Я размахиваюсь ремнем как можно быстрее, плечевой сустав болит от резкого движения, и ремень ударяет Маркуса по плечу. Он вопит и кидается на меня, вытянув руки, его ногти похожи на когти. Тобиас толкает меня за спину и встает между мной и Маркусом. Он выглядит разъяренным, а не испуганным.

Все Маркусы исчезают. Вспыхивает свет, обнаруживая длинную узкую комнату с разрушенными кирпичными стенами и бетонным полом.

– Это все? – спрашиваю я. – Это твои худшие страхи? Почему у тебя всего четыре...

Я умолкаю. Всего четыре страха.

– А! – Я оборачиваюсь к нему. – Вот почему тебя называют...

При виде его лица слова вылетают у меня из головы. Его глаза широко распахнуты и кажутся почти уязвимыми в свете ламп. Губы приоткрыты. Если бы мы находились не здесь, я описала бы выражение его лица как благоговейное. Но я не понимаю, с чего бы ему смотреть на меня с благоговением.

Он берет меня под руку, прижимая большой палец к нежной коже над предплечьем, и притягивает к себе. Запястье все еще горит, как будто ремень был настоящим, но кожа такая же бледная, как и в других местах. Его губы медленно скользят по моей щеке, затем он крепко обнимает меня за плечи и зарывается лицом в шею, дыша в ключицы.

Мгновение я неподвижно стою, затем обвиваю его руками и вздыхаю.

– Эй, – тихо окликаю я. – Мы справились.

Он поднимает голову и пропускает мои волосы сквозь пальцы,

заправляя их за уши. Мы молча смотрим друг на друга. Его пальцы рассеянно теребят прядь моих волос.

– Ты помогла мне справиться, – наконец говорит он.

– Ну...

У меня пересыхает в горле. Я пытаюсь не обращать внимания на нервные токи, которые пронизывают меня при каждом его прикосновении.

– Легко быть смелой, когда страхи чужие.

Я опускаю руки и небрежно вытираю их о джинсы в надежде, что он не заметит.

Даже если он и заметил, то промолчал. Он переплетает свои пальцы с моими.

– Идем, – говорит он. – Мне нужно показать тебе еще кое-что.

Глава 26

Рука в руке мы идем к Яме. Я внимательно слежу за своей ладонью. То мне кажется, что я держу недостаточно крепко, то, наоборот, что сжимаю его ладонь слишком сильно. Я никогда не понимала, зачем люди держатся за руки во время ходьбы, но затем он проводит кончиком пальца по моей ладони, я вздрагиваю и все понимаю.

– Итак... – Я хватаюсь за последнюю разумную мысль, которую могу припомнить. – Четыре страха.

– Четыре страха тогда, четыре страха сейчас, – кивает он. – Они не изменились, так что я продолжаю ходить сюда, но... так и не продвинулся дальше.

– Нельзя быть полностью бесстрашным, помнишь? – возражаю я. – Потому что тебе не все равно. Потому что ты хочешь жить.

– Я знаю.

Мы идем вдоль края Ямы по узкой тропинке, которая ведет к скалам на дне пропасти. Прежде я ее не замечала – она сливается с каменной стеной. Но Тобиас, похоже, хорошо с ней знаком.

Я не хочу испортить мгновение, но мне нужно знать о его проверке склонностей. Я должна знать, дивергент ли он.

– Ты собирался рассказать мне о своей проверке склонностей, – напоминаю я.

– А! – Он скребет в затылке свободной рукой. – Это важно?

– Да. Я хочу знать.

– Какая ты властная. – Он улыбается.

Мы достигаем конца тропинки и стоим на дне пропасти, где камни формируют неустойчивую почву, торча под острыми углами из бурной воды. Четыре ведет меня вверх и вниз, через небольшие разрывы, по зазубренным гребням. Мои ботинки цепляются за шероховатый камень. Подошвы оставляют на каждом камне мокрый след.

Он находит на краю, где течение незначительно, относительно плоский камень и садится, свесив ноги через край. Я сажусь рядом с ним. Похоже, ему здесь удобно, всего в нескольких дюймах над бурной водой.

Он отпускает мою руку. Я смотрю на зазубренный край скалы.

– Знаешь, кое-что я никому не рассказываю. Даже друзьям, – говорит он.

Я переплетаю и стискиваю пальцы. Здесь идеальное место, чтобы

признаться в своей Дивергенции, если это действительно так. Рев потока не позволит нас подслушать. Не знаю, почему мне так тревожно от этой мысли.

– Мой результат был ожидаемым, – сообщает он. – Альтруизм.

– О! – Внутри меня что-то сдувается. Я ошибалась насчет него.

Но... если он не дивергент, то должен был получить результат «Лихость». И формально я тоже получила результат «Альтруизм»... если верить системе. Возможно, с ним случилось то же самое? И если так, почему он не говорит мне всей правды?

– Но ты все же выбрал Лихость?

– Пришлось.

– Почему тебе пришлось перейти?

Он переводит взгляд с меня на пустое пространство перед собой, как будто ищет ответ в воздухе. Ему не нужно отвечать. Я все еще чувствую призрак жалящего ремня на своем запястье.

– Ты хотел убраться подальше от отца, – говорю я. – Поэтому ты не хочешь быть лидером Лихости? Потому что тебе пришлось бы вновь увидеть его?

Он дергает плечом.

– Да, и к тому же я чувствую, что мне не место среди лихачей. По крайней мере, среди тех, в кого они превратились.

– Но ты... потрясающий. – Я умолкаю и прочищаю горло. – В смысле, по меркам Лихости. Четыре страха – неслыханно! Как ты можешь отрицать это?

Он пожимает плечами. Похоже, ему нет дела до своего таланта или положения в Лихости, и именно этого я ожидала бы от альтруиста. Не уверена, как это расценивать.

– У меня есть теория, что самоотверженность и храбрость не так уж далеки друг от друга, – произносит он. – Тебя всю жизнь учили забывать о себе, и при появлении опасности это становится твоим первым побуждением. С тем же успехом я мог бы вступить в Альтруизм.

Внезапно я чувствую тяжесть. Для меня всей жизни оказалось недостаточно. Мое первое побуждение – по-прежнему самосохранение.

– Ну да. Я ушла из Альтруизма, потому что не была достаточно самоотверженной, как бы сильно ни старалась.

– Не совсем. – Он улыбается мне. – Девушка, которая позволила бросать в нее ножи, чтобы заслонить друга, которая ударила моего отца ремнем, чтобы защитить меня... Эта самоотверженная девушка разве не ты?

Он понял обо мне больше, чем я сама. И хотя невозможно поверить, будто он может что-то ко мне испытывать, учитывая все, чем я не являюсь... нет ничего невозможного. Я хмурюсь, глядя на него.

– Похоже, ты внимательно следил за мной.

– Мне нравится наблюдать за людьми.

– Возможно, ты был создан для Правдолюбия, Четыре, потому что ты ужасный лгун.

Он кладет руку на камень рядом с собой, его пальцы составляют единую линию с моими. Я опускаю взгляд на его руки. У него длинные тонкие пальцы. Руки, созданные для точных, искусных движений. Не руки лихача, которые должны быть широкими, крепкими и готовыми крушить и ломать.

– Ладно. – Он наклоняется ближе и не сводит глаз с моего подбородка, губ и носа. – Я следил за тобой, потому что ты мне нравишься.

Он произносит это откровенно, бесстрашно и вскидывает взгляд на меня.

– И не называй меня Четыре, ладно? Приятно снова слышать свое имя.

Вот так он наконец и раскрывает свои карты, и я не знаю, что ответить. У меня горят щеки, и на ум приходит только одно:

– Но ты старше меня... Тобиас.

Он улыбается мне.

– Ага, эта огромная пропасть в два года попросту непреодолима.

– Я не пытаюсь себя принизить. Просто не понимаю. Я младше. Я не красавица. Я...

Он издает низкий смех, который словно поднимается из самой его глубины; и касается губами моего виска.

– Не притворяйся, – хрипло говорю я. – Ты и сам это знаешь. Я не уродина, но определенно не красавица.

– Ладно. Ты не красавица. И что? – Он целует меня в щеку. – Мне нравится, как ты выглядишь. Ты чертовски умна. Ты отважна. И хотя ты узнала о Маркусе...

Его голос смягчается.

– Ты не стала смотреть на меня, как другие. Словно я побитый щенок или вроде того.

– Ну... ведь это не так.

Мгновение он молча не сводит с меня темных глаз. Затем касается моего лица и наклоняется ближе, скользя губами по моим губам. Река ревет, и я чувствую ее брызги на лодыжках. Он улыбается и прижимается к моим губам.

Сперва я напрягаюсь от неуверенности в себе и, когда он отстраняется, не сомневаюсь, что сделала что-то не так или плохо. Но он берет мое лицо в ладони, крепко сжимает его пальцами и целует снова, на этот раз сильнее, увереннее. Я обнимаю его рукой, провожу ладонью по шее и запускаю ее в короткие волосы.

Несколько минут мы целуемся на дне пропасти, и рев воды окружает нас со всех сторон. И когда мы поднимаемся, рука в руке, я понимаю, что если бы мы оба выбрали иной путь, то могли бы в результате заниматься тем же самым, в более безопасном месте, в серой, а не черной одежде.

Глава 27

На следующее утро я чувствую себя глупой и легкомысленной. Всякий раз, когда я прогоняю улыбку с лица, она находит дорогу обратно. В конце концов я перестану с ней бороться. Я оставляю волосы распущенными и отказываюсь от своих привычных свободных рубашек в пользу блузки с широким вырезом, в котором видны мои татуировки.

– Что с тобой сегодня? – спрашивает Кристина по дороге на завтрак. Ее глаза еще опухшие ото сна, а спутанные волосы обрамляют лицо пушистым ореолом.

– Ой, да ничего особенного. Солнце светит. Птички чирикают.

Она выгибает бровь, как бы напоминая, что мы в подземном тоннеле.

– Не порти девочке настроение, – бросает Уилл. – Может, ты ее больше такой не увидишь.

Я шлепаю его по руке и спешу к столовой. Мое сердце колотится, потому что я знаю, что в течение ближайшего получаса увижу Тобиаса. Я сажусь на свое обычное место, рядом с Юрайей, напротив Уилла и Кристины. Место слева от меня остается пустым. Возможно, Тобиас займет его; возможно, он улыбнется мне за завтраком; возможно, посмотрит на меня тайком, украдкой, как я собираюсь поглядывать на него.

Я хватаю тост с тарелки на середине стола и начинаю с чрезмерным усердием намазывать его маслом. Я чувствую, что веду себя по-идиотски, но не могу остановиться. Это все равно что перестать дышать.

Затем он входит. Его волосы стали короче и кажутся более темными, почти черными. До меня доходит, что они пострижены коротко, как у альтруистов. Я улыбаюсь ему и поднимаю руку, чтобы позвать к нашему столу, но он садится рядом с Зиком и даже не смотрит в мою сторону, так что руку приходится опустить.

Я смотрю на свой тост. Теперь не улыбаться легко.

– Что-то случилось? – спрашивает Юрайя с набитым хлебом ртом.

Я качаю головой и откусываю кусочек. А на что я рассчитывала? То, что мы целовались, еще не значит, что все изменится. Возможно, он передумал, и я ему больше не нравлюсь. Возможно, он считает, что наши поцелуи были ошибкой.

– Сегодня день пейзажа страха, – замечает Уилл. – Как по-вашему, мы увидим свои собственные пейзажи страха?

– Нет. – Юрайя качает головой. – Вы пройдете через пейзаж одного из

инструкторов. Мне брат рассказал.

– О-о-о, какого инструктора? – внезапно оживляется Кристина.

– Слушай, это правда нечестно, что у вас есть инсайдерская информация, а у нас нет. – Уилл сердито смотрит на Юрайю.

– Можно подумать, ты не воспользовался бы преимуществом при случае, – возражает Юрайя.

Кристина не обращает на них внимания.

– Надеюсь, это пейзаж Четыре.

– Почему? – спрашиваю я.

Вопрос выходит на редкость скептическим. Я прикусываю губу и жалею о том, что он вырвался.

– Похоже, у кого-то изменилось настроение. – Она закатывает глаза. – Неужели ты не хочешь узнать его страхи? Он ведет себя так жестко, что, наверное, боится зефира, чрезмерно ярких восходов и так далее. Сверхкомпенсация.

Я качаю головой.

– Это будет не его пейзаж.

– Откуда ты знаешь?

– Просто предполагаю.

Я помню отца Тобиаса в его пейзаже страха. Он никому не позволит это увидеть. Я смотрю на него. На мгновение он переводит взгляд на меня. Его глаза равнодушны. Затем он отворачивается.

Лорен, инструктор неопитов-лихачей, стоит, уперев руки в бедра, у зала пейзажа страха.

– Два года назад, – говорит она, – я боялась пауков, удушения, стен, которые медленно сдвигаются, превращаясь в ловушку, изгнания из Лихости, неудержимого кровотечения, падения под поезд, смерти отца, публичного унижения и похищения людьми без лица.

Все тупо смотрят на нее.

– Большинство из вас встретят в своих пейзажах от десяти до пятнадцати страхов. Это среднее количество, – продолжает она.

– А какое самое малое известное количество? – спрашивает Линн.

– За последние годы – четыре, – отвечает Лорен.

Я не смотрела на Тобиаса с тех пор, как мы были в столовой, но невольно смотрю на него сейчас. Он не поднимает глаз от пола. Я знала, что четыре – малое количество, достаточно малое, чтобы стать прозвищем, но не знала, что это более чем вдвое ниже среднего.

Я опускаю взгляд себе на ноги. Он исключительный. И теперь он даже

не посмотрит на меня.

– Сегодня вы не узнаете своего количества, – сообщает Лорен. – Симуляция настроена на программу моего пейзажа страха, так что вы испытаете мои страхи вместо собственных.

Я бросаю на Кристину торжествующий взгляд. Я была права: мы не пройдем через пейзаж Четыре.

– В целях данного упражнения, однако, каждый из вас столкнется только с одним из моих страхов, чтобы понять, как работает симуляция.

Лорен выбирает нас в случайном порядке и назначает нам страхи. Я стояла позади, так что пойду одной из последних. Мне выпадает страх похищения.

Я не могу наблюдать за симуляцией, поскольку не подключена к компьютеру, только за реакцией людей на нее. Это лучший способ отвлечься от одержимости Тобиасом – сжимать кулаки, когда Уилл смахивает невидимых пауков и Юрая упирает ладони в незримые стены, ухмыляться, когда Питер становится ярко-красным от «публичного унижения», чем бы оно ни было. Затем наступает моя очередь.

Испытание будет не из легких, но я не тревожусь, когда Лорен вонзает мне в шею иглу, поскольку до сих пор могла манипулировать любыми симуляциями, не только этой, и уже прошла через пейзаж Тобиаса.

Затем обстановка меняется, и начинается похищение. Пол под ногами превращается в траву, и чьи-то руки хватают меня за плечи, зажимают рот. Слишком темно, и ничего не видно.

Я стою рядом с пропастью. Слышу рев воды. Кричу в руку, которая зажимает мне рот, и пытаюсь вырваться, но руки, которые держат меня, слишком сильные; мои похитители слишком сильные. В голове вспыхивает образ, как я падаю в темноту, – тот же образ, который преследует меня в ночных кошмарах. Я снова кричу; кричу до тех пор, пока горло не начинает болеть, и жаркие слезы брызжут из глаз.

Я знала, что они вернутся за мной, знала, что они попробуют снова. Первого раза было недостаточно. Я снова кричу... не зову на помощь, ведь никто не поможет, а просто кричу, как любой, кого ждет неминуемая смерть.

– Хватит, – произносит суровый голос.

Руки исчезают, и загорается свет. Я стою на бетонном полу в комнате пейзажа страха. Я дрожу всем телом и падаю на колени, прижимая ладони к лицу. Я только что провалилась. Утратила последние остатки логики, здравого смысла. Страх Лорен превратился в мой собственный.

И все видели меня. Тобиас видел меня.

Я слышу шаги. Тобиас подлетает ко мне и рывком поднимает на ноги.

– Это что еще за чертовщина, Сухарь?

– Я... – Мои вдохи и выдохи переходят в икоту. – Я не...

– Соберись! Что за жалкое зрелище!

Что-то внутри меня лопается. Слезы высыхают. Жар заливает тело, вымывая слабость, и я бью Тобиаса так сильно, что костяшки пальцев горят от удара. Он глядит на меня, одна его щека красная от прилива крови, а я гляжу на него.

– Заткнись! – рявкаю я, выдергиваю у него руку и выхожу из комнаты.

Глава 28

Я плотнее закутываюсь в куртку. Я давно не бывала на улице. На лицо светит бледное солнце, и я слежу, как мое дыхание вырывается клубами пара.

По крайней мере, мне удалось одно: я убедила Питера и его друзей, что больше не представляю угрозы. Осталось только, чтобы завтра, когда я пройду через свой собственный пейзаж страха, они увидели, как ошибались. Вчера провал казался невозможным. Сегодня я не уверена в этом.

Я пропускаю волосы сквозь пальцы. Желание плакать прошло. Я скручиваю волосы в узел и перехватываю его резинкой, которую носила на запястье. Теперь я больше похожа на себя. Вот и все, что мне нужно: помнить, кто я такая. А именно, девушка, которая не позволит всяким пустякам вроде мальчишек и смертельно опасных историй остановить ее.

Я смеюсь, качая головой. Неужели?

Раздается гудок поезда. Рельсы огибают лагерь Лихости и тянутся к горизонту. Где они начинаются? Где кончаются? Каков мир за ними? Я иду к рельсам.

Я хочу вернуться домой, но не могу. Эрик рекомендовал нам не выказывать особой привязанности к родителям в День посещений, так что визит домой стал бы предательством Лихости, а я не могу себе этого позволить. Эрик, однако, не говорил, что мы не можем навещать членов других фракций, а мать просила заглянуть к Калебу.

Я знаю, что мне нельзя уходить без сопровождения, но не могу удержаться. Я иду все быстрее и быстрее, пока не пускаюсь бегом. Работая локтями, я бегу вровень с последним вагоном, пока не хватаюсь за ручку и не подтягиваюсь внутрь, морщась, когда боль пронзает мое измученное тело.

Оказавшись в вагоне, я ложусь на спину рядом с дверью и смотрю, как лагерь Лихости исчезает позади. Я не хочу возвращаться, но решиться уйти, стать бесфракционницей было бы самым отважным поступком в моей жизни, а сегодня я чувствую себя трусихой.

Воздух обдувает мое тело, закручивается вокруг пальцев. Я оставила ладонь снаружи вагона, и ветер давит на нее. Я не могу вернуться домой, но могу найти его часть. Калек есть в каждом моем детском воспоминании, он часть моей сути.

Поезд замедляет ход, достигая центра города, и я сажусь, чтобы следить, как здания пониже сменяются зданиями повыше. Эрудиты живут в высоких каменных зданиях с видом на болото. Я держусь за ручку и высовываюсь настолько, чтобы видеть, куда ведут пути. Они ныряют вниз до уровня улицы и сразу после поворачивают на восток. Я вдыхаю запах сырой мостовой и болотного воздуха.

Поезд спускается, замедляет ход, и я спрыгиваю. Ноги подгибаются от удара при приземлении, и я пробегаю несколько шагов, чтобы восстановить равновесие. Я иду посередине улицы на юг, в сторону болота. Пустое пространство не кончается, сколько хватает глаз – коричневая равнина, сливающаяся с горизонтом.

Я поворачиваю налево. Здания Эрудиции нависают надо мной, темные и незнакомые. Как я найду здесь Калеба?

Эрудиты ведут записи, это в их природе. Они должны вести записи о своих неофитах. У кого-то есть доступ к этим записям, осталось только найти их. Я изучаю здания. С точки зрения логики центральное здание должно быть самым важным. Почему бы не начать с него?

Повсюду снуют члены фракции. Стандарты Эрудиции диктуют членам фракции надевать по меньшей мере один предмет одежды голубого цвета, поскольку голубой цвет заставляет тело выделять успокаивающие химические вещества, а «спокойный разум – ясный разум». Этот цвет также начал обозначать их фракцию. Теперь он кажется мне невероятно ярким. Я привыкла к тусклому освещению и темной одежде.

Я ожидала, что придется пробираться сквозь толпу, работать локтями и бормотать извинения, как обычно, но в этом нет необходимости. Став лихачкой, я стала заметной. Толпа расступается передо мной и провожает меня взглядами. Я сдергиваю резиновую ленту с волос и встряхиваю ими, прежде чем войти в главные двери.

Я останавливаюсь у входа и запрокидываю голову. Зал огромный, тихий и пахнет пыльными страницами. Деревянный пол скрипит под ногами. Книжные шкафы выстроились вдоль стен по обе стороны, но кажутся скорее декоративными, поскольку столы посередине комнаты занимают компьютеры, и никто не читает книг. Все напряженно, сосредоточенно глядят в экраны.

Могла бы и догадаться, что главное здание Эрудиции – библиотека. Мое внимание привлекает портрет на противоположной стене. Он в два раза выше меня, в четыре раза шире и изображает привлекательную женщину с прозрачными серыми глазами и в очках – Жанин. При виде ее к горлу подступает жар. Она представитель Эрудиции, а значит, именно она

выпустила тот отчет о моем отце. Она не нравилась мне с тех пор, как отец начал распространяться о ней за ужином, но теперь я ее ненавижу.

Под портретом – большая табличка с надписью: «ЗНАНИЕ ВЕДЕТ К ПРОЦВЕТАНИЮ».

Процветание. Для меня это слово имеет негативный оттенок. Альтруизм использует его, говоря о потакании своим прихотям.

Как мог Калев захотеть стать одним из них? То, что они делают, то, чего они хотят, в корне неверно. Но он, вероятно, думает то же самое о лихачах.

Я иду к столу под самым портретом Жанин. Сидящий за ним юноша спрашивает, не поднимая глаз:

– Чем могу помочь?

– Я ищу одного человека. Его зовут Калев. Вы не знаете, где он сейчас?

– Я не вправе выдавать личную информацию, – равнодушно отвечает он, тыча пальцем в экран перед собой.

– Он мой брат.

– Я не впра...

Я хлопаю ладонью по столу перед ним, и он выныривает из оцепенения, глядя на меня поверх очков. Головы поворачиваются в мою сторону.

– Я сказала, – я скупко роняю слова, – я ищу одного человека. Он неопит. Можете, по крайней мере, сказать, где сейчас неопиты?

– Беатрис? – произносит голос за спиной.

Я поворачиваюсь и вижу Калеба с книгой в руке. Его волосы отросли и прикрывают уши, на нем голубая футболка и очки в прямоугольной оправе. Хотя он выглядит иначе и мне больше не позволено любить его, я бегу к нему со всех ног и обнимаю за плечи.

– У тебя татуировка, – приглушенно говорит он.

– У тебя очки. – Я отстраняюсь и щурюсь. – У тебя прекрасное зрение, Калев, что ты делаешь?

– Гм... – Он бросает взгляд на столы вокруг нас. – Пойдем. Давай выберемся отсюда.

Мы выходим из здания и пересекаем улицу. Мне приходится бежать трусцой, чтобы поспевать за ним. Напротив штаб-квартиры Эрудиции – бывший парк. Теперь мы называем его просто «Миллениум», и это полоса голой земли с парой ржавых скульптур – одна в виде абстрактного обшитого металлическими листами мамонта, другая напоминает чудовищную фасолину, рядом с которой я кажусь карликом.

Мы останавливаемся на бетонной площадке вокруг металлической фасолины, где небольшими кучками сидят эрудиты с газетами или книгами. Кaleb снимает очки и засовывает их в карман, затем проводит рукой по волосам, нервно отводя взгляд. Как будто ему стыдно. Возможно, мне тоже должно быть стыдно. У меня татуировки, распущенные волосы и обтягивающая одежда. Но мне не стыдно.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он.

– Хотела побывать дома, – отвечаю я, – и ты лучшее, что я смогла придумать.

Он сжимает губы.

– Смотрю, ты рад меня видеть, – добавляю я.

– Слушай. – Он кладет руки мне на плечи. – Я очень рад тебя видеть, ясно? Просто это запрещено. Существуют правила.

– Мне плевать, – отвечаю я. – Плевать, ясно?

– Возможно, напрасно, – мягко говорит он и смотрит с укором. – На твоём месте я не хотел бы проблем с фракцией.

– Что ты имеешь в виду?

Я прекрасно знаю, что он имеет в виду. Он считает мою фракцию самой жестокой из пяти, и ничем более.

– Я просто не хочу, чтобы ты пострадала. Не надо на меня злиться. – Он наклоняет голову. – Что с тобой там случилось?

– Ничего. Ничего со мной не случилось.

Я закрываю глаза и потираю затылок ладонью. Даже если бы я сумела все ему объяснить, мне не хочется этого делать. У меня нет сил, чтобы просто подумать об этом.

– По-твоему... – Он смотрит себе на ботинки. – По-твоему, ты сделала правильный выбор?

– Не думаю, что у меня был выбор. А ты?

Он оглядывается. Прохожие посматривают на нас. Его взгляд скользит по лицам. Он по-прежнему нервничает, но, возможно, дело не в том, как он выглядит, и не во мне. Возможно, дело в них. Я хватаю его за руку и тащу под арку металлической фасолины. Мы идем под ее полым подбрюшьем. Я вижу повсюду свое отражение, искривленное гнутыми стенами, в пятнах ржавчины и копоти.

– Что происходит?

Я складываю руки на груди. Только сейчас я заметила темные круги под его глазами.

– Что случилось?

Кaleb прижимает ладонь к металлической стене. Крошечная голова

его отражения съехала набок, а рука словно выгнута назад. Мое отражение, напротив, кажется низеньким и приземистым.

– Происходит что-то важное, Беатрис. Что-то неладно. – Его глаза большие и стеклянные. – Я не знаю, в чем дело, но люди все время носятся вокруг, тихонько переговариваются, и Жанин постоянно толкает речи о том, как испорчен Альтруизм, почти каждый день.

– Ты веришь ей?

– Нет. Может быть. Я не... – Он качает головой. – Я не знаю, чему верить.

– Нет, знаешь, – жестко возражаю я. – Ты знаешь, кто наши родители. Знаешь, кто наши друзья. Как по-твоему, отец Сьюзен испорчен?

– Что я знаю? Что мне позволили знать? Нам не разрешали задавать вопросы, Беатрис, нас лишали знаний! А здесь...

Он поднимает глаза, и в плоском круге зеркала над головами я вижу две крошечные фигурки размером с ноготь. «Вот наше подлинное отражение, – думаю я. – На самом деле мы такие же маленькие».

– Здесь информация свободна, она всегда доступна, – продолжает он.

– Эрудиция не Правдолюбие. Здесь есть лжецы, Калерб. Есть люди, настолько умные, что знают, как тобой манипулировать.

– По-твоему, я бы не понял, если бы мной манипулировали?

– Если они такие умные, как ты считаешь, то не понял бы. Думаю, ты ничего бы не знал.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. – Он качает головой.

– Ага. Откуда мне вообще знать, на что похожа испорченная фракция? Я всего лишь обучаюсь на лихача, ради всего святого, – фыркаю я. – По крайней мере, я знаю, где мое место, Калерб. А ты решил пренебречь тем, что мы знали всю жизнь... Эти люди высокомерные и жадные, и они никуда тебя не приведут.

Его голос становится жестче.

– Пожалуй, тебе пора уходить, Беатрис.

– С удовольствием. Да, и вряд ли тебе это важно, но мама просила передать, чтобы ты исследовал симуляционную сыворотку.

– Ты ее видела? – Он кажется задетым. – Почему она не...

– Потому что! – рявкаю я. – Эрудиты запретили альтруистам посещать свой лагерь. Разве эта информация не была тебе доступна?

Я протискиваюсь мимо него, иду прочь от зеркального грота и скульптуры и ступаю на тротуар. Мне не следовало уходить. Теперь лагерь Лихости кажется домом – по крайней мере, там я точно знаю, на чем стою, а именно на неустойчивой почве.

Толпа на тротуаре редее, и я поднимаю взгляд, чтобы узнать почему. В нескольких ярдах передо мной стоят два эрудита со сложенными на груди руками.

– Прошу прощения, – произносит один из них. – Вы должны пройти с нами.

Один мужчина идет за мной по пятам, так что я чувствую его дыхание затылком. Другой ведет меня в библиотеку и далее по трем коридорам к лифту. За библиотекой деревянный пол сменяется белой плиткой, и стены мерцают, как потолок в комнате проверки склонностей. Мерцание отражается от серебристых дверей лифта, и я щурюсь, чтобы что-либо разглядеть.

Я стараюсь оставаться спокойной. Задаю себе вопросы из учебного курса Лихости. «Что делать, если кто-то нападает из-за спины?» Я воображаю, как бью локтем назад, в живот или пах. Воображаю, как бегу. Жаль, у меня нет пистолета. Это мысли лихача, и они стали моими.

«Что делать, если нападают сразу двое?» Я иду за мужчиной по пустому мерцающему коридору в кабинет. Стены сделаны из стекла... пожалуй, я знаю, какая фракция разработала проект моей школы.

Женщина сидит за металлическим столом. Я смотрю ей в лицо. То же лицо господствует в библиотеке Эрудиции, оно приделано к каждой выпускаемой ими статье. Как давно я ненавижу это лицо? Я не помню.

– Садись, – говорит Жанин.

Ее голос кажется знакомым, особенно когда она раздражена. Ее прозрачные серые глаза останавливаются на мне.

– Я постою.

– Садись, – повторяет она.

Я определенно уже слышала ее голос.

Я слышала его в коридоре, она разговаривала с Эриком, перед тем как на меня напали. Я слышала, как она упоминает дивергентов. Но я слышала его и раньше... слышала в...

– Это был ваш голос в симуляции, – говорю я. – В смысле, на проверке склонностей.

Она – та опасность, о которой меня предупреждали Тори и мать, опасность быть дивергентом. Сидит прямо передо мной.

– Верно. Проверка склонностей на данный момент – мое величайшее достижение как ученого, – отвечает она. – Я просмотрела результаты твоего теста, Беатрис. Очевидно, с ним возникли проблемы. Он не был записан, и твой результат пришлось вводить вручную. Тебе известно об

этом?

– Нет.

– Тебе известно, что ты одна из двух людей за все время, которые получили результат «Альтруизм», но перешли в Лихость?

– Нет.

Я пытаюсь скрыть потрясение. Кроме нас с Тобиасом – никого? Но его результат был настоящим, а мой – поддельным. Значит, на самом деле он один.

У меня сводит живот при мысли о нем. Сейчас мне плевать, насколько он уникален. Он назвал меня жалкой.

– Что заставило тебя выбрать Лихость? – спрашивает она.

– Какое это имеет значение? – Я стараюсь смягчить свой голос, но получается плохо. – Разве вы не собираетесь наказать меня за то, что я покинула свою фракцию и отправилась на поиски брата? «Фракция превыше крови», верно?

Я делаю паузу.

– Кстати, как вообще я оказалась в вашем кабинете? Разве вы не важная шишка?

Возможно, это немного осадит ее.

Ее рот на мгновение кривится.

– Наказание оставим лихачам. – Она откидывается в кресле.

Я кладу руки на спинку кресла, в которое отказалась сесть, и стискиваю пальцы. За ее спиной – окно с видом на город. Поезд лениво поворачивает вдалеке.

– Что до причины твоего присутствия здесь... моей фракции свойственно любопытство, – продолжает она, – и, изучая твои записи, я обнаружила еще одну ошибку с симуляцией. Ее также не удалось записать. Тебе известно об этом?

– Как вы получили доступ к моим записям? Он есть только у лихачей.

– Поскольку симуляции разработала Эрудиция, у нас существует... взаимопонимание с лихачами, Беатрис. – Она наклоняет голову и улыбается мне. – Меня всего лишь волнует добротность нашей технологии. Если в твоём присутствии она пасует, я должна это прекратить, понимаешь?

Я понимаю только одно: она лжет. Ее не волнует технология... она подозревает, что с моими результатами что-то неладно. Как и лидеры Лихости, она вынюхивает дивергентов. И если мама хочет, чтобы Калёб исследовал симуляционную сыворотку, то это потому, что ее разработала Жанин.

Но что такого угрожающего в моей способности манипулировать симуляциями? Какое это имеет значение для представителя Эрудии?

Я не могу ответить ни на один вопрос. Но ее взгляд напоминает мне взгляд бойцового пса в проверке склонностей – злобный, хищный взгляд. Она хочет порвать меня в клочья. Я не могу лечь в знак подчинения. Мне нужно самой превратиться в бойцового пса.

Сердце пульсирует в горле.

– Я не знаю, как это работает, – начинаю я, – но от жидкости, которую мне вкололи, меня затошнило. Возможно, распорядитель симуляции отвлекся, потому что беспокоился, не вырвет ли меня, и забыл ее записать. После проверки склонностей мне тоже стало плохо.

– У тебя всегда был слабый желудок, Беатрис? – Ее голос острый, как лезвие бритвы. Она барабанит подстриженными ногтями по стеклянной столешнице.

– С самого детства, – как можно небрежнее отвечаю я.

Я отпускаю спинку кресла и обхожу его, чтобы сесть. Нельзя казаться напряженной, пусть даже мои внутренности сплелись в змеиный клубок.

– Ты невероятно успешна в симуляциях, – говорит она. – Чем ты объяснишь легкость, с которой справляешься с ними?

– Я смелая.

Я смотрю ей прямо в глаза. У других фракций сложился вполне определенный образ лихачей. Дерзких, агрессивных, импульсивных. Наглых. Я должна соответствовать ее ожиданиям. Я ухмыляюсь ей.

– Я лучший неопит, который им достался.

Я наклоняюсь вперед, упирая локти в колени. Надо развить тему, чтобы она мне поверила.

– Хотите знать, почему я выбрала Лихость? Потому что скучала.

Еще, еще. Ложь должна быть убедительной.

– Я устала быть добренькой малюткой и хотела вырваться на свободу.

– Значит, ты не скучаешь по родителям? – мягко спрашивает она.

– Скучаю ли я по нагоняям за то, что смотрелась в зеркало? Скучаю ли по вынужденному молчанию за ужином? – Я качаю головой. – Нет. Я по ним не скучаю. Они больше не моя семья.

Ложь, вырываясь, обжигает мне горло, а может, это слезы, с которыми я борюсь. Я представляю, как мать стоит за спиной с гребнем и ножницами и слегка улыбается, подстригая мне волосы, и мне хочется кричать, а не оскорблять ее, как я это делаю.

– Означает ли это... – Жанин покусывает губы и умолкает на пару секунд, прежде чем закончить фразу, – что ты согласна с отчетами, которые

выпускаются о политических лидерах этого города?

С отчетами, которые называют мою семью испорченными, жадными до власти, морализирующими диктаторами? Отчетами, в которых содержатся смутные угрозы и намеки на революцию? Меня тошнит от них. Оттого что она их выпустила, мне хочется ее задушить.

Я улыбаюсь.

– Всем сердцем, – отвечаю я.

Один из прислужников Жанин, мужчина в голубой рубашке и солнечных очках, отвозит меня обратно в лагерь Лихости на блестящей серебристой машине, подобных которой я раньше не видела. Мотор работает почти бесшумно. Я спрашиваю мужчину почему, он отвечает, что машина работает на солнечной энергии, и пускается в пространное объяснение того, как панели на крыше превращают солнечный свет в энергию. Через минуту я перестаю слушать и гляжу в окно.

Не знаю, что мне скажут, когда я вернусь. Наверное, ничего хорошего. Я представляю, как мои ноги болтаются над пропастью, и закусываю губу.

Водитель тормозит у стеклянного здания над лагерем Лихости. Эрик уже ждет меня у двери. Он берет меня за руку и тащит в здание, даже не поблагодарив водителя. Пальцы Эрика сжаты так сильно, что я знаю: останутся синяки.

Он встает между мной и дверью на улицу. Начинает хрустеть костяшками. В остальном он совершенно спокоен.

Я невольно содрогаюсь.

Тихий хруст его костяшек – вот и все, что я слышу, не считая собственного дыхания, которое становится все более учащенным с каждой секундой. Закончив, Эрик переплетает пальцы перед собой.

– С возвращением, Трис.

– Эрик.

Он идет ко мне, аккуратно ставя одну ногу перед другой.

– О чем ты вообще думала?

Его голос, поначалу тихий, к концу фразы становится громовым.

– Я... – Он стоит так близко, что я вижу проколы в его коже. – Я не знаю.

– Мне хочется назвать тебя предателем, Трис. Разве ты не слышала, что фракция превыше крови?

Я видела, как Эрик делает ужасные вещи. Я слышала, как он говорит ужасные вещи. Но я никогда не видела его таким. Он больше не безумец – он превосходно себя контролирует, замечательно уравновешен. Осторожен

и спокоен.

Впервые передо мной открывается истинный Эрик: эрудит, переодетый лихачом, гений, равно как и садист, охотник на дивергентов.

Мне хочется убежать.

– Ты была недовольна жизнью, которую вела здесь? Возможно, ты сожалеешь о своем выборе?

Униженные металлом брови Эрика поднимаются, лоб покрывается складками.

– Я хотел бы услышать объяснение, почему ты предала Лихость, себя и меня... – он постукивает себя по груди, – отправившись в штаб-квартиру другой фракции.

– Я...

Я глубоко вдыхаю. Он убьет меня, если узнает, кто я такая, я чувствую это. Его пальцы сжимаются в кулаки. Я одна здесь; если со мной что-то случится, никто не узнает и никто не увидит.

– Если ты не в состоянии объяснить, – тихо произносит он, – возможно, мне придется пересмотреть твой ранг. Или, поскольку ты кажешься настолько привязанной к своей бывшей фракции... возможно, мне придется пересмотреть ранги твоих друзей. Возможно, маленькая альтруистка внутри тебя отнесется к этому более серьезно.

Моя первая мысль – что он не может этого сделать, что это нечестно. Вторая – что, разумеется, может и не замедлит ни на секунду. И он прав... при мысли, что мое опрометчивое поведение может вытеснить из фракции кого-то другого, в груди все замирает от страха.

Я пытаюсь еще раз.

– Я...

Но мне тяжело дышать.

А затем дверь отворяется. Входит Тобиас.

– Что ты делаешь? – спрашивает он Эрика.

– Выйди из комнаты.

Голос Эрика становится громче, не таким монотонным. Теперь он больше похож на знакомого мне Эрика. Его лицо тоже меняется, становится подвижным и оживленным. Я таращусь на него, пораженная тем, как легко он может надевать и снимать маску, гадая, какая стратегия за этим стоит.

– Нет, – возражает Тобиас. – Она просто глупая девчонка. Ни к чему тащить ее сюда и допрашивать.

– Просто глупая девчонка, – фыркает Эрик. – Будь она просто глупой девчонкой, разве она получила бы первый ранг?

Тобиас берется двумя пальцами за переносицу и смотрит на меня

между ними. Он пытается мне что-то сказать. Я быстро размышляю. Какой совет давал мне Четыре в последнее время?

Единственное, что приходит на ум: «Притворись уязвимой».

Это уже один раз сработало.

– Я... я просто была смущена и не знала, что делать.

Я засовываю руки в карманы и смотрю в пол. Затем щиплю себя за ногу так сильно, что слезы наворачиваются на глаза, и поднимаю взгляд на Эрика, хлюпая носом.

– Я попыталась... и... – Я качаю головой.

– Что попыталась? – спрашивает Эрик.

– Поцеловать меня, – отвечает Тобиас. – Но я ее отверг, и она сбежала, как пятилетка. Ее действительно не в чем винить, кроме глупости.

Мы оба ждем.

Эрик переводит взгляд с меня на Тобиаса и смеется, слишком громко и слишком долго... его смех звучит угрожающе и скребет, как наждачная бумага.

– Не рановато ли для тебя, Трис? – Он снова улыбается.

Я вытираю щеку, как будто смахиваю слезу.

– Можно идти?

– Ладно, – соглашается Эрик, – но впредь не смей покидать лагерь без сопровождения, ясно?

Он поворачивается к Тобиасу.

– А ты... лучше постарайся, чтобы переходники больше не покидали наш лагерь. И чтобы не лезли к тебе с поцелуями.

Тобиас закатывает глаза.

– Договорились.

Я выхожу из комнаты на улицу, встряхивая руками, чтобы избавиться от дрожи. Сажусь на мостовую и обнимаю колени.

Не знаю, как долго я сижу здесь, опустив голову и закрыв глаза, прежде чем дверь снова открывается. Возможно, проходит минут двадцать, возможно, час. Тобиас идет ко мне.

Я встаю и скрещиваю руки на груди в ожидании выволочки. Я ударила его, а затем ввязалась в неприятности с лихачами – выволочки не избежать.

– Что? – спрашиваю я.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Между его бровями появляется складка, и он нежно касается моей щеки. Я смахиваю его руку.

– Ну, – начинаю я, – сначала мне дали нагоняй у всех на виду, затем пришлось болтать с женщиной, которая пытается уничтожить мою

бывшую фракцию, и наконец Эрик едва не вышвырнул моих друзей из Лихости, так что да, денек был из приятных, *Четыре*.

Он качает головой и смотрит на полуразрушенное здание справа от себя, которое сделано из кирпича и мало напоминает гладкую стеклянную иглу за моей спиной. Наверное, оно древнее. Никто больше не строит из кирпича.

– Да и вообще, какое тебе дело? Ты можешь быть либо жестоким инструктором, либо заботливым бойфрендом.

Я напрягаюсь при слове «бойфрендом». Я не собиралась использовать его так легкомысленно, но уже слишком поздно.

– Нельзя играть обе роли одновременно.

– Я не жестокий, – хмурится он. – Я защищал тебя сегодня утром. Как по-твоему, что сделали бы Питер и его идиоты-друзжки, если бы узнали, что мы с тобой...

Он вздыхает.

– Ты ни за что бы не победила. Они бы непременно объявили твой ранг результатом моего покровительства, а не твоего мастерства.

Я открываю рот, чтобы возразить, но не могу. На ум приходит несколько достойных ответов, но я отмахиваюсь от них. Он прав. Мои щеки горят, и я остужаю их ладонями.

– Не надо было меня оскорблять, чтобы что-то им доказать, – наконец говорю я.

– А тебе не надо было сбегать к брату, только потому что я тебя обидел. – Он скребет в затылке. – К тому же... разве это не сработало?

– За мой счет.

– Я не думал, что это так на тебя повлияет. – Он опускает взгляд и пожимает плечами. – Иногда я забываю, что могу причинить тебе боль. Что тебе можно причинить боль.

Я засовываю руки в карманы и раскачиваюсь на пятках. Меня пронизывает странное чувство – приятная ноющая слабость. Он сделал то, что сделал, потому что верил в мою силу.

Дома сильным был Кaleb, потому что умел забывать о себе, потому что все качества, которые ценили мои родители, давались ему без труда. Никто и никогда не был так убежден в моей силе.

Я встаю на цыпочки, запрокидываю голову и целую его. Наши губы едва соприкасаются.

– Ты знаешь, что ты потрясающий? – Я качаю головой. – Всегда точно знаешь, что делать.

– Только потому, что долго думал об этом. – Он быстро целует меня. –

О том, что бы делал, если бы мы с тобой...

Он отстраняется и улыбается.

– Мне послышалось или ты назвала меня своим бойфрендом, Трис?

– Не совсем. – Я пожимаю плечами. – А что? Хочешь, чтобы называла?

Он обхватывает меня ладонями за шею и нажимает большими пальцами под подбородок, запрокидывая мне голову, чтобы прижаться лбом к моему лбу. Мгновение он просто стоит с закрытыми глазами и дышит одним воздухом со мной. Я чувствую пульс в кончиках его пальцах. Чувствую его учащенное дыхание. Похоже, он нервничает.

– Да, – наконец отвечает он.

Затем его улыбка гаснет.

– Как ты думаешь, он поверил, что ты просто глупая девчонка?

– Надеюсь. Иногда полезно быть маленькой. Но я не уверена, что смогла убедить эрудитку.

Уголки его рта опускаются, и он мрачно смотрит на меня.

– Я должен кое-что тебе сказать.

– Что именно?

– Не сейчас. – Он оглядывается. – Встретимся здесь в половине двенадцатого. Никому не говори, куда идешь.

Я киваю, и он поворачивается и уходит так же быстро, как и пришел.

– Где ты была весь день? – спрашивает Кристина, когда я возвращаюсь в спальню. В комнате пусто, видимо, все на ужине. – Я искала тебя на улице, но не нашла. Все нормально? Тебя наказали за то, что ты ударила Четыре?

Я качаю головой. При мысли о том, чтобы рассказать ей, где я на самом деле была, на меня наваливается усталость. Как я смогу объяснить порыв вскочить на поезд и навестить своего брата? Или жуткое спокойствие в голосе Эрика, когда он меня допрашивал? Или, для начала, причину, по которой я взорвалась и ударила Тобиаса?

– Мне просто нужно было уйти. Я долго бродила вокруг лагеря. И нет, меня не наказали, – отвечаю я. – Он накричал на меня, я извинилась... вот и все.

Я старательно смотрю ей в глаза и держу руки по швам.

– Хорошо, – произносит она. – Потому что мне нужно кое-что тебе рассказать.

Она смотрит поверх моей головы на дверь и встает на цыпочки, чтобы оглядеть все кровати – возможно, проверяет, пусты ли они. Затем она кладет ладони мне на плечи.

– Можешь побыть девочкой пару секунд?

– Я и есть девочка, – хмурюсь я.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Глупенькой, жеманной девочкой.

Я накручиваю локон на палец.

– Конечно.

Она улыбается так широко, что видны все зубы.

– Уилл поцеловал меня.

– Что? Когда? Как? Что случилось?

– Ты можешь быть девочкой! – Она выпрямляется, убирая руки с моих плеч. – В общем, сразу после твоей вспышки мы обедали, а потом гуляли у железнодорожных путей. Просто разговаривали о... Я даже не помню о чем. А потом он просто остановился, наклонился и... поцеловал меня.

– Ты знала, что нравишься ему? – спрашиваю я. – То есть сама понимаешь. В этом смысле.

– Нет! – Она смеется. – Самое замечательное, что ничего не изменилось. Мы просто пошли дальше, разговаривая, как будто ничего не случилось. Ну, пока я не поцеловала его.

– Как давно ты поняла, что он тебе нравится?

– Не знаю. Наверное, сначала он мне не нравился. Но потом всякие мелочи... то, как он обнял меня на похоронах, как открывает мне двери, словно я обычная девушка, а не соперник, только что избивший его до полусмерти...

Я смеюсь. Внезапно мне хочется рассказать ей о Тобиасе и всем, что между нами произошло. Но меня сдерживают те же причины, по которым Тобиас решил притвориться, будто мы не вместе. Я не хочу, чтобы она думала, что мой ранг как-то связан с нашими отношениями.

Так что я просто говорю:

– Я счастлива за тебя.

– Спасибо, – отвечает она. – Я тоже счастлива. Хотя думала, что мне нескоро доведется вновь почувствовать себя счастливой... ну, ты знаешь.

Она садится на край моей кровати и оглядывается. Некоторые неофиты уже собрали свои вещи. Скоро мы переберемся в помещения на другой стороне лагеря. Те, кто получит работу в правительстве, переедут в стеклянное здание над Ямой. Мне не придется больше беспокоиться, что Питер нападет на меня во сне. Не придется смотреть на пустую кровать Ала.

– Поверить не могу, что все почти закончилось, – говорит она. – Такое чувство, что мы только что попали сюда. И в то же время мне кажется... кажется, что я вечность не видела дома.

– Ты скучаешь по нему? – Я прислоняюсь к корпусу кровати.

– Угу. – Она пожимает плечами. – Но кое-что совсем не изменилось. В смысле, дома все такие же шумные, как и здесь, так что это хорошо. Но там проще. Всегда знаешь, в каких ты отношениях с другими, потому что они тебе об этом говорят. Там нет... манипуляций.

Я киваю. Альтруизм подготовил меня к этой стороне жизни Лихости. Альтруисты не манипулируют людьми, но и откровенными их не назовешь.

– Впрочем, я вряд ли смогла бы выдержать инициацию Правдолюбия. – Она качает головой. – Там вместо симуляций проходишь проверку на детекторе лжи. Весь день, каждый день. А последний тест...

Она морщит нос.

– Тебе дают какую-то дрянь под названием «сыворотка правды», сажают перед всеми и задают кучу по-настоящему личных вопросов. Теоретически, если ты выдашь все свои секреты, у тебя навсегда пропадет желание лгать. Вроде как худшее о тебе уже известно, так почему не быть просто честным?

Не знаю, когда я успела собрать столько секретов. Я – дивергент. Страхи. Подлинные чувства к друзьям, родным, Алу, Тобиасу. Инициация Правдолюбия докопалась бы до того, что неподвластно даже симуляциям; она уничтожила бы меня.

– Звучит ужасно, – замечаю я.

– Я всегда знала, что не могу быть правдолюбкой. В смысле, я стараюсь быть честной, но некоторые вещи лучше держать при себе. К тому же мне не нравится, когда мои мысли контролируют.

А кому из нас нравится?

– Ладно.

Она распахивает шкафчик слева от нашей двухъярусной кровати. Из открытой дверцы вылетает моль, белые крылья несут ее к лицу Кристины. Подруга визжит так громко, что я едва не выпрыгиваю из штанов и шлепаю ее по щекам.

– Убери ее! Убери, убери, убери, убери! – верещит она.

Моль улетает.

– Она улетела. – Я смеюсь. – Ты боишься... моли?

– Гадость какая. Тонкие крылышки, дурацкая жирная тушка...

Она содрогается.

Я продолжаю смеяться. Я смеюсь так сильно, что сажусь и хватаюсь за живот.

– Это не смешно! – рывкает она. – Ну... ладно, может быть, и смешно. Чуть-чуть.

Когда я встречаю Тобиаса позже вечером, он ничего не говорит, просто хватая меня за руку и тащит к железнодорожным путям.

Он с изумительной легкостью запрыгивает в вагон и поднимает меня за собой. Я падаю на него, прижимаюсь щекой к его груди. Его пальцы скользят по моим плечам, и он держит меня за локти, пока вагон подпрыгивает на стальных рельсах. Я смотрю, как стеклянное здание над лагерем Лихости съезживается позади.

– Что ты собирался мне сказать? – Я перекрикиваю рев ветра.

– Еще не время.

Он плюхается на пол и увлекает меня за собой, так что он сидит спиной к стене, а я лицом к нему, свесив ноги на пыльный пол. Ветер выбивает пряди из моих волос и швыряет мне в лицо. Тобиас прижимает ладони к моему лицу, скользит указательными пальцами за уши и прижимает к губам.

Я слышу скрежет рельсов – поезд замедляет ход, а значит, мы приближаемся к центру города. Воздух холодный, но губы Тобиаса теплые, как и его руки. Он наклоняет голову и целует меня в подбородок. Хорошо, что рев ветра заглушает мой вздох.

Вагон шатает, я теряю равновесие и опускаю руку, чтобы не упасть. Через долю секунды я понимаю, что моя рука упирается в его бедро. Под ладонью чувствуется кость. Я должна убрать руку, но не хочу. Как-то раз он сказал, что я должна быть храброй, и хотя я не шевелилась, когда ножи летели мне в лицо, когда прыгала с крыши, мне и в голову не приходило, что храбрость может потребоваться в такие простые мгновения. Но вот потребовалась.

Я ерзаю, перекидываю ногу, усевшись верхом, и с замирающим сердцем целую его. Он выпрямляется, и я чувствую его ладони на плечах. Его пальцы скользят по моей спине, и дрожь спускается за ними к пояснице. Он расстегивает мою куртку на пару дюймов, и я прижимаю ладони к ногам, чтобы они перестали дрожать. Мне не о чем беспокоиться. Это Тобиас.

Холодный воздух касается голой кожи. Тобиас отстраняется и внимательно смотрит на татуировки над моей ключицей. Он гладит их пальцами и улыбается.

– Птицы, – произносит он. – Это вороны? Все время забываю спросить.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ.

– Вороны. По одному для каждого члена моей семьи. Тебе нравится?

Он не отвечает. Он притягивает меня ближе, прижимается губами к каждой птице по очереди. Я закрываю глаза. Его прикосновения легкие, нежные. Томное, теплое чувство, тягучее, как мед, наполняет мое тело, замедляет мысли. Он касается моей щеки.

– Очень жаль, но пора вставать.

Я киваю и открываю глаза. Мы оба встаем, и он тянет меня за собой к открытой двери вагона. Ветер немного стих, после того как поезд замедлил ход. Уже за полночь, все фонари погасли, и здания похожи на мамонтов, возникая из темноты и вновь погружаясь в нее. Тобиас поднимает руку и указывает на скопление зданий, таких далеких, что они кажутся не больше ногтя. Это единственная яркая точка в темном море вокруг нас. Снова штаб-квартира Эрудиции.

– Очевидно, городские постановления ничего для них не значат, – произносит он, – потому что свет будет гореть всю ночь.

– Больше никто не замечает? – хмурюсь я.

– Наверняка замечают, но ничего не делают. Возможно, не хотят устраивать шум из-за такого пустяка. – Тобиас пожимает плечами, но его напряженное лицо тревожит меня. – Но мне хотелось бы знать, для чего эрудитам нужен свет по ночам.

Он поворачивается ко мне, прислоняясь к стене.

– Ты должна узнать обо мне две вещи. Во-первых, я отношусь к людям крайне подозрительно. В моем характере ожидать от них самого худшего. А во-вторых, внезапно оказалось, что я прекрасно разбираюсь в компьютерах.

Я киваю. Он говорил, что его вторая работа связана с компьютерами, но мне все равно трудно представить, как он целый день сидит перед монитором.

– Несколько недель назад, перед началом обучения, я был на работе и нашел путь в секретные файлы Лихости. По-видимому, мы не так искушены в секретности, как эрудиты. То, что я обнаружил, походило на военные планы. Слабо завуалированные команды, списки припасов, карты. Все в таком духе. И эти файлы были присланы эрудитами.

– Война? – Я смахиваю волосы с лица.

Всю жизнь я слушала, как отец оскорбляет эрудитов, и научилась остерегаться их, а опыт, полученный в лагере Лихости, научил меня остерегаться властей и людей в целом, так что меня не шокирует мысль, будто фракция способна планировать войну.

И еще слова Калеба. «Происходит что-то важное, Беатрис». Я поднимаю глаза на Тобиаса.

– Война с Альтруизмом?

Он берет меня за руки, переплетает пальцы с моими и отвечает:

– С фракцией, которая контролирует правительство. Да.

У меня екает в животе.

– Все эти отчеты должны вызвать возмущение против Альтруизма. –

Он не сводит глаз с города позади поезда. – Очевидно, эрудиты хотят ускорить процесс. Понятия не имею, что с этим делать... и что вообще можно сделать.

– Но почему эрудиты решили объединиться с лихачами? – спрашиваю я.

И тут до меня кое-что доходит, вышибает воздух из груди, грызет внутренности. У эрудитов нет оружия, и они не умеют воевать... зато лихачи умеют.

Я смотрю на Тобиаса широко распахнутыми глазами.

– Они используют нас, – говорю я.

– Интересно, как они заставят нас воевать? – задумчиво произносит он.

Я говорила Калебу, что эрудиты умеют манипулировать людьми. Они могут заставить нас воевать, прибегнув к дезинформации или надавив на жадность... способов хватает. Но эрудиты к тому же дотошны и потому не оставят это на волю случая. Они обязательно укрепят все свои слабые места. Но как?

Ветер бросает волосы мне на лицо, режет поле зрения на полосы, но я не шевелюсь.

– Не знаю, – отвечаю я.

Глава 29

Я посещала церемонии инициации Альтруизма каждый год, кроме нынешнего. Это тихое мероприятие. Неофиты, которые тридцать дней занимались общественной работой, прежде чем стать полноценными членами фракции, сидят бок о бок на скамейке. Кто-то из старших читает манифест Альтруизма, представляющий собой короткий абзац о том, как важно забывать о себе и как опасна поглощенность собой. Затем старшие члены фракции моют ноги неофитам. После они разделяют трапезу, прислуживая соседу слева.

Лихачи этого не делают.

День инициации повергает лагерь Лихости в безумие и хаос. Повсюду люди, и большинство из них напиваются к полудню. Я пробираюсь среди них, чтобы взять еды на обед и унести ее в спальню. По дороге я вижу, как кто-то падает с тропинки у стены Ямы, и судя по его крикам и тому, как он хватается за ногу, у него что-то сломано.

В спальне, по крайней мере, тихо. Я смотрю в свою тарелку с едой. Я просто схватила то, что показалось мне привлекательным, и теперь, приглядевшись, понимаю, что выбрала простую куриную грудку, ложку гороха и кусок ржаного хлеба. Пищу Альтруизма.

Я вздыхаю. Альтруизм у меня в крови. Я альтруистка, когда не думаю о том, что делаю. Когда меня подвергают проверке. Даже когда пытаюсь казаться храброй. Я выбрала не ту фракцию?

При мысли о бывшей фракции у меня дрожат руки. Надо предупредить семью о войне, которую замышляют эрудиты, но я не знаю как. Я найду способ, но не сегодня. Сегодня надо сосредоточиться на том, что меня ожидает. Не больше одной проблемы за раз.

Я ем как робот, переходя от курицы к гороху и хлебу и обратно. Неважно, к какой фракции я на самом деле принадлежу. Через два часа я войду в зал пейзажа страха с другими неофитами, пройду сквозь свой пейзаж и стану лихачкой. Слишком поздно поворачивать назад.

Закончив, я утыкаюсь лицом в подушку. Я и не думала спать, но через некоторое время просыпаюсь от того, что Кристина трясет меня за плечо.

– Пора идти. – Она пепельно-бледная.

Я тру глаза, чтобы прогнать сон. Ботинки уже на мне. Остальные неофиты бродят по спальне, завязывают шнурки, застегивают куртки и небрежно рассыпают улыбки. Я стягиваю волосы в пучок и надеваю свою

черную куртку, наглухо застегнув молнию. Пытка скоро закончится, но сможем ли мы забыть симуляции? Сможем ли вновь крепко спать, несмотря на воспоминания о пережитых страхах? Или наконец отбросим сегодня свои страхи, как предполагается?

Мы идем к Яме и вверх по тропинке, которая ведет в стеклянное здание. Я поднимаю глаза на стеклянный потолок. Дневного света не видно, потому что каждый дюйм стекла покрывают подошвы ботинок. На мгновение мне кажется, будто стекло трещит, но это всего лишь мое воображение. Я поднимаюсь по лестнице вместе с Кристиной и задыхаюсь в толпе.

Я слишком низенькая, чтобы видеть поверх чужих голов, и потому смотрю Уиллу в спину и иду за ним по пятам. От жара несметного количества тел тяжело дышать. Капли пота выступают на лбу. Через брешь в толпе видно, вокруг чего все сгрудились: вокруг ряда экранов на стене слева.

Я слышу одобрительные возгласы и останавливаюсь, чтобы посмотреть на экран. На левом экране – одетая в черное девушка в зале пейзажа страха. Марлин. Я вижу, как она двигается, ее глаза широко распахнуты, но с каким препятствием она столкнулась – непонятно. Слава богу, никто здесь не увидит моих страхов – только реакцию на них.

На среднем экране – ее пульс. Он на мгновение подскакивает и затем снижается. Когда он достигает нормы, экран вспыхивает зеленым, и лихачи аплодируют. На правом экране – ее время.

Я отрываю глаза от экрана и бегом догоняю Кристину и Уилла. Тобиас стоит за дверью на левой стороне, которую я едва ли заметила в свое последнее посещение. Она рядом с залом пейзажа страха. Я прохожу мимо, не глядя на Тобиаса.

Комната большая, в ней висит еще один экран, такой же, как снаружи. Перед ним на стульях сидит ряд людей. Среди них Эрик и Макс. Остальные тоже из старших. Судя по проводам, присоединенным к их головам, и отсутствующим взглядам, они наблюдают за симуляцией.

За их спинами – второй ряд стульев. Я вхожу последней, так что мне не достается места.

– Эй, Трис! – кричит Юрайя через всю комнату.

Он сидит с другими неофитами-лихачами. Их осталось всего четверо, остальные уже прошли через свои пейзажи страха. Он похлопывает себя по ноге.

– Можешь сесть мне на колени, если хочешь.

– Соблазнительно, – усмехаюсь я. – Все нормально. Я постою.

Кроме того, мне не хочется, чтобы Тобиас видел, как я сижу на чужих коленях.

В комнате пейзажа страха загораются огни, обнаруживая Марлин на корточках, с заплаканным лицом. Макс, Эрик и еще несколько человек стряхивают симуляционное оцепенение и выходят. Через пару секунд я вижу их на экране, они поздравляют Марлин с окончанием испытания.

– Переходники, вы отправитесь на финальный тест в соответствии с текущими рангами, – произносит Тобиас. – Таким образом, Дрю пойдет первым, Трис – последней.

Это значит, что передо мной пять человек.

Я стою в глубине комнаты, в нескольких футах от Тобиаса. Мы обмениваемся взглядами, когда Эрик втыкает в Дрю иглу и отправляет его в зал пейзажа страха. Когда подойдет моя очередь, я буду знать, как справились остальные и как мне нужно выступить, чтобы победить их.

Наблюдать за пейзажами страха снаружи неинтересно. Я могу видеть, что Дрю движется, но не знаю, на что он реагирует. Через несколько минут я закрываю глаза, вместо того чтобы наблюдать, и стараюсь выкинуть все мысли из головы. Бесполезно сейчас рассуждать, с какими страхами мне предстоит встретиться и сколько их будет. Надо просто помнить, что я умею манипулировать симуляциями и уже проделывала это прежде.

Следующей идет Молли. Она справляется вдвое быстрее, чем Дрю, но даже у Молли возникают проблемы. Она проводит слишком много времени, тяжело дыша, пытаясь справиться с паникой. В какой-то момент она даже вопит во всю глотку.

Забавно, как легко оказалось отрешиться от всего остального... мысли о войне с Альтруизмом, Тобиасе, Калебе, родителях, друзьях, новой фракции тают. Все, что я могу сейчас сделать, – это справиться с препятствием.

Кристина следующая. Затем Уилл. Затем Питер. Я не наблюдаю за ними. Я знаю только, сколько времени они тратят: двенадцать минут, десять минут, пятнадцать минут. И наконец мое имя.

– Трис.

Я открываю глаза и выхожу вперед, где ждет Эрик с полным шприцем оранжевой жидкости. Я почти не замечаю иглу, когда она вонзается в мою шею, почти не вижу утыканное пирсингом лицо Эрика, нажимающего на поршень. Я воображаю, будто сыворотка – жидкий адреналин, бурлящий в моих венах, придающий мне силы.

– Готова? – спрашивает он.

Глава 30

Я готова. Я захожу в комнату, вооруженная не пистолетом или ножом, а планом, составленным прошлой ночью. Тобиас говорил, что третья ступень посвящена интеллектуальной подготовке... разработке стратегий по преодолению страхов.

Жаль, я не знаю, в каком порядке последуют страхи. Я покачиваюсь на пятках и жду первого страха. Мне уже не хватает воздуха.

Земля под ногами меняется. Трава вырастает из бетона и колыхается на ветру, которого я не чувствую. Зеленое небо сменяет голые трубы над головой. Я слушаю птиц и чувствую свой страх, учащенное сердцебиение и недостаток воздуха как нечто далекое, но не существующее в моем сознании. Тобиас сказал, что я должна понять смысл этой симуляции. Он был прав: дело не в птицах. Дело в контроле.

Крылья хлопают над моим ухом, и вороньи когти впиваются в плечо.

На этот раз я не бью птицу со всей силы. Я приседаю, слушая рокот крыльев за спиной, и провожу рукой по траве, над самой землей. Что противостоит бессилию? Сила. И я впервые почувствовала себя сильной в лагере Лихости, когда держала пистолет.

В горле встает комок, и я хочу, чтобы когти убрались. Птица верещит, и у меня сводит живот, но затем я нащупываю в траве что-то твердое и металлическое. Мой пистолет.

Я наставляю пистолет на птицу на плече, и она срывается с футболки взрывом крови и перьев. Я поворачиваюсь на пятках, целясь в небо, и вижу снижающуюся стаю темных перьев. Я нажимаю на спуск, снова и снова стреляя в море птиц над головой, наблюдая, как их темные тушки осыпаются на траву.

Пока я целюсь и стреляю, меня настигает тот же прилив сил, что и в первый раз, когда я держала пистолет. Сердце перестает бешено колотиться, и поле, пистолет и птицы тают. Я снова стою в темноте.

Я переступаю с ноги на ногу и слышу скрип. Я приседаю и провожу рукой по холодной гладкой поверхности – стеклу. Со всех сторон мои ладони встречают стекло. Снова аквариум. Я не боюсь утонуть. Дело не в воде, дело в невозможности спастись из аквариума. Дело в слабости. Надо просто убедить себя, что я достаточно сильная, чтобы разбить стекло.

Загораются голубоватые огни, и на пол сочится вода, но я не позволю симуляции зайти слишком далеко. Я бью ладонью по стенке перед собой в

ожидании, что стекло расколется.

Ладонь отскакивает, не причиняя никакого вреда.

У меня учащается пульс. Что, если прием, сработавший в первой симуляции, не работает здесь? Что, если я могу разбить стекло только под давлением? Вода поднимается выше лодыжек, хлещет все быстрее с каждой секундой. Надо успокоиться. Успокоиться и сосредоточиться. Я прислоняюсь к стене за спиной и со всей силы бью ногой. И еще раз. Я ушибаю пальцы, но ничего не происходит.

Есть и другая возможность. Можно подождать, пока вода наполнит аквариум... она уже поднялась до колен... и постараться успокоиться, пока буду тонуть. Я обхватываю себя руками, стоя у стены, и качаю головой. Нет. Я не могу позволить себе утонуть. Не могу.

Я сжимаю кулаки и молочу по стене. Я сильнее стекла. Стекло тонкое, как свежая корочка льда. Мой разум сделает это правдой. Я закрываю глаза. Стекло – это лед. Стекло – это лед. Стекло – это...

Стекло трескается под рукой, и вода льется на пол. И возвращается темнота.

Я встряхиваю руки. Это препятствие должно было оказаться простым. Я уже сталкивалась с ним в симуляциях. Нельзя больше терять время подобным образом.

Сбоку ударяет что-то вроде сплошной стены, выбивая воздух из легких, и я падаю навзничь, задыхаясь. Я не могу плыть. В реальности такие огромные, такие могучие массы воды я видела только на картинках. Подо мной острые камни, скользкие от воды. Вода тащит меня за ноги, и я цепляюсь за скалу, чувствуя вкус соли на губах. Уголком глаза я вижу темное небо и кроваво-красную луну.

Налетает вторая волна, бьет в спину. Я ударяюсь подбородком о камень и морщусь. Море холодное, но кровь, текущая по шее, горячая. Я вытягиваю руку и нащупываю край скалы. Вода тянет за ноги с непреодолимой силой. Я цепляюсь как могу, но я недостаточно сильная... вода тащит меня, а волна отбрасывает мое тело назад. Она закидывает мои ноги поверх головы, распластывает руки в стороны, и я налетаю на камень спиной. Вода перехлестывает через лицо. Легкие раздирает от недостатка воздуха. Я перекручиваюсь и хватаюсь за край скалы, подтягиваясь над водой. Я ловлю воздух ртом, и очередная волна ударяет меня, на этот раз сильнее, но я лучше держусь.

На самом деле я не должна бояться воды. Я должна бояться потери контроля. Чтобы встретиться со своим страхом, я должна вновь обрести контроль над происходящим.

С криком разочарования я выбрасываю руку вперед и нахожу дыру в скале. Мои руки отчаянно дрожат, когда я подтягиваюсь и подбираю ноги под себя, прежде чем волна успевает унести меня за собой. Освободившись, я немедленно встаю и бегу по камню, проворно перебирая ногами; алая луна светит впереди, океан исчезает.

Затем исчезает все, и мое тело становится неподвижным. Слишком неподвижным.

Я пытаюсь пошевелить руками, но они крепко привязаны к бокам. Я опускаю взгляд и вижу веревочные путы на груди, руках и ногах. Внизу сложены поленья, за спиной – столб. Я высоко над землей.

Из теней появляются люди, их лица мне знакомы. Это неопиты с факелами, и первым идет Питер. Его глаза похожи на черные провалы, и он ухмыляется так широко, что на щеках появляются морщины. Где-то в центре толпы зарождается смех и становится все громче по мере того, как к нему присоединяется голос за голосом. Гогот – все, что я слышу.

Гогот нарастает, Питер подносит факел к дереву, и у самой земли вспыхивают языки пламени. Они пляшут на концах поленьев и крадутся вверх по коре. Я не пытаюсь разорвать путы, как при первой встрече с этим страхом. Вместо этого я закрываю глаза и вдыхаю как можно больше воздуха. Это симуляция. Она не может мне навредить. Вокруг поднимается жар пламени. Я качаю головой.

– Чувствуешь запах, Сухарь? – Голос Питера громче гогота.

– Нет.

Языки пламени растут.

Он принюхивается.

– Это запах твоей горячей плоти.

Когда я открываю глаза, все расплывается от слез.

– Знаешь, какой запах я чувствую?

Я напрягаю голос, чтобы перекриковать смех вокруг, смех, который терзает не меньше жара. Мои руки дергаются, и мне хочется бороться с путами, но я не стану, не стану тратить силы напрасно, не стану паниковать.

Я смотрю сквозь огонь на Питера, от жара кровь приливает к щекам, жар течет сквозь меня, плавит носки ботинок.

– Запах дождя, – сообщаю я.

Гром грохочет над моей головой, и я кричу, когда пламя касается кончиков пальцев и боль разливается по коже. Я запрокидываю голову и сосредоточиваюсь на собирающихся на небе облаках, тяжелых от дождя, темных от дождя. Молния раскалывает небо, и первая капля падает мне на

лоб. «Скорее, скорее!» Капля скатывается по носу, вторая падает на плечо, такая большая, что кажется, будто она сделана изо льда или из камня, а не из воды.

Дождь льет стеной, и сквозь смех я слышу шипение. Я с облегчением улыбаюсь, когда дождь гасит огонь и остужает ожоги на ладонях. Веревки распадаются, и я запускаю руки себе в волосы.

Хорошо бы у меня было всего четыре страха, как у Тобиаса, но я не настолько бесстрашна.

Я разглаживаю футболку, а подняв глаза, обнаруживаю, что стою в своей спальне в секторе Альтруизма. Этот страх мне незнаком. Огни погашены, но лунный свет льется в окна. Одна из стен покрыта зеркалами. Я в замешательстве поворачиваюсь к ней. Это неправильно. Мне не позволено иметь зеркала.

Я смотрю на отражение в зеркале: мои широко распахнутые глаза, кровать с туго натянутыми серыми простынями, комод с одеждой, книжный шкаф, голые стены. Я перевожу взгляд на окно за моей спиной.

И на мужчину снаружи.

Холодок стекает по спине, словно капля пота, и тело цепенеет. Я узнаю его. Это мужчина со шрамами на лице из проверки склонностей. Он одет в черное и стоит неподвижно, как статуя. Я моргаю, и двое мужчин появляются слева и справа от него, такие же неподвижные, но их лица лишены черт – обтянутые кожей черепа.

Я вихрем оборачиваюсь, и они уже стоят в моей комнате. Я вжимаюсь плечами в зеркало.

Мгновение в комнате царит тишина, а затем в окно молотят кулаки, не два, не четыре, не шесть – десятки кулаков с десятками пальцев сотрясают стекло. Звук вибрирует в грудной клетке, невыносимо громкий; мужчина со шрамами и два его товарища идут ко мне медленными, осторожными движениями.

Они пришли забрать меня, как Питер, Дрю и Ал, пришли убить меня. Я знаю это.

Симуляция. Это симуляция. Сердце колотится в груди; я прижимаю ладонь к стеклу за спиной и отвожу его влево. Это не зеркало, а дверь кладовки. Я говорю себе, где должно быть оружие. Оно висит у правой стены, всего в нескольких дюймах от моей руки. Я не свожу взгляда с мужчины со шрамами, но нащупываю пистолет кончиками пальцев и обхватываю его рукоятку.

Я закусываю губу и стреляю в мужчину со шрамами. Я не жду, упадет ли он... а по очереди целюсь в мужчин без лица, как можно быстрее. Губа

болит, оттого что я ее так сильно закусил. Грохот у окна прекращается, сменяется скрежетом, и кулаки превращаются в руки со скрюченными пальцами, которые скребут по стеклу, пытаются нащупать путь внутрь. Стекло скрипит под напором, трескается и разбивается.

Я визжу.

В магазине недостаточно патронов.

Бледные тела – человеческие тела, но искореженные, с изогнутыми под неестественными углами руками, слишком широко распахнутыми ртами с зубами-иглами, пустыми глазницами – валяются в мою спальню одно за другим и пытаются встать на ноги, ползут ко мне. Я прячусь в кладовку и закрываю за собой дверь. Решение. Мне нужно решение. Я опускаюсь на корточки и прижимаю боковую поверхность пистолета к голове. Я не могу их перестрелять. Не могу перестрелять, а значит, должна успокоиться. Пейзаж страха отметит мой замедлившийся пульс и ровное дыхание и перейдет к следующему препятствию.

Я сажусь на пол кладовки. Стена за спиной скрипит. Я слышу грохот – кулаки снова взялись за дело и молотят по двери кладовки, – но поворачиваюсь и вглядываюсь сквозь темноту в панель позади. Это не стена, а еще одна дверь. Я ощупью отвожу ее в сторону и вижу коридор на втором этаже. Улыбаясь, я пролезаю сквозь щель и встаю. Пахнет свежей выпечкой. Я дома.

Глубоко вдохнув, я смотрю, как мой дом тает. На мгновение я забыла, что нахожусь в штаб-квартире Лихости.

Передо мной появляется Тобиас.

Но я не боюсь Тобиаса. Я оборачиваюсь. Возможно, за моей спиной – то, на чем следует сосредоточиться. Но нет... позади только кровать с балдахином.

Кровать?

Тобиас медленно идет ко мне.

«Что происходит?»

Парализованная, я поднимаю на него взгляд. Он улыбается мне. Его улыбка выглядит доброй. Знакомой.

Он целует меня, и я приоткрываю губы. Я думала, невозможно забыть, что я в симуляции. Я ошибалась: он заставляет все остальное раствориться.

Его пальцы находят молнию куртки и расстегивают ее медленным слитным движением. Он стягивает куртку с моих плеч.

«Ого, – все, что я могу думать, когда он снова целует меня. – Ого».

Мой страх – быть с ним. Я всю жизнь остерегалась привязанности, но не знала, как глубоко укоренилось это беспокойство.

Но это препятствие ощущается иначе, чем другие. Это иной род страха – не слепой ужас, а нервная паника.

Он скользит ладонями по моим рукам и сжимает мои бедра, его пальцы проводят по коже над ремнем, и я содрогаюсь.

Я осторожно отталкиваю его и прижимаю руки ко лбу. На меня напали вороны и мужчины с уродливыми лицами; меня поджег парень, который чуть не сбросил меня с обрыва; я едва не утонула, причем дважды, – и вот теперь не в состоянии справиться с *этим*? Значит, *это* тот страх, для которого у меня нет решения, – симпатичный парень, который хочет... заняться со мной сексом?

Поддельный Тобиас целует мою шею.

Я пытаюсь размышлять. Я должна встретиться с этим страхом лицом к лицу. Должна обрести контроль над ситуацией и найти способ сделать ее менее пугающей.

Я смотрю поддельному Тобиасу в глаза и строго говорю:

– Я не стану спать с тобой в галлюцинации. Ясно?

Затем я хватаю его за плечи и разворачиваю вместе с собой, прижимая к столбику кровати. Я чувствую нечто иное, чем страх... покалывание в животе, пузырьки смеха. Я прижимаюсь к Тобиасу и целую его, обвивая руками. Он такой сильный. Такой... сладкий.

И он исчезает.

Я смеюсь в кулачок, пока лицу не становится жарко. Наверное, я единственный неофит с таким страхом.

Щелкает взводимый курок.

Я совсем забыла об этом страхе. Я чувствую в руке тяжесть пистолета и смыкаю на нем пальцы, скользнув указательным на спуск. С потолка падает луч, его источник остается неведомым, и в центре круга света стоят мои мать, отец и брат.

– Сделай это, – шипит голос рядом со мной. Женский, но скрипучий голос, словно набитый камнями и осколками стекла. Похожий на голос Жанин.

К виску прижимается холодный кружок дула пистолета. Холодок путешествует по телу, вздыбливает волосы на затылке. Я вытираю потную ладонь о брюки и краешком глаза смотрю на женщину. Это Жанин. Ее очки перекошены, в глазах нет и намек на чувство.

Мой худший страх – что родные умрут, и я буду в этом виновата.

– Давай. – Она становится настойчивее. – Давай, или я тебя убью.

Я смотрю на Калеба. Он кивает, его брови сочувственно сведены.

– Не сомневайся, Трис, – мягко говорит он. – Я все понимаю. Ничего

не поделаешь.

Мои глаза горят.

– Нет.

Горло перехватывает так, что больно говорить. Я качаю головой.

– Даю тебе десять секунд! – кричит женщина. – Десять! Девять!

Я перевожу взгляд с брата на отца. В последний раз, когда я его видела, он взглянул на меня с презрением, но сейчас его глаза широко распахнуты и ласковы. Я никогда не видела его таким в реальной жизни.

– Трис, – произносит он. – У тебя нет выбора.

– Восемь!

– Трис. – Мать улыбается.

У нее славная улыбка.

– Мы любим тебя.

– Семь!

– Заткнись! – Я поднимаю пистолет. Я могу это сделать. Могу застрелить их. Они поймут. Они сами об этом просят. Они не захотели бы, чтобы я принесла себя в жертву. Они даже не настоящие. Это всего лишь симуляция.

– Шесть!

Это неправда. Это ничего не значит. Добрые глаза брата словно сверлят две дыры в моей голове. От пота пистолет становится скользким.

– Пять!

У меня нет выбора. Я закрываю глаза. Подумать. Я должна подумать. В напряженной обстановке на мой пульс влияет только одно: угроза моей жизни.

– Четыре! Три!

Что мне говорил Тобиас? «Самоотверженность и храбрость не так уж далеки друг от друга».

– Два!

Я убираю палец со спуска и роняю пистолет. Прежде чем утратить хладнокровие, я поворачиваюсь и прижимаюсь лбом к дулу пистолета.

«Застрели меня вместо них».

– Один!

Я слышу щелчок и выстрел.

Глава 31

Загорается свет. Дрожа, я стою одна в пустой комнате с бетонными стенами. Я падаю на колени, обхватив себя руками. Когда я вошла, холодно не было, но сейчас меня знобит. Я потираю руки, чтобы избавиться от мурашек.

Я никогда раньше не испытывала подобного облегчения. Все мышцы моего тела расслабляются одновременно, и я снова дышу полной грудью. Не могу представить, как прохожу через свой пейзаж страха в свободное время, подобно Тобиасу. Раньше это казалось мне отвагой, но теперь больше напоминает мазохизм.

Дверь открывается, и я встаю. Макс, Эрик, Тобиас и несколько незнакомых человек по очереди входят в комнату и небольшой толпой встают передо мной. Тобиас улыбается мне.

– Поздравляю, Трис, – произносит Эрик. – Ты успешно завершила последнее испытание.

Я пытаюсь улыбнуться. Не получается. Не могу прогнать воспоминание о пистолете, приставленном к голове. Я все еще чувствую его дуло между бровей.

– Спасибо, – благодарю я.

– Есть еще кое-что, прежде чем ты пойдешь готовиться к приветственному банкету. – Он жестом подзывает к себе одного из незнакомцев.

Женщина с синими волосами протягивает ему маленький черный ящик. Он открывает его и достает шприц и длинную иглу.

При виде них я напрягаюсь. Оранжево-коричневая жидкость в шприце напоминает ту, которую нам впрыскивали перед симуляциями. А с ними должно быть покончено.

– По крайней мере, ты не боишься уколов, – замечает он. – Я впрысну тебе маячок, который активируется, только если тебя сочтут пропавшей. Обычная предосторожность.

– И часто люди пропадают? – хмурюсь я.

– Нечасто, – ухмыляется Эрик. – Это новая разработка, любезность Эрудиции. В течение дня мы обработали всех лихачей, и, полагаю, остальные фракции очень скоро последуют нашему примеру.

У меня сводит живот. Я не могу позволить ему что-либо впрыскивать, особенно нечто, разработанное эрудитами... возможно, даже Жанин. Но и

отказаться я не могу. Если я откажусь, он вновь подвергнет сомнению мою лояльность.

– Хорошо, – с трудом говорю я.

Эрик направляется ко мне с иглой и шприцем в руке. Я убираю волосы с шеи и наклоняю голову набок. Я смотрю в сторону, пока Эрик протирает мою шею антисептической салфеткой и вводит иглу под кожу. По шее разливается боль, резкая, но мимолетная. Он убирает иглу в ящик и наклеивает на место укола пластырь.

– Банкет через два часа, – сообщает он. – На нем будет объявлен твой ранг среди других неофитов, в том числе прирожденных лихачей. Желаю удачи.

Небольшая толпа высыпает из комнаты, но Тобиас задерживается. Он останавливается у двери и манит меня за собой, и я повинуюсь. Стекланный зал над Ямой кишит лихачами, некоторые ходят по канатам у нас над головами, другие болтают и смеются, сбившись в кучки. Он улыбается мне. Похоже, он ничего не видел.

– Говорят, тебе встретилось всего семь препятствий, – замечает он. – Практически неслыханно.

– Ты... ты не наблюдал за симуляцией?

– Только на экранах. Лидеры Лихости – единственные, кто видит все, – отвечает он. – Похоже, они поражены.

– Ну, семь страхов не так поразительны, как четыре, – возражаю я, – хотя тоже неплохо.

– Я удивлюсь, если ты не получишь первый ранг, – заверяет он.

Мы входим в стекланный зал. Толпа еще здесь, но поредела после того, как последний неофит – я – закончил испытание.

Люди замечают меня через несколько секунд. Я держусь рядом с Тобиасом, пока на меня показывают пальцами, но не могу идти достаточно быстро, чтобы избежать одобрительных возгласов, хлопков по плечу, поздравлений. Глядя на людей вокруг, я понимаю, какими странными они показались бы моему отцу и брату и какими нормальными кажутся мне, несмотря на множество металлических колечек в лицах и татуировок на плечах, шеях и торсах. Я улыбаюсь им в ответ.

Мы спускаемся по лестнице в Яму.

– У меня есть вопрос. – Я прикусываю губу. – Что тебе рассказали о моем пейзаже страха?

– Вообще-то ничего. А в чем дело?

– Да так, ерунда. – Я ногой отбрасываю камешек с тропинки.

– Ты собираешься вернуться в спальню? – спрашивает он. – Потому

что если тебе нужен мир и покой, ты можешь остаться со мной до банкета.

У меня сводит живот.

– Что случилось? – спрашивает он.

Я не хочу возвращаться в спальню и не хочу бояться его.

– Идем, – соглашаюсь я.

Он закрывает за нами дверь и сбрасывает ботинки.

– Хочешь воды?

– Нет, спасибо. – Я держу руки перед собой.

– С тобой все в порядке? – Он касается моей щеки, кладет на нее ладонь, перебирает мои волосы длинными пальцами.

Он улыбается и целует меня, придерживая за голову. Жар медленно разливается по мне. И страх, зудящий в груди, как сигнал тревоги.

Не отпуская мои губы, он снимает с меня куртку. Я вздрагиваю, когда она падает, и отталкиваю его, мои глаза горят. Не знаю, почему я так себя чувствую. Я не чувствовала ничего подобного, когда он целовал меня в поезде. Я прижимаю ладони к лицу, закрывая глаза.

– Что? Что не так?

Я качаю головой.

– Не говори мне, будто ничего не случилось.

Его голос холоден. Он хватает меня за руку.

– Слушай. Посмотри на меня.

Я отнимаю ладони от лица и поднимаю взгляд. Его обиженные глаза и яростно стиснутые зубы поражают меня.

– Иногда я задумываюсь, – как можно спокойнее произношу я, – какой тебе в этом прок. В этом... что бы это ни было.

– Какой мне в этом прок, – повторяет он и отступает, качая головой. – Ты идиотка, Трис.

– Я не идиотка. И потому прекрасно вижу, насколько странно, что из всех девчонок на свете ты выбрал меня. Как будто тебе нужно только... гм, ну ты знаешь... *это*...

– Что именно? Секс? – Он сердито смотрит на меня. – Знаешь, если бы мне было нужно только это, ты не была бы первой в моем списке.

У меня такое чувство, будто он ударил меня под дых. Конечно, я не первая в его списке... не первая, не самая красивая, не желанная. Я прижимаю ладони к животу и отворачиваюсь, борясь со слезами. Я не из тех, кто плачет. И не из тех, кто кричит. Я несколько раз моргаю, опускаю руки и смотрю на него.

– Я ухожу, – тихо говорю я. И поворачиваюсь к двери.

– Нет, Трис.

Он хватается меня за запястье и заставляет вернуться. Я со всей силы отпихиваю его, но он хватается мое второе запястье, удерживая скрещенные руки между нами.

– Извини, что сказал это. Я имел в виду, что ты не такая. И я понял это, когда встретил тебя.

– Ты был препятствием в моем пейзаже страха. – Моя нижняя губа дрожит. – Ты в курсе?

– Что? – Он отпускает мои запястья и снова кажется уязвленным. – Ты боишься меня?

– Не тебя. – Я прикусываю губу, чтобы она перестала дрожать. – Быть с тобой... с кем угодно. У меня никогда раньше не было отношений, и... ты старше, и я не знаю, на что ты рассчитываешь, и...

– Трис, – сухо говорит он, – не знаю, во власти какого заблуждения ты находишься, но все это ново и для меня.

– Заблуждения? – повторяю я. – Хочешь сказать, что никогда...

Я поднимаю брови.

– О! О! Я просто думала... – что все в таком же восторге от него, как и я. – Гм. Ну, сам знаешь.

– Что ж, ты ошибалась.

Он отводит глаза. Его щеки пылают, как будто он смущен.

– Знаешь, мне можно рассказывать все. – Он берет мое лицо в руки. Кончики его пальцев холодные, ладони теплые. – Я добрее, чем казалось во время обучения. Честное слово.

Я верю ему. Но его доброта здесь ни при чем.

Он целует меня между бровей, в кончик носа, прижимается губами ко рту. Я балансирую на грани. В моих венах вместо крови бурлит электричество. Я хочу, чтобы он целовал меня, хочу. Я боюсь, куда это может завести.

Он кладет руки мне на плечи, и его пальцы касаются края бинта. Он отстраняется, наморщив лоб.

– Ты ранена? – спрашивает он.

– Нет. Это новая татуировка. Она зажила, просто... я хотела ее прикрыть.

– Можно посмотреть?

Я киваю с комком в горле. Спускаю рукав и высвобождаю плечо. Он мгновение смотрит на него и затем проводит по коже пальцами. Они вторят очертаниям моих костей, которые торчат сильнее, чем мне хотелось бы. Там, где его пальцы касаются моей кожи, все меняется. Внутри меня все

трепещет. Не только от страха. От чего-то еще. От желания.

Он отводит край бинта в сторону. Проводит взглядом по символу Альтруизма и улыбается.

– У меня такой же, – смеется он. – На спине.

– Правда? Можно посмотреть?

Он закрывает татуировку бинтом и натягивает мою футболку обратно на плечо.

– Ты просишь меня раздеться, Трис?

Нервный смешок вырывается из моего горла.

– Только... частично.

Он кивает, его улыбка внезапно исчезает. Он поднимает глаза на меня и расстегивает толстовку. Она скользит с его плеч, и он швыряет ее на стул. Мне больше не хочется смеяться. Я могу только смотреть на него.

Он сводит брови, хватается за низ футболки и одним быстрым движением стаскивает ее через голову.

На его правом боку пляшет пламя Лихости, но больше на груди знаков нет. Он отводит глаза.

– В чем дело? – хмурюсь я. Такое впечатление, что ему... не по себе.

– Я редко предлагаю на себя посмотреть, – отвечает он. – Собственно, никогда.

– Не представляю почему, – тихо говорю я. – В смысле, ты бы себя видел!

Я медленно обхожу его. На его спине краски больше, чем кожи. Здесь нарисованы символы всех фракций: Лихость наверху позвоночника, Альтруизм сразу под ней, другие три, поменьше, еще ниже. Несколько секунд я смотрю на весы, которые представляют Правдолюбие, глаз, который означает Эрудицию, и дерево, которое символизирует Товарищество. Вполне логично, что он нанес на себя символ Лихости, своего прибежища, и даже символ Альтруизма, своей родной фракции, как и я. Но остальные три?

– Я считаю, что мы все совершили ошибку, – тихо говорит он. – Мы стали принижать добродетели других фракций, развивая свои собственные. Я не хочу этого делать. Я хочу быть смелым, и самоотверженным, и умным, и добрым, и честным.

Он прочищает горло.

– Я постоянно борюсь с добротой.

– Никто не идеален, – шепчу я. – Ничего не получится. Один недостаток замещается другим.

Я обменяла трусость на жестокость; обменяла слабость на свирепость.

Я провожу по символу Альтруизма кончиками пальцев.

– Знаешь, надо предупредить их. И поскорее.

– Я знаю. Мы предупредим.

Он поворачивается ко мне. Я хочу прикоснуться к нему, но боюсь его наготы, боюсь, что он заставит меня тоже обнажиться.

– Это пугает тебя, Трис?

– Нет, – хрипло отвечаю я и прочищаю горло. – Не всерьез. Просто я... боюсь своих желаний.

– И чего же ты хочешь? – Его лицо становится напряженным. – Меня?

Я медленно киваю.

Он тоже кивает и осторожно берет мои руки. Кладет мои ладони себе на живот. Глядя вниз, поднимает мои ладони по животу и груди и прижимает к своей шее. Мои руки покалывает от близости его кожи, гладкой, теплой. Лицо пылает, но я все равно дрожу. Он смотрит на меня.

– Когда-нибудь, – говорит он, – если ты не передумаешь, мы можем...

Он умолкает и прочищает горло.

– Мы можем...

Я слегка улыбаюсь и обнимаю его, прежде чем он успевает договорить, прижимаюсь щекой к груди. Я чувствую щекой его сердцебиение, такое же учащенное, как и у меня.

– Ты тоже боишься меня, Тобиас?

– Ужасно, – улыбается он.

Я поворачиваю голову и целую впадинку под его горлом.

– Возможно, ты больше не появишься в моем пейзаже страха, – шепчу я.

Он нагибает голову и медленно целует меня.

– Тогда все будут называть тебя Шесть.

– Четыре и Шесть, – пробую я.

Мы снова целуемся, и теперь это кажется знакомым. Я точно знаю, как соотносятся наши тела: его рука на моей талии, мои ладони на его груди, давление его губ на мои. Мы запечатали друг друга в памяти.

Глава 32

Пока мы идем в столовую, я внимательно изучаю лицо Тобиаса в поисках следов разочарования. Мы провели два часа, лежа на его кровати, разговаривая и целуясь, и в конце концов задремали, пока не услышали крики в коридоре – люди направлялись на банкет.

Если что-то и изменилось, то он стал менее серьезным. Во всяком случае, больше улыбается.

Дойдя до входа, мы разделяемся. Я вхожу первой и бегу к нашему с Уиллом и Кристиной столу. Через минуту он входит вторым и садится рядом с Зиком, который протягивает ему темную бутылку. Тобиас отмахивается.

– Куда ты подевалась? – спрашивает Кристина. – Все остальные вернулись в спальню.

– Просто бродила вокруг. Слишком нервничала, чтобы с кем-то разговаривать.

– У тебя нет причин нервничать. – Кристина качает головой. – Я всего-то на минутку отвернулась, чтобы поболтать с Уиллом, как ты уже исчезла.

Я замечаю в ее голосе нотку зависти и снова жалею о невозможности объяснить, что я была хорошо подготовлена к симуляции из-за того, кто я есть. Остается просто пожать плечами.

– Какую работу ты выберешь? – спрашиваю я.

– Пожалуй, мне понравится работа, как у Четыре. Обучать неофитов. Они у меня света божьего не взвидят. То-то весело будет! А ты?

Я так сосредоточилась на прохождении инициации, что почти не думала об этом. Я могла бы работать на лидеров Лихости... но они убьют меня, если узнают, кто я. Какие еще есть варианты?

– Наверное... я могу быть послом в других фракциях. Думаю, мне поможет то, что я переходник.

– Я так надеялась, что ты скажешь «будущий лидер Лихости», – вздыхает Кристина. – Потому что именно этого хочет Питер. Он без умолку болтал об этом в спальне.

– Я хочу того же, – добавляет Уилл. – Надеюсь, я буду стоять выше его... о да, и всех прирожденных лихачей. Совсем о них забыл.

Он стонет.

– О боже. Это совершенно исключено.

– Вовсе нет. – Кристина тянется к его руке и переплетает с ним

пальцы, как будто это самая естественная вещь на свете.

Уилл сжимает ее ладонь.

– Один вопрос. – Кристина наклоняется вперед. – Лидеры, которые наблюдали за твоим пейзажем страха... они над чем-то смеялись.

– Неужели? – Я до боли прикусываю губу. – Приятно, что мой ужас их позабавил.

– Как ты думаешь, что это было за препятствие?

– Понятия не имею.

– Ты лжешь, – уличает она. – Ты всегда покусываешь щеку изнутри, когда лжешь. Это тебя выдает.

Я перестаю покусывать щеку изнутри.

– Уилл сжимает губы, если тебе от этого легче, – добавляет она.

Уилл немедленно прикрывает рот.

– Ладно, скажу. Я испугалась... близости.

– Близости, – повторяет Кристина. – Типа... секса?

Я напрягаюсь. И заставляю себя кивнуть. Даже если бы, кроме Кристины, никого рядом не было, мне все равно захотелось бы ее немедленно придушить. Я обдумываю несколько способов причинить максимум вреда, затратив минимум сил, и пытаюсь испепелить ее взглядом.

Уилл смеется.

– И как это было? – спрашивает она. – В смысле, кто-то просто... попытался это сделать? И кто же?

– Да никто. Незнакомый мужчина... без лица. А как твоя моль?

– Ты обещала никому не говорить! – вопит Кристина и шлепает меня по руке.

– Моль, – повторяет Уилл. – Ты боишься моли?

– Не какая-нибудь жалкая стайка моли, – поясняет она, – скорее... целый *рой*. Повсюду. Все эти крылышки, ножки и...

Она содрогается и качает головой.

– Ужасно, – с притворной серьезностью соглашается Уилл. – Узнаю свою девочку. Круче нее только ватные шарики.

– Да заткнись ты.

Где-то визжит микрофон, так громко, что я прижимаю ладони к ушам. Я оглядываюсь в поисках Эрика, который стоит за одним из столов с микрофоном в руке и постукивает по нему кончиками пальцев. Закончив стучать и дождавшись, когда толпа лихачей затихнет, Эрик прочищает горло и начинает:

– Мы здесь не большие мастера говорить. Красноречие – удел

эрудитов.

Толпа смеется. Интересно, они знают, что он раньше был эрудитом и под напускным безрассудством и даже жесткостью лихача он больше эрудит, чем кто-либо друг ой? Сомневаюсь, что они стали бы над ним смеяться, если бы знали.

– Так что я не буду долго тянуть. Наступил новый год, и нам досталась новая толпа неопитов. И чуть меньшая толпа новых членов фракции. Наши поздравления!

При слове «поздравления» комната взрывается, не аплодисментами, а стуком кулаков по столам. Звук вибрирует в моей груди, и я усмехаюсь.

– Мы верим в отвагу. Верим в действие. Верим в свободу от страха и приобретение навыков, которые помогут изгнать зло из нашего мира, чтобы добро могло процветать и приумножаться. Если вы верите в то же самое, добро пожаловать.

Несмотря на то что Эрик, вероятно, ни во что из перечисленного не верит, я невольно улыбаюсь, потому что я – верю. Как бы сильно лидеры ни извратили идеалы Лихости, эти идеалы все же могут стать моими.

Снова стук кулаков, на этот раз в сопровождении возгласов.

– Завтра, став членами фракции, лучшие десять неопитов первым делом выберут себе профессии в порядке завоеванных рангов, – продолжает Эрик. – Я знаю, что все с нетерпением ждут именно рангов. Они были определены по сумме трех оценок: первая – за боевой этап обучения; вторая – за симуляционный этап; третья – за последнее испытание, пейзаж страха. Ранги появятся на экране за моей спиной.

Едва он произносит слово «спиной», как на экране размером почти со всю стену вспыхивают имена. Рядом с номером один – моя фотография и имя «Трис».

Тяжесть падает с моих плеч. Я и не сознавала ее, пока она не исчезла вместе с необходимостью ее таскать. Я улыбаюсь, и по моему телу разливается покалывание. Первая. Дивергент или нет, я член этой фракции.

Я забываю о войне, забываю о смерти. Уилл крепко обнимает меня. Я слышу одобрительные возгласы, смех и крики. Кристина указывает на экран, ее глаза широко распахнуты и полны слез.

1. Трис

2. Юрайя

3. Линн

4. Марлин

5. Питер

Питер остается. Я подавляю вздох. Но потом я читаю оставшиеся

имена.

6. Уилл

7. Кристина

Я улыбаюсь, и Кристина тянется через стол, чтобы обнять меня. Я слишком растеряна, чтобы протестовать против нежностей. Она тихонько смеется.

Кто-то обнимает меня со спины и орет над ухом. Юрайя. Я не могу обернуться, поэтому протягиваю руку назад и сжимаю его плечо.

– Поздравляю! – кричу я.

– Ты их сделала! – вопит он в ответ. Он со смехом отпускает меня и бежит в толпу прирожденных лихачей.

Я вытягиваю шею, чтобы еще раз посмотреть на экран. Дочитываю список до конца.

Восемь, девять и десять – прирожденные лихачи, имена которых мне почти незнакомы.

Одиннадцать и двенадцать – Молли и Дрю.

Молли и Дрю проиграли. Дрю, который пытался убежать, пока Питер держал меня за горло над пропастью, и Молли, которая пичкала эрудитов ложью о моем отце, – отныне бесфракционники.

Это не совсем та победа, о которой я мечтала, но тем не менее победа.

Уилл и Кристина целуются, чуть слишком слюняво на мой вкус. Лихачи вокруг стучат кулаками. Затем кто-то хлопает меня по плечу, я оборачиваюсь и вижу Тобиаса. Просияв, я встаю.

– Как думаешь, если я тебя обниму, наш секрет не раскроют? – спрашивает он.

– Знаешь, если честно, мне наплевать.

Я встаю на цыпочки и целую его.

Это лучшее мгновение моей жизни.

Мгновением позже Тобиас проводит большим пальцем по ранке на моей шее, и кусочки мозаики внезапно складываются в единую картину. Не понимаю, как до меня раньше не дошло.

Раз: цветная сыворотка содержит передатчики.

Два: передатчики подключают сознание к симуляционной программе.

Три: сыворотку изобрели эрудиты.

Четыре: Эрик и Макс работают с эрудитами.

Я вырываюсь из объятий и смотрю на Тобиаса широко распахнутыми глазами.

– Трис? – растерянно спрашивает он.

Я качаю головой.

– Не сейчас.

Я имею в виду «не здесь». Не рядом с Уиллом и Кристиной, которые смотрят на нас, открыв рты, наверное потому, что я только что поцеловала Тобиаса; не среди шумно ликующих лихачей. Но он должен знать, насколько это важно.

– Позже, – говорю я. – Ладно?

Он кивает. Я не знаю даже, как объясню это позже. Не знаю даже, как собраться с мыслями.

Но я знаю, как Эрудиция заставит нас воевать.

Глава 33

Я пытаюсь остаться с Тобиасом наедине после объявления рангов, но толпа неофитов и членов фракции слишком густая, и их бурные поздравления растаскивают нас в разные стороны. Я решаю тайком выбраться из спальни, когда все уснут, и отыскать его, но пейзаж страха утомил меня сильнее, чем я думала, и довольно скоро я тоже проваливаюсь в сон.

Я просыпаюсь под скрип матрасов и шарканье ног. Слишком темно, чтобы ясно видеть, но, когда глаза привыкают, я различаю, что Кристина завязывает шнурки. Я открываю рот, чтобы спросить, что она делает, но затем замечаю, что напротив Уилл надевает рубашку. Все проснулись, но никто не произносит ни звука.

– Кристина, – шепчу я.

Она не смотрит на меня, и я хватаю ее за плечо и встряхиваю.

– Кристина!

Она продолжает завязывать шнурки.

У меня сжимается сердце, когда я вижу ее лицо. Ее глаза открыты, но ничего не выражают, а мышцы лица расслаблены. Она двигается, не глядя, что делает, ее рот полуоткрыт, она не просыпается, но кажется проснувшейся. И все остальные выглядят точно так же.

– Уилл? – Я пересекаю комнату.

Закончив одеваться, все неофиты выстраиваются в колонну. Они молча выходят из спальни. Я хватаю Уилла за плечо, чтобы помешать ему уйти, но он стремится вперед с непреодолимой силой. Я стискиваю зубы и держусь как могу, упершись пятками в пол. Он просто тащит меня за собой.

Они сомнамбулы.

Я ощупью нахожу ботинки. Нельзя оставаться здесь одной. Я поспешно завязываю шнурки, натягиваю куртку и выбегаю из комнаты, быстро нагоняя колонну неофитов, подстраиваясь под их шаг. Через несколько секунд я понимаю, что они двигаются в унисон, одна и та же нога вперед, одна и та же рука назад. Я старательно подражаю им, но ритм кажется чуждым.

Мы маршируем к Яме, но когда достигаем входа, начало колонны поворачивает налево. Макс стоит в коридоре и наблюдает за нами. Мое сердце колотится в груди, и я как можно более безучастно смотрю вперед,

сосредоточившись на ритме шагов. Я напрягаюсь, проходя мимо Макса. Он заметит. Заметит, что я не безмозгая, как остальные, и со мной случится что-то плохое, я это знаю.

Темные глаза Макса скользят по мне.

Мы поднимаемся по лестничному пролету и в том же ритме проходим четыре коридора. Затем открывается огромная пещера. Внутри нее – толпа лихачей.

В пещере стоят ряды столов, на них насыпано что-то черное. Я не вижу, что именно, пока не подхожу на расстояние фута. Оружие.

Ну конечно. Эрик сказал, что все лихачи получили вчера уколы. Так что теперь вся фракция стала безмозгой, покорной и обученной убивать. Идеальные солдаты.

Я беру пистолет, кобуру и пояс, подражая Уиллу, который стоит прямо передо мной. Я стараюсь имитировать его движения, но не могу предугадать, что он собирается делать, и в результате вожусь дольше, чем хочется. Я стискиваю зубы. Остается надеяться, что никто за мной не наблюдает.

Вооружившись, я иду за Уиллом и другими неофитами к выходу.

Я не могу вести войну с Альтруизмом, со своей семьей. Я лучше умру. Мой пейзаж страха доказал это. Список вариантов сужается, и я вижу нужный путь. Я буду притворяться достаточно долго, чтобы попасть в сектор Альтруизма. Я спасу свою семью. И что бы ни случилось после, неважно. Меня окутывает пелена спокойствия.

Колонна неофитов входит в темный коридор. Я не вижу Уилла, равно как и ничего впереди. Моя нога ударяется обо что-то твердое, и я спотыкаюсь, вытянув руки. Коленом я ударяюсь о что-то еще... ступенька. Я выпрямляюсь, настолько напряженная, что зубы едва не стучат. Никто ничего не заметил. Слишком темно. Пожалуйста, пусть здесь будет слишком темно.

Когда лестница поворачивает, свет проникает в пещеру, и я наконец снова различаю впереди плечи Уилла. Достигнув вершины лестницы и проходя мимо очередного лидера Лихости, я сосредоточиваюсь на том, чтобы соразмерить наш шаг. Теперь я знаю всех лидеров Лихости, потому что они единственные не спят.

Нет, не единственные. Очевидно, я бодрствую, потому что я дивергент. И если я не уснула, значит, не уснул и Тобиас, разве только я ошибалась насчет него.

Я должна найти его.

Я стою рядом с рельсами в толпе, которая кажется бесконечной,

насколько я вижу боковым зрением. Поезд останавливается перед нами, все вагоны открыты. Один за другим мои товарищи-неофиты забираются в вагон.

Я не могу повернуть голову, чтобы осмотреть толпу в поисках Тобиаса, но позволяю своему взгляду скользнуть в сторону. Лица слева мне незнакомы, но я вижу в нескольких ярдах справа высокого парня с короткими волосами. Возможно, это не он, и удостовериться я не могу, но лучшего шанса у меня не будет. Я не знаю, как добраться до него, не привлекая внимания. Я должна добраться до него.

Вагон передо мной заполняется, и Уилл поворачивает к соседнему. Я следую его примеру, но вместо того, чтобы остановиться там же, где он, скольжу на несколько футов вправо. Люди вокруг все выше меня, они послужат мне прикрытием. Я снова шагаю вправо, стиснув зубы. Слишком много движения. Меня поймают. «Только бы меня не поймали».

В соседнем вагоне лихач с безучастным лицом протягивает руку парню передо мной, и он принимает ее, двигаясь, словно робот. Я, не глядя, беру следующую руку и как можно грациознее забираюсь в вагон.

Я стою перед человеком, который мне помог. Вскидываю взгляд, всего на долю секунды, чтобы увидеть его лицо. Тобиас, такой же безучастный, как и все. Неужели я ошибалась? Он не дивергент? Слезы наворачиваются на глаза, и я смагиваю их, глядя в сторону.

Люди набиваются в вагон, и мы встаем в четыре колонны, плечом к плечу. И тут случается нечто неожиданное: чужие пальцы переплетаются с моими, и ладонь вжимается в ладонь. Тобиас держит меня за руку.

Все мое тело наливается энергией. Я сжимаю его руку, и он сжимает мою в ответ. Он не спит. Я была права.

Мне хочется взглянуть на него, но я заставляю себя стоять смирно и смотреть прямо, пока поезд набирает ход. Тобиас медленно водит большим пальцем по тыльной стороне моей ладони. Это должно успокаивать меня, но в действительности раздражает. Мне нужно поговорить с ним. Нужно увидеть его.

Я не разбираю, куда идет поезд, потому что девушка передо мной слишком высокая, так что я смотрю ей в затылок и сосредоточиваюсь на руке Тобиаса в моей, пока рельсы не взвизгивают. Не знаю, сколько времени я так стояла, но у меня болит спина, а значит, немало. Поезд со скрежетом останавливается, и мое сердце колотится так сильно, что трудно дышать.

Прежде чем выпрыгнуть из вагона, я вижу краем глаза, как Тобиас поворачивает голову в мою сторону, и тоже смотрю на него. Взгляд его

темных глаз настойчив.

– Беги!

– Моя семья, – возражаю я.

Я снова смотрю перед собой и выпрыгиваю из вагона, когда подходит моя очередь. Тобиас шагает впереди. Я должна сосредоточиться на его затылке, но мы идем по знакомым улицам, и я отвлекаюсь от колонны лихачей. Я прохожу мимо места, куда каждые шесть месяцев ходила вместе с матерью за новой одеждой для нашей семьи; мимо остановки, на которой когда-то ждала автобус по утрам перед школой; мимо полосы тротуара, настолько потрескавшейся, что мы Каледом играли на ней в переправу.

Все они изменились. Здания темные и пустые. Дороги полны солдат-лихачей, марширующих в едином ритме, не считая офицеров, которые стоят через каждые несколько сотен ярдов и наблюдают, как мы идем мимо, или что-то обсуждают небольшими группами. Такое впечатление, что никто ничего не делает. Мы правда пришли на войну?

Я прохожу полмили, прежде чем получаю ответ на этот вопрос.

Раздаются хлопки. Я не могу оглядеться, чтобы найти их источник, но чем дальше иду, тем громче и резче они становятся, пока я не узнаю в них звуки выстрелов. Я стискиваю зубы. Надо идти, надо смотреть прямо.

Далеко впереди я вижу, как лихачка толкает мужчину в серой одежде на колени. Я узнаю его – это член совета. Лихачка достает пистолет из кобуры и с незрячими глазами всаживает пулю в затылок мужчины.

У лихачки седая прядь в волосах. Это Тори. Я едва не спотыкаюсь.

«Не останавливайся». У меня печет глаза. «Не останавливайся».

Мы проходим мимо Тори и упавшего члена совета. Переступая через его руку, я едва не разражаюсь слезами.

Затем солдаты передо мной останавливаются, и я следую их примеру. Я стою так неподвижно, как только могу, но единственное, чего мне хочется, – это найти Жанин, Эрика и Макса и пристрелить их. У меня дрожат руки, и я ничего не могу с ними поделать. Я быстро дышу через нос.

Очередной выстрел. Краем глаза я вижу, как серое размытое пятно валится на мостовую. Если это продолжится, все альтруисты погибнут.

Солдаты-лихачи исполняют неслышимые приказы без промедления и сомнений. Несколько взрослых альтруистов согнали к одному из соседних зданий вместе с альтруистами-детьми. Море солдат в черной одежде охраняет двери. Единственные, кого я не вижу, – лидеры Альтруизма. Возможно, они уже мертвы.

Один за другим солдаты-лихачи отходят в сторону, чтобы выполнить

то или иное задание. Скоро лидеры обнаружат, что, какие бы сигналы ни получали остальные, до меня они не доходят. Что мне делать, когда это случится?

– С ума сойти, – воркует мужской голос справа от меня.

Я вижу прядь длинных сальных волос и серебряную серьгу. Эрик. Он тычет указательным пальцем мне в щеку, и я борюсь с порывом ударить его по руке.

– Они действительно нас не видят? И не слышат? – спрашивает женский голос.

– О нет, и видят, и слышат. Просто не обрабатывают данные так, как всегда, – отвечает Эрик. – Они получают команды от наших компьютеров в передатчиках, которые мы им вприснули...

С этими словами он прижимает пальцы к ранке на моей шее, чтобы показать женщине, куда именно вприснули. «Не шевелись, – приказываю я себе. – Не шевелись, не шевелись».

– ...и незамедлительно их исполняют.

Эрик шагает в сторону и наклоняется к лицу Тобиаса, усмехаясь.

– Какое приятное зрелище, – замечает он. – Легендарный Четыре. Никто больше не вспомнит, что я был вторым. Никто не спросит, каково учиться вместе с парнем, у которого всего четыре страха.

Он вытаскивает пистолет и приставляет к правому виску Тобиаса. Мое сердце колотится так сильно, что пульсирует даже череп. Эрик не может выстрелить; он не выстрелит. Он наклоняет голову.

– Как по-твоему, кто-нибудь заметит, если его случайно пристрелят?

– Конечно нет, – скучающим тоном произносит женщина.

По-видимому, она лидер Лихости, если может дать Эрику разрешение.

– Он теперь ничто, – добавляет она.

– Очень жаль, что ты не принял предложение Макса, Четыре. В смысле, тебе жаль, – тихо произносит Эрик и взводит курок.

У меня горят легкие; я не дышу уже почти минуту. Уголком глаза я вижу, как рука Тобиаса дергается, но моя ладонь уже на пистолете. Я прижимаю дуло ко лбу Эрика. Его глаза широко распахиваются, мышцы лица обмякают, и на мгновение он кажется еще одним спящим солдатом-лихачом.

Мой указательный палец поглаживает спуск.

– Убери пистолет от его головы, – приказываю я.

– Ты меня не застрелишь, – отвечает Эрик.

– Любопытная теория.

Но я не могу его убить, не могу. Я стискиваю зубы и отвожу руку вниз,

стреляя Эрику в ногу. Он визжит и хватается за нее обеими руками. В тот миг, когда он убирает пистолет от головы Тобиаса, тот выхватывает свой пистолет и стреляет в ногу подружке Эрика. Я не проверяю, попал ли он. Просто хватаю Тобиаса за руку и бегу.

Если мы доберемся до переулка, то сможем раствориться среди зданий, и нас не найдут. Осталось преодолеть две сотни футов. Я слышу шаги позади, но не оборачиваюсь. Тобиас хватает и сжимает мою руку, тащит меня вперед, быстрее, чем я когда-либо бежала, быстрее, чем я вообще могу бежать. Спотыкаясь, я спешу за ним. Раздается выстрел.

Боль острая и внезапная, она возникает в плече и тянет во все стороны наэлектризованные щупальца. Крик застревает в моем горле, и я падаю, обдирая щеку о мостовую. Я поднимаю голову, вижу колени Тобиаса у своего лица и кричу:

– Беги!

Спокойно и тихо он отвечает:

– Нет.

Через несколько секунд нас окружают. Тобиас помогает мне подняться, подставляет плечо. Из-за боли мне трудно сосредоточиться. Солдаты-лихачи окружают нас и держат на прицеле.

– Мятежники-дивергенты... – Эрик стоит на одной ноге, лицо у него болезненно-бледное. – Бросайте оружие.

Глава 34

Я тяжело опираюсь на Тобиаса. Ствол пистолета, приставленный к спине, подталкивает меня вперед, в парадную дверь штаб-квартиры Альтруизма, простого серого здания высотой два этажа. По моему боку стекает кровь. Я не боюсь предстоящего; мне слишком больно, чтобы думать об этом.

Ствол пистолета подталкивает меня к двери, охраняемой двумя солдатами-лихачами. Мы с Тобиасом входим в нее и оказываемся в простом кабинете, в котором нет ничего, кроме стола, компьютера и двух пустых стульев. За столом сидит Жанин с телефоном у уха.

– Ладно, тогда пошлите кого-нибудь обратно на поезде, – произносит она. – Ее нельзя оставлять без присмотра, это самое главное... я не разг... мне пора.

Она бросает трубку и переводит серые глаза на меня. Они похожи на расплавленную сталь.

– Мятажники-дивергенты, – сообщает один из лихачей.

По-видимому, он лидер Лихости или же рекрут, которого освободили от симуляции.

– Да, я вижу.

Она снимает очки и кладет их на стол. Наверное, она носит очки из тщеславия, а не по необходимости, потому что полагает, будто выглядит в них умнее... так говорит мой отец.

– Ты. – Она показывает на меня пальцем. – Я так и думала. Подозревала тебя с самого начала из-за проблем с результатами твоей проверки склонностей. Но ты...

Она качает головой и переводит взгляд на Тобиаса.

– Ты, Тобиас, – или лучше называть тебя Четыре? – сумел от меня ускользнуть, – тихо произносит она. – Все факты свидетельствовали в твою пользу: тесты, симуляции – всё. И тем не менее результат налицо.

Она складывает руки и опирается на них подбородком.

– Возможно, ты сумеешь объяснить, как так вышло?

– Ты гений, – холодно отвечает он. – Вот ты и скажи.

Она кривит губы в улыбке.

– Моя гипотеза заключается в том, что на самом деле ты альтруист. Что твоя Дивергенция слабее.

Она улыбается шире, как будто ей весело. Я стискиваю зубы и

подумываю кинуться через стол и задушить ее. Возможно, я бы так и поступила, если бы не пуля в плече.

– Поразительные способности к дедуктивному мышлению, – замечает Тобиас. – Считай, что я восхищен.

Я кошусь на него. Я совсем забыла об этой стороне его характера – о той его части, которая предпочтет взорваться, чем лечь и умереть.

– Теперь, когда сомнений в твоих умственных способностях не осталось, можешь продолжить нас убивать. – Тобиас закрывает глаза. – В конце концов, у тебя еще много лидеров Альтруизма в очереди на расстрел.

Если комментарии Тобиаса и раздражают Жанин, она этого не показывает. Грациозно встает, не переставая улыбаться. На ней голубое платье до колен, обтягивающее жировой валик на талии. Комната кружится, когда я пытаюсь сосредоточиться на лице Жанин, и я наваливаюсь на Тобиаса в поисках опоры. Он обнимает меня рукой, поддерживая за талию.

– Не глупи. Спешить некуда, – беззаботно отвечает она. – Вы оба нужны мне для очень важного дела. Видите ли, меня озадачило, что дивергенты невосприимчивы к сыворотке, которую я изобрела, и потому я работаю над средством от этого. Я думала, что преуспела в последней партии, но, как вам известно, ошибалась. К счастью, у меня есть еще одна партия для проверки.

– К чему себя утруждать?

Она и лидеры Лихости с легкостью убивали дивергентов в прошлом. Разве с тех пор что-то изменилось?

Она улыбается мне.

– С самого начала проекта с лихачами меня интересует один вопрос, а именно следующий. – Она обходит стол, проводя по его поверхности пальцами. – Почему большинство дивергентов – слабовольные, богобоязненные ничтожества из Альтруизма, а не из какой-нибудь другой фракции?

Я не знала, что большинство дивергентов – выходцы из Альтруизма, и не знаю, почему это так. И вряд ли мне удастся прожить достаточно долго, чтобы выяснить это.

– Слабовольные, – усмехается Тобиас. – В последний раз, когда я проверял, нужна была сильная воля, чтобы манипулировать симуляцией. Слабаки контролируют разум армии, потому что обучить свою собственную им не по силам.

– Я не дура, – возражает Жанин. – Фракция интеллектуалов – это не армия. Мы устали от превосходства кучки самодовольных идиотов,

презирающих богатство и прогресс, но не могли изменить это самостоятельно. А ваши лидеры охотно подчинились мне в обмен на гарантированное место в нашем новом, улучшенном правительстве.

– Улучшенном, – фыркает Тобиас.

– Да, улучшенном, – повторяет Жанин. – Улучшенном и стремящемся к миру, в котором люди будут жить в богатстве, комфорте и процветании.

– За чей счет? – Я едва ворочаю языком. – Все это богатство... оно не возьмется из воздуха.

– В настоящее время наши ресурсы истощают бесфракционники, – отвечает Жанин. – Равно как и Альтруизм. Уверена, что, как только остатки вашей бывшей фракции волеются в армию Лихости, Правдолюбие согласится сотрудничать и мы наконец сможем со всем разобраться.

Волеются в армию Лихости. Я знаю, что это означает: она хочет контролировать и их тоже. Она хочет, чтобы все были податливыми и легкоуправляемыми.

– Со всем разобраться, – с горечью повторяет Тобиас. Он повышает голос: – Смотри не ошибись. Ты умрешь еще до заката, ты...

– Возможно, если бы ты контролировал свой нор, – уверенно перебивает его Жанин, – ты не оказался бы в этом положении.

– Я в этом положении по твоей милости! – рявкает он. – Не надо было нападать на невинных людей.

– Невинных людей, – смеется Жанин. – Ну разве не забавно, что это утверждаешь именно ты? Я полагала, сын Маркуса должен понимать, что не все эти люди невинны.

Она садится на край стола, ее юбка задирается выше колен, открывая покрытые растяжками бедра.

– Скажи честно, разве ты не обрадуешься известию, что твой отец был убит во время атаки?

– Возможно, – отвечает Тобиас сквозь зубы. – Но по крайней мере, его злодеяния не включали обширное манипулирование целой фракцией и систематическое убийство всех наших политических лидеров.

Несколько секунд они смотрят друг на друга, так долго, что я напрягаюсь всем телом. Затем Жанин прочищает горло.

– Я, собственно, собиралась сказать, что вскоре мне придется держать в узде десятки альтруистов и их детей, и меня отнюдь не радует, что многие из них могут оказаться дивергентами, как и вы, которыми невозможно управлять при помощи симуляций.

Она встает и делает несколько шагов влево, стиснув руки у груди. Ее ногти обгрызены до крови, как и у меня.

– Следовательно, необходимо разработать новую форму симуляции, к которой они будут восприимчивы. Мне приходится переоценивать свои предположения. Тут вы и вступаете в игру. – Она делает несколько шагов вправо. – Согласна, у вас сильная воля. Я не могу ее подавить. Но кое-что другое могу.

Она останавливается и поворачивается к нам. Я опускаю висок на плечо Тобиаса. Кровь стекает по моей спине. За последние несколько минут боль не утихает, так что я даже привыкла к ней, как человек привыкает к неумолчному вою сирены.

Она прижимает ладони друг к другу. Я не вижу в ее глазах ни злорадства, ни намек на садизм. Она больше похожа на механизм, чем на маньяка. Она видит проблемы и находит решения на основании данных, которые собирает. Альтруизм стоял на пути ее стремления к власти, и она отыскивала способ его устранить. У нее не было армии, и она нашла ее в Лихости. Она знала, что ей потребуется контролировать большие группы людей, чтобы обеспечить свою безопасность, и потому разработала способ делать это при помощи сывороток и передатчиков. Дивергенция – всего лишь очередная проблема, которую ей нужно решить, и именно поэтому Жанин так пугает – потому что она достаточно умна, чтобы решить что угодно, даже проблему нашего существования.

– Я не могу управлять тем, что вы видите и слышите, – произносит она. – Поэтому я создала новую сыворотку, которая изменит ваше окружение, чтобы манипулировать вашей волей. За теми, кто отказывается признать наше лидерство, необходимо пристально наблюдать.

Наблюдать... или лишать свободы выбора. Она умеет обращаться со словами.

– Ты будешь первым подопытным, Тобиас. А вот ты, Беатрис... – Она улыбается. – Из-за раны от тебя мало прока, так что в конце нашей встречи тебя казнят.

Я пытаюсь скрыть дрожь, которая охватывает меня при слове «казнят»; плечо невыносимо болит, и я поднимаю взгляд на Тобиаса. Очень трудно сдерживать слезы при виде ужаса в его широко распахнутых темных глазах.

– Нет. – Голос Тобиаса дрожит, но он сурово качает головой. – Я лучше умру.

– Боюсь, у тебя нет выбора, – беззаботно отвечает Жанин.

Тобиас грубо берет мое лицо в ладони и целует меня, раздвигая губы. Я забываю о боли и страхе надвигающейся смерти и на мгновение радуюсь, что память об этом поцелуе будет свежа в моем сознании, когда я встречу

свой конец.

Затем он отпускает меня, и мне приходится прислониться к стене в поисках поддержки. Не выдав себя ничем, кроме вздувшихся мышц, Тобиас бросается через стол и смыкает руки на горле Жанин. Охранники-лихачи у двери кидаются на него с пистолетами на изготовку, и я визжу.

Только объединив усилия, двум солдатам удается оторвать Тобиаса от Жанин и швырнуть на землю. Один из них удерживает его на полу, встает коленями на плечи, прижимает лицом к коврику. Я бросаюсь к ним, но второй охранник хватается за плечи и толкает к стене. Я слаба от потери крови и слишком мала.

Жанин собирается с силами у стола, шипит и задыхается. Она потирает горло, ярко-красное от пальцев Тобиаса. Какой бы механической она ни казалась, все же она человек. В ее глазах стоят слезы, когда она достает коробку из ящика стола и открывает, обнаруживая иглу и шприц.

Все еще тяжело дыша, она идет с ними к Тобиасу. Тобиас скрипит зубами и врезает локтем в лицо одному из охранников. Охранник бьет Тобиаса прикладом в висок, и Жанин втыкает иглу в его шею. Он обмякает.

Из моего горла вырывается звук, не всхлип или вопль, а хриплый, скрипучий стон, который кажется отстраненным, как будто исходит от кого-то другого.

– Отпустите его, – скрипуче приказывает Жанин.

Охранник встает, Тобиас тоже. Он не выглядит, как солдаты-сомнамбулы, его взгляд вполне осмысленный. Он несколько секунд оглядывается, как будто озадачен тем, что видит.

– Тобиас, – зову я. – Тобиас!

– Он тебя не знает, – сообщает Жанин.

Тобиас оборачивается. Он щурится и быстро идет ко мне. Прежде чем охранники успевают его остановить, он сжимает рукой мое горло, передавливая трахею пальцами. Я задыхаюсь, к лицу приливает кровь.

– Симуляция управляет им, – произносит Жанин.

Я едва слышу ее голос сквозь оглушительный стук в ушах.

– Меня то, что он видит... заставляя путать врага с другом.

Охранник отрывает Тобиаса от меня. Я ловлю воздух ртом, хрипло втягиваю его в легкие.

Его больше нет. Теперь, во власти симуляции, он будет убивать людей, которых называл невинными не далее как три минуты назад. Жанин навредила бы ему меньше, убив его.

– Преимущество данной версии симуляции в том, – ее глаза сияют, – что он может действовать независимо и потому намного более эффективен,

чем безмозглый солдат.

Она бросает взгляд на охранников, которые удерживают Тобиаса. Он борется с ними, его мышцы напряжены, глаза пристально смотрят на меня, но не видят, не видят так, как должны.

– Отправьте его в диспетчерскую. Нам нужен здравомыслящий человек, чтобы наблюдать за происходящим, и, насколько я понимаю, он привык там работать.

Жанин стискивает ладони перед собой.

– А ее отведите в комнату тринадцать, – повелевает она.

Она жестом отсылает меня. Этот жест означает мою казнь, но для нее он всего лишь вычеркивает меня из списка дел, всего лишь логически продолжает путь, по которому она идет. Жанин равнодушно разглядывает меня, пока два солдата-лихача тащат меня прочь из комнаты.

Они волокут меня по коридору. Внутри меня все онемело, но снаружи я олицетворенная сила воли, орущая и молотящая руками и ногами. Я кусаю руку лихача справа и улыбаюсь, ощутив вкус крови. Затем он бьет меня, и все исчезает.

Глава 35

Я прихожу в сознание в темноте, втиснутая в жесткий угол. Пол под мной холодный и гладкий. Я касаюсь пульсирующей головы, и жидкость сочится сквозь пальцы. Красная... кровь. Опуская руку, я ударяюсь локтем о стену. Где я?

Наверху вспыхивает свет. Лампочка горит голубовато и тускло. Я вижу со всех сторон стены стеклянного аквариума и свое затененное отражение напротив. Комната маленькая, с бетонными стенами и без окон, и я одна в ней. Ну, или почти одна: к одной из бетонных стен приделана маленькая видеокамера.

Я обнаруживаю под ногами отверстие. К нему подведена труба, выходящая из огромной цистерны в углу комнаты.

Дрожь начинается в кончиках пальцев, поднимается вверх по рукам, и вскоре дрожит уже все тело.

На этот раз я не в симуляции.

Моя правая рука онемела. Выбравшись из угла, я вижу лужу крови на том месте, где я только что сидела. Нельзя поддаваться панике. Я встаю, прислонившись к стене, и дышу. Худшее, что со мной может случиться, – утонуть в этом аквариуме. Я прижимаю лоб к стеклу и смеюсь. Это худшее, что я могу вообразить. Смех переходит в рыдания.

Если я буду бороться до последнего, это покажется отважным тем, кто наблюдает за мной через камеру, но иногда подлинное мужество не в борьбе, а в том, чтобы встретить неминуемую смерть лицом к лицу. Я всхлипываю в стекло. Я не боюсь смерти, но хотела бы умереть другим образом, любым другим образом.

Лучше кричать, чем плакать, и потому я кричу и бью пяткой по стене за спиной. Нога отскакивает, и я бью снова, так сильно, что пятка пульсирует от боли. Я бью снова, и снова, и снова, затем отклоняюсь и бью в стену левым плечом. От удара рана на правом плече горит, как будто ее пронзили раскаленной кочергой.

Вода сочится на дно аквариума.

Видеокамера означает, что за мной наблюдают – нет, изучают меня, как способны одни эрудиты. Чтобы проверить, совпадает ли моя реакция в реальности с реакцией в симуляции. Чтобы доказать, что я трусиха.

Я разжимаю кулаки и опускаю руки. Я не трусиха. Я поднимаю голову и смотрю в камеру напротив. Если сосредоточиться на дыхании, получится

забыть, что мне предстоит умереть. Я смотрю в камеру, пока поле зрения не сужается и я не вижу ничего, кроме нее. Вода щекочет лодыжки, затем икры, затем бедра. Покрывает кончики пальцев. Вдох, выдох. Вода мягкая, струится, как шелк.

Вдох. Вода промоет мои раны. Выдох. Мать погрузила меня в воду, когда я была маленькой, чтобы посвятить Богу. Я уже очень давно не думала о Боге, но думаю о нем сейчас. Разве это не естественно? Внезапно я радуюсь, что выстрелила Эрику в ногу, а не в голову.

Мое тело поднимается вместе с водой. Вместо того чтобы барахтаться и оставаться на поверхности, я выдыхаю весь воздух и опускаюсь на дно. Вода приглушает звуки. Я чувствую ее движение на лице. Меня посещает мысль вдохнуть воду, чтобы поскорее умереть, но я не могу себя заставить. Я пускаю ртом пузыри.

«Расслабься». Я закрываю глаза. Легкие горят.

Я чувствую, как мои руки всплывают наверх. Отдаюсь в шелковистые объятия воды.

В детстве отец любил поднимать меня над головой и бегать, так что казалось, будто я лечу. Я вспоминаю, как воздух скользил по моему телу, и ничего не боюсь. Я открываю глаза.

Передо мной стоит темная фигура. Должно быть, смерть близка, если меня посещают видения. Боль пронзает легкие. Задохнуться – мучительно. Ладонь прижимается к стеклу перед моим лицом, и на мгновение мне кажется, что сквозь толщу воды я различаю размытое лицо своей матери.

Я слышу удар, и стекло трескается. Вода брызжет из дыры наверху аквариума, и стеклянная панель раскалывается пополам. Я отворачиваюсь, когда стекло разлетается вдребезги, и вода с силой выносит меня на пол. Я жадно глотаю воздух пополам с водой, и кашляю, и снова ловлю воздух. Ее руки обнимают меня за плечи, и я слышу ее голос.

– Беатрис, – произносит она. – Беатрис, необходимо бежать.

Она кладет мою руку себе на плечи и поднимает меня. Она одета, как моя мать, и выглядит как моя мать, но держит револьвер, и ее глаза полны незнакомой решимости. Спотыкаясь, я следую за ней по битому стеклу и разлитой воде в открытую дверь. За дверью лежат мертвые охранники-лихачи.

Я скольжу и еду по плитке, пока мы идем по коридору, настолько быстро, насколько позволяют мои слабые ноги. Когда мы поворачиваем за угол, мать стреляет в двух охранников у двери в конце. Пули попадают им в головы, и охранники падают на пол. Она прижимает меня к стене и снимает свою серую куртку.

Под курткой – майка. Когда мать поднимает руку, я замечаю уголок татуировки у нее под мышкой. Неудивительно, что она никогда не переодевалась в моем присутствии.

– Мама, – напряженно говорю я. – Ты была лихачкой.

– Да, – улыбается она.

Она превращает куртку в перевязь для моего плеча, завязав рукава вокруг шеи.

– И это мне сегодня пригодилось. Твой отец, Калев и еще кое-кто прячутся в подвале на перекрестке Норт и Фэрфилд. Мы должны забрать их.

Я смотрю на нее. Шестнадцать лет я сидела рядом с ней за кухонным столом дважды в день, и мне не приходило в голову, что она может быть не прирожденной альтруисткой. Как хорошо я в действительности знала свою мать?

– Время для вопросов еще будет.

Она задирает майку, достает пистолет из-за пояса брюк и протягивает мне. Затем касается моей щеки.

– Нам пора.

Она бежит к концу коридора, и я бегу за ней.

Мы в подвале штаб-квартиры Альтруизма. Мать работала здесь, сколько я себя помню, так что я не удивляюсь, когда она проводит меня по темным коридорам и вверх по сырой лестнице на дневной свет, не встретив никого на пути. Сколько охранников-лихачей она застрелила, прежде чем найти меня?

– Откуда ты знала, где меня искать?

– Я наблюдала за поездами с самого начала атаки, – оборачивается она. – Я не знала, что буду делать, когда найду тебя. Но я стремилась к одному – спасти тебя.

У меня сжимается горло.

– Но я предала тебя. Бросила.

– Ты моя дочь. Плевать я хотела на фракции. – Она качает головой. – Посмотри, куда они нас завели. Человеческие существа в своей массе не могут быть хорошими долго. Зло непременно прокрадется и отравит нас снова.

Она останавливается на перекрестке переулочка с дорогой.

Я знаю, что сейчас не время для разговоров. Но мне нужно кое-что выяснить.

– Мама, откуда ты знаешь о Дивергенции? – спрашиваю я. – Что это такое? Почему...

Она откидывает барабан и смотрит на капсули, проверяя, сколько патронов осталось. Затем вытаскивает несколько штук из кармана и заменяет израсходованные патроны. Знакомое выражение лица – с таким же она вдевает нитку в иглу.

– Я знаю о Дивергенции, потому что сама – дивергент. – Она вкладывает патрон в барабан. – Меня уберегло только то, что моя мать была лидером Лихости. В День выбора она велела мне оставить свою фракцию и перейти в более безопасную. Я выбрала Альтруизм.

Она убирает лишний патрон в карман и выпрямляется.

– Но я хотела, чтобы ты сама сделала выбор.

– Не понимаю, почему мы представляем такую угрозу для лидеров.

– Каждая фракция обучает своих членов думать и действовать определенным образом. И большинство людей это устраивает. Для большинства несложно научиться отыскать подходящий образ мыслей и следовать ему. – Она касается моего здорового плеча и улыбается. – Но наши умы движутся во все стороны сразу. Нас нельзя заставить думать строго определенным образом, и это пугает наших лидеров. Это означает, что нами нельзя управлять. И это означает, что, несмотря ни на какие предпринятые ими меры, мы всегда будем для них источником неприятностей.

Словно кто-то вдохнул свежий воздух мне в легкие. Я не альтруистка. И не лихачка.

Я – дивергент.

И мной нельзя управлять.

– Они идут. – Мать смотрит за угол.

Я выглядываю из-за ее плеча и вижу несколько вооруженных лихачей, слаженно марширующих к нам. Мать оборачивается. Далеко позади еще одна группа лихачей бежит к нам по переулку, переставляя ноги в унисон.

Мать хватает меня за руки и заглядывает в глаза. Я наблюдаю, как трепещут ее длинные ресницы. Жаль, в моем маленьком, простом лице нет ничего от нее. Но, по крайней мере, у меня есть кое-что от нее в голове.

– Иди к отцу и брату. Переулок справа, вниз в подвал. Постучи два раза, затем три, затем шесть.

Она берет мое лицо в ладони. Ее руки холодные, кожа шершавая.

– Я отвлеку их. Беги со всех ног.

– Нет. – Я качаю головой. – Я никуда без тебя не пойду.

Она улыбается.

– Будь храброй, Беатрис. Я люблю тебя.

Она прижимается губами к моему лбу и выбегает на середину улицы.

Поднимает револьвер над головой и три раза стреляет в воздух. Лихачи начинают бежать.

Я мчусь через улицу в переулок. На бегу я оглядываюсь, чтобы проверить, не гонятся ли за мной лихачи. Но мать стреляет в толпу охранников, и они слишком заняты ею, чтобы заметить меня.

Я еще раз оборачиваюсь, услышав ответный огонь. Спотыкаюсь и останавливаюсь.

Мать застывает с выгнутой спиной. Кровь хлещет из раны в ее животе, окрашивает майку алым. Пятно крови расплывается на плече. Я моргаю, и пронзительные алые пятна вспыхивают на изнанке моих век. Я снова моргаю и вижу, как мама улыбается, сметая мои остриженные волосы в кучу.

Она падает, сперва на колени, безвольно свесив руки, затем на мостовую, на бок, как тряпичная кукла. Она не шевелится и не дышит.

Я зажимаю рот ладонью и кричу в нее. Мои щеки горячие и мокрые от неизвестно когда брызнувших слез. Моя кровь кричит, что принадлежит ей, и стремится вернуться к ней, и на бегу я слышу в голове голос мамы – она велит мне быть храброй.

Боль пронзает меня, когда все, из чего я сделана, рушится и весь мой мир распадается в мгновение ока. Мостовая царапает колени. Если я сейчас лягу, все кончится. Возможно, Эрик был прав, и выбрать смерть – все равно что исследовать туманное, неведомое место.

Я чувствую, как Тобиас убирает мои волосы назад перед первой симуляцией. Слышу, как он велит мне быть храброй. Слышу, как моя мать велит мне быть храброй.

Солдаты-лихачи поворачивают, как будто ими управляет единая воля. Мне неведомым образом удастся встать и пуститься бегом.

Я храбрая.

Глава 36

Меня преследуют три солдата-лихача. Они бегут в унисон, их шаги эхом разлетаются по переулку. Один из них стреляет, и я падаю, обдирая руки об асфальт. Пуля попадает в кирпичную стену справа от меня, и осколки кирпича разлетаются во все стороны. Я ныряю за угол и взвожу курок.

«Они убили мою мать». Я навожу пистолет в переулок и стреляю вслепую. На самом деле это были не они, но это ничего не значит... не может значить и, подобно самой смерти, не может быть реальным в это мгновение.

Остался всего один враг. Я держу пистолет обеими руками и стою в конце переулочка, целясь в солдата-лихача. Палец давит на спуск, но недостаточно сильно, чтобы выстрелить. Ко мне бежит не мужчина, а мальчик. Лохматый мальчик со складкой между бровей.

Уилл. С тусклым и бессмысленным взглядом, но все же Уилл. Он останавливается и, подобно мне, расставляет ноги и прицеливается. В то же мгновение я слышу лязг затвора, досылающего патрон, вижу его палец, готовый спустить курок, и стреляю. Зажмурившись. Задышавшись.

Пуля попадает ему в голову. Я знаю это, потому что целилась именно туда.

Я поворачиваюсь, не открывая глаз, и, спотыкаясь, бреду прочь. Норт и Фэрфилд. Я смотрю на адресную табличку, чтобы понять, где нахожусь, но не могу ее прочитать: перед глазами все расплывается. Я несколько раз моргаю. От меня всего несколько ярдов до здания с остатками моей семьи.

Я опускаюсь на колени у двери. Тобиас назвал бы меня глупой за то, что я нашумела. Шум может привлечь солдат-лихачей.

Я прижимаюсь лбом к стене и кричу. Через несколько секунд я зажимаю рот ладонью, чтобы приглушить звук, и издаю еще один вопль, переходящий в рыдание. Пистолет с грохотом падает на землю. Я не перестаю видеть Уилла.

Он улыбается в моих воспоминаниях. Вздернутая губа. Ровные зубы. Свет в глазах. Смеющийся, поддразнивающий, более живой в моей памяти, чем я – в реальности. Или я, или он. Я выбрала себя. Но умерла вместе с ним.

Я стучу в дверь: два раза, затем три, затем шесть, как учила мать.

Я вытираю слезы с лица. Мы с отцом встретимся впервые с тех пор, как я его покинула, и я не хочу, чтобы он видел меня рыдающей, в полуобмороке.

Дверь открывает Кaleb. При виде брата я впадаю в оцепенение. Он несколько секунд смотрит на меня и затем заключает в объятия, задев рану на плече. Я прикусываю губу, чтобы не закричать, но сдержать стон не удастся, и Кaleb отшатывается.

– Беатрис. О боже, тебя ранили?

– Давай зайдем в дом, – тихо говорю я.

Он проводит большим пальцем под глазами, ловя влагу. Дверь захлопывается за нами.

Комната освещена тускло, но я вижу знакомые лица бывших соседей и одноклассников, товарищей отца по работе. Отца, смотрящего так, словно у меня выросла вторая голова. Маркуса. При виде него меня скручивает боль... Тобиас...

Нет. Я не стану это делать, не стану думать о нем.

– Откуда тебе известно о нашем укрытии? – спрашивает Кaleb. – Мама нашла тебя?

Я киваю. Думать о маме тоже не хочется.

– Плечо, – говорю я.

Теперь, в безопасности, адреналин, приведший меня сюда, распадается, и боль становится сильнее. Я опускаюсь на колени. Вода течет с моей одежды на бетонный пол. Из груди отчаянно рвется всхлип, и я, давась, глотаю его.

Женщина по имени Тесса, жившая на нашей улице, раскатывает тюфяк. Она была замужем за членом совета, но я не вижу его. Вероятно, он мертв.

Кто-то переносит лампу из одного угла в другой, чтобы у нас был свет. Кaleb достает аптечку, а Сьюзен приносит бутылку воды. Нет лучшего места для нуждающихся в помощи, чем полная комната членов Альтруизма. Я смотрю на Калеба. Он снова в сером. Наша встреча в лагере Эрудиции теперь кажется сном.

Отец подходит ко мне, кладет мою руку себе на плечи и помогает пересечь комнату.

– Почему ты мокрая? – спрашивает Кaleb.

– Меня пытались утопить. Как ты здесь оказался?

– Я сделал, как ты велела... как мама велела. Исследовал симуляционную сыворотку и обнаружил, что Жанин работала над сывороточными передатчиками дальнего действия, чтобы сигнал

распространялся на большее расстояние, а это привело меня к информации об Эрудиции и Лихости... в общем, узнав, что происходит, я провалил инициацию. Я предупредил бы тебя, но было уже слишком поздно. Теперь я бесфракционер.

– Ничего подобного, – жестко возражает отец. – Ты с нами.

Я опускаюсь на колени на тюфяк, и Калёб срезает медицинскими ножницами лоскут рубашки с моего плеча. Он отлепляет квадрат ткани, обнажая сначала татуировку Альтруизма на моем правом плече, затем трех птиц на ключице. Калёб и отец смотрят на мои татуировки одинаково зачарованно и возмущенно, но ничего не говорят.

Я лежу на животе. Калёб сжимает мою ладонь, пока отец достает антисептик из аптечки.

– Ты когда-нибудь вынимал пулю из живого человека? – спрашиваю я с нервным смешком.

– Ты многого не знаешь обо мне, – отвечает он.

Я многого не знаю об обоих своих родителях. Я думаю о маминой татуировке и прикусываю губу.

– Будет больно, – предупреждает он.

Я не вижу, как входит нож, но чувствую его. Боль разливается по телу, и я ору, сжав зубы и стиснув руку Калёба. Сквозь крик я слышу, как отец просит меня расслабить спину. Из уголков глаз текут слезы, и я повинуюсь. Боль начинается снова, я чувствую, как нож ходит под кожей, и не перестаю кричать.

– Достал, – говорит он и швыряет что-то на пол со звоном.

Калёб смотрит на отца, затем на меня и смеется. Я так долго не слышала его смеха, что на глаза наворачиваются слезы.

– Что смешного? – Я хлюпаю носом.

– Вот уж не думал, что снова увижу нас вместе, – отвечает он.

Отец протирает кожу вокруг раны чем-то холодным.

– Пора зашивать, – сообщает он.

Я киваю. Он вдевает нить в иглу, как будто проделывал это тысячу раз.

– Раз, – произносит он, – два, три...

На этот раз я стискиваю зубы и молчу. Из всей боли, которая выпала мне сегодня – боли оттого, что меня подстрелили, оттого, что я едва не утонула, оттого, что из меня вытащили пулю, боли обретения и утраты матери и Тобиаса, – эту легче всего вынести.

Отец заканчивает зашивать рану, перерезает нить и закрывает шов бинтом. Калёб помогает мне сесть, разделяет подошвы двух своих футболок, стягивает через голову ту, что с длинными рукавами, и отдает мне.

Отец помогает продеть правую руку в рукав футболки, и я натягиваю остальное через голову. Футболка мешковатая и пахнет свежестью, пахнет Калебом.

– Итак, – тихо произносит отец. – Где твоя мать?

Я опускаю глаза. Мне не хочется сообщать эту новость.

Не хочется, чтобы эта новость вообще была.

– Ее больше нет, – отвечаю я. – Она спасла меня.

Калевб закрывает глаза и глубоко вдыхает.

Отец на мгновение кажется убитым горем, но затем приходит в себя, отводит влажные глаза и кивает.

– Хорошо, – напряженно произносит он. – Хорошая смерть.

Если я заговорю сейчас, то сорвусь, а я не могу себе этого позволить. Так что я просто киваю.

Эрик назвал самоубийство Ала отважным, но он ошибался. Отважной была смерть моей матери. Я помню, какой спокойной она была, какой решительной. Отвага не только в том, что она умерла ради меня. Отвага в том, что она сделала это без громких слов, без промедления и, очевидно, не ища других вариантов.

Отец помогает мне встать. Пора встретиться с остальными. Мать велела мне спасти их. Поэтому и потому, что я лихачка, теперь возглавить их – мой долг. Не представляю, как справлюсь с этим бременем.

Маркус тоже встает. При виде его я вспоминаю, как он бил меня ремнем по руке, и грудь сжимается от боли.

– Здесь мы в безопасности только на время, – наконец говорит Маркус. – Нужно выбраться из города. Самое разумное – отправиться в лагерь Товарищества в надежде, что нас примут. Тебе что-нибудь известно о стратегии лихачей, Беатрис? Они приостановят войну на ночь?

– Это не стратегия лихачей. За всем стоят эрудиты. Но это не значит, что они отдают приказания.

– Не отдают приказания, – повторяет отец. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что девяносто процентов лихачей превратились в сомнамбул. Они находятся в симуляции и понятия не имеют, что делают. Единственная причина, по которой я не такая же, как они, – это то, что я... – Я спотыкаюсь на этом слове. – Контроль сознания не действует на меня.

– Контроль сознания? Так они не знают, что убивают людей? – Глаза отца широко распахнуты.

– Нет.

– Это... ужасно. – Маркус качает головой. Его сочувственный тон

кажется мне наигранным. – Проснуться и понять, что натворил...

В комнате становится тихо; наверное, все альтруисты воображают себя на месте солдат-лихачей, и тогда я наконец понимаю.

– Мы должны разбудить их.

– Что? – переспрашивает Маркус.

– Если мы разбудим лихачей, они, вероятно, взбунтуются, когда поймут, что происходит, – объясняю я. – Эрудиты останутся без армии. Альтруисты перестанут умирать. Все кончится.

– Все не так просто, – возражает отец. – Даже без помощи лихачей эрудиты найдут способ...

– И как нам их разбудить? – спрашивает Маркус.

– Мы найдем компьютеры, которые контролируют симуляцию, и уничтожим данные, – отвечаю я. – Программу. Всё.

– Легче сказать, чем сделать, – замечает Калев. – Они могут быть повсюду. Нельзя так просто заявиться в лагерь Эрудитии и вынюхивать.

– Они...

Я хмурюсь. Жанин. Жанин разговаривала о чем-то важном, когда мы с Тобиасом вошли в ее кабинет, достаточно важно, чтобы бросить трубку. «Ее нельзя оставлять без присмотра». И потом, когда отсылала Тобиаса: «Отправьте его в диспетчерскую». Диспетчерская, где работал Тобиас. С мониторами системы безопасности Лихости. И компьютерами Лихости.

– Они в штаб-квартире Лихости, – говорю я. – Все сходится. Там хранятся все данные о лихачах, так почему бы не контролировать их оттуда?

Я краешком сознания замечаю, что сказала «их». Формально со вчерашнего дня я считаюсь лихачкой, но не чувствую себя таковой. Но я и не альтруистка.

Наверное, я та, кем была всегда. Не лихачка, не альтруистка, не бесфракционница. Дивергент.

– Уверена? – спрашивает отец.

– Это обоснованная догадка, – отвечаю я, – и лучшей гипотезы у меня нет.

– Тогда надо решить, кто пойдет, а кто отправится в Товарищество, – произносит он. – Какая помощь тебе нужна, Беатрис?

Вопрос поражает меня, как и выражение его лица. Он смотрит на меня как на ровню. Говорит со мной как с ровней. Или он признал, что я стала взрослой, или признал, что я больше не его дочь. Последнее более вероятно и более мучительно.

– Любой, кто умеет и готов стрелять, – отвечаю я, – и не боится

ВЫСОТЫ.

Глава 37

Силы Эрудиции и Лихости сконцентрированы в секторе Альтруизма, так что, пока мы бежим из него, шансы встретиться с препятствиями минимальны.

Мне не пришлось решать, кто пойдет со мной. Кaleb был очевидным выбором, поскольку он знает о плане Эрудиции больше всех. Маркус настоял на том, чтобы идти, несмотря на мои возражения, потому что умеет обращаться с компьютерами. А отец с самого начал вел себя так, как будто его участие не обсуждается.

Несколько секунд я смотрю, как остальные бегут в противоположном направлении – к безопасности, к Товариществу, – и затем поворачиваюсь к городу, к войне. Мы стоим у рельсов, которые приведут нас к опасности.

– Сколько времени? – спрашиваю я у Калеба.

Он смотрит на часы.

– Три двадцать.

– Придет с минуты на минуту.

– Он остановится?

Я качаю головой.

– Через город он движется медленно. Мы пробежим несколько футов рядом с вагоном и заберемся внутрь.

Запрыгивать в поезда стало для меня легким и естественным делом. Для остальных это будет не так просто, но останавливаться поздно. Я оборачиваюсь через левое плечо и вижу фары, горящие золотом на фоне серых зданий и дорог. Я подскакиваю на цыпочках, пока огни становятся все больше и больше, а когда нос поезда проплывает мимо, пускаюсь трусцой. Присмотрев открытый вагон, я набираю скорость, чтобы поравняться с ним, и хватаюсь за ручку слева, закидывая тело внутрь.

Кaleb запрыгивает сам, тяжело приземлившись и перекатившись на бок, и помогает Маркусу. Отец падает на живот и втаскивает ноги. Все отходят от двери, но я стою на краю, держась одной рукой за ручку, и наблюдаю, как город проносится мимо.

На месте Жанин я послала бы большинство солдат-лихачей ко входу в лагерь Лихости над Ямой, возле стеклянного здания. Нам разумнее отправиться к черному ходу, в который прыгают с крыши.

– Полагаю, теперь ты жалеешь, что выбрала Лихость, – замечает Маркус.

Я удивлена, что мой отец не задал тот же вопрос, но он, как и я, наблюдает за городом. Поезд проходит мимо лагеря Эрудиции с погашенными огнями. Издали он кажется мирным, и, возможно, внутри его стен царит мир. Вдали от конфликта и реальности того, что они натворили.

Я качаю головой.

– Даже после того, как лидеры твоей фракции решили присоединиться к заговору против правительства? – выплевывает Маркус.

– Мне нужно было кое-чему научиться.

– Быть храброй? – тихо спрашивает отец.

– Быть самоотверженной, – поправляю я. – Часто это одно и то же.

– Поэтому ты вытатуировала символ Альтруизма на плече? – спрашивает Калев.

Я почти уверена, что в глазах отца мелькает улыбка. Я слабо улыбаюсь в ответ и киваю.

– И символ Лихости на другом.

Стеклянное здание над Ямой отражает солнечный свет мне в глаза. Я стою у двери, держась за ручку, чтобы не упасть. Почти приехали.

– Когда я скажу прыгать – прыгайте как можно дальше.

– Прыгать? – переспрашивает Калев. – До земли семь этажей, Трис.

– На крышу, – уточняю я.

При виде его изумленного лица я поясняю:

– Потому что и называется проверкой храбрости.

Половина храбрости заключается в угле зрения. Когда я делала это впервые, это был один из самых трудных поступков в моей жизни. Теперь готовиться к прыжку с движущегося поезда легче легкого, потому что за последние несколько недель я совершила больше трудных поступков, чем большинство людей – за всю жизнь. И все же ни один из них не сравнится с тем, что мне предстоит сделать в лагере Лихости. Если я выживу, то, несомненно, совершу еще более трудные поступки, например научусь жить без фракции, что всегда казалось мне невозможным.

– Папа, пора. – Я отхожу в сторону, чтобы пропустить его к краю.

Если они с Маркусом прыгнут первыми, я смогу подгадать время, чтобы им выпало самое короткое расстояние. Надеюсь, мы с Калевом сможем прыгнуть достаточно далеко, ведь мы моложе. Я должна пойти на этот риск.

Рельсы поворачивают, выстраиваются вдоль края крыши, и я кричу:

– Прыгай!

Отец сгибает колени и бросается вперед. Я не жду результата. Просто

толкаю Маркуса и кричу:

– Прыгай!

Отец приземляется на крышу, так близко к краю, что я ахаю. Он сидит на гравии, и я выталкиваю Калеба вперед. Он стоит на краю вагона и прыгает, не дожидаясь моего приказа. Я отхожу на несколько шагов, чтобы разбежаться, и выпрыгиваю из вагона в тот самый миг, когда поезд достигает конца крыши.

Мгновение я вишу в воздухе, затем мои ноги врезаются в бетон, и я перекатываюсь на бок, подальше от края. Колени болят, и удар сотрясает все тело, отчего плечо начинает пульсировать. Я сажусь, тяжело дыша, и смотрю через крышу. Кaleb и отец стоят на краю, держа Маркуса за руки. Он не справился, но и еще не упал.

Где-то внутри меня злобный голосок скандирует: «Падай, падай, падай».

Но он не падает. Отец и Кaleb затаскивают его на крышу. Я встаю, смахивая гравий со штанов. Меня всецело занимает то, что предстоит дальше. Одно дело – попросить спрыгнуть с поезда, но с крыши?

– Сейчас вы поймете, почему я спросила про страх высоты.

Сказав это, я подхожу к краю крыши. Я слышу за спиной их шаркающие шаги и ступаю на бортик. Ветер дует снизу, задирая футболку. Я смотрю на дыру в земле, в семи этажах подо мной, и закрываю глаза, подставляя лицо ветру.

– Внизу натянута сеть.

Я смотрю на них через плечо. Они выглядят озадаченными. Они еще не поняли, что я прошу сделать.

– Не думайте, – добавляю я. – Просто прыгайте.

Я отворачиваюсь и в тот же миг выгибаюсь назад, теряя равновесие. Я падаю как камень, с закрытыми глазами, вытянув руку, чтобы чувствовать ветер. Расслабляю мышцы, насколько возможно, прежде чем удариться о сеть, которая врезается мне в плечо, словно бетонная плита. Стискиваю зубы, перекатываюсь на бок, хватаясь за столб, который поддерживает сеть, и перекидываю ногу через край. Приземляюсь на колени на платформу, перед глазами все плывет от слез.

Кaleb взвизгивает, когда сеть принимает его тело, и выпрямляется. Я не без труда встаю.

– Кaleb! – сиплю я. – Сюда!

Тяжело дыша, Кaleb ползет к краю сети и переваливается через него, плюхаясь на платформу. Морщась, он поднимается на ноги и смотрит на меня с открытым ртом.

– Сколько раз... ты... это делала? – спрашивает он, задыхаясь.

– Теперь – два.

Он качает головой.

Когда отец падает в сеть, Калёб помогает ему выбраться. Оказавшись на платформе, отец наклоняется, и его выворачивает через край. Я спускаюсь по лестнице и, оказавшись внизу, слышу, как Маркус со стоном приземляется в сеть.

В пещере пусто, коридоры уходят в темноту.

Судя по словам Жанин, в лагере Лихости никого не осталось, кроме солдат, которых она послала назад охранять компьютеры. Если мы найдем солдат-лихачей, то найдем и компьютеры. Я оборачиваюсь. Маркус стоит на платформе, белый как мел, но невредимый.

– Так вот он какой, лагерь Лихости, – замечает Маркус.

– Да, – подтверждаю я. – И что?

– Не думал, что когда-нибудь его увижу. – Он проводит рукой по стене. – Не надо быть такой колючей, Беатрис.

Я раньше не замечала, какие ледяные у него глаза.

– У тебя есть план, Беатрис? – спрашивает отец.

– Да.

Это правда. У меня есть план, хотя я не знаю, когда успела его придумать. Я также не уверена, сработает ли он. Можно рассчитывать на несколько моментов: в лагере мало лихачей, Лихачи отнюдь не славятся коварством, и я сделаю все, чтобы их остановить.

Мы идем по коридору, ведущему к Яме. Через каждые десять футов коридор пересекают полосы света. Когда мы входим в первую полосу, я слышу выстрел и падаю. Должно быть, нас заметили. Я ползу к следующему темному участку. Искра выстрела вспыхнула на другой стороне комнаты, у двери, которая ведет в Яму.

– Все целы? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает отец.

– Тогда оставайтесь здесь.

Я бегу к стене комнаты. Лампы выступают из стены, так что под каждой лежит узкая полоса тени. Я достаточно маленькая, чтобы спрятаться в ней, если повернусь боком. Я прокрадусь вдоль стены и ошарашу охранника, стреляющего в нас, прежде чем он успеет всадить пулю мне в голову. Возможно.

Я благодарна Лихости в том числе за готовность, которая избавляет меня от страха.

– Кто бы там ни был, – кричит голос, – бросайте оружие, руки вверх!

Я поворачиваюсь и прижимаюсь спиной к каменной стене. Я быстро перемещаюсь в сторону, переступая ногами крест-накрест, и щурюсь сквозь полумрак. Новый выстрел разрывает тишину. Я достигаю последней лампы и мгновение стою в тени, дожидаясь, когда глаза привыкнут.

Я не могу победить в драке, но если буду двигаться достаточно быстро, мне не придется драться. Неслышными шагами я иду к охраннику у двери. В нескольких ярдах от него я осознаю, что мне знакомы эти темные волосы, которые всегда блестят, даже в относительной темноте, и длинный нос с узкой переносицей.

Это Питер.

Холодок скользит по коже, гладит сердце, проваливается в желудок.

Его лицо напряжено – он не сомнамбула. Он оглядывается, но его глаза сканируют воздух надо мной и вокруг меня. Судя по его молчанию, он не намерен вести переговоры. Он убьет нас, не задавая вопросов.

Я облизываю губы, пробегаю несколько последних шагов и бью основанием ладони ему в нос. Он кричит, закрывая лицо обеими руками. Мое тело сотрясается от нервной энергии, и, пока он щурится, я пинаю его в пах. Он падает на колени, с грохотом роняя пистолет. Я подбираю оружие и приставляю дуло к его макушке.

– Почему ты не спишь? – требовательно спрашиваю я.

Он поднимает голову, и я взвожу курок, выгнув бровь.

– Лидеры Лихости... они оценили мои записи и освободили меня от симуляции, – отвечает он.

– Потому что рассудили, что ты и так достаточно кровожаден и запросто убьешь пару сотен человек, находясь в сознании, – замечаю я. – Звучит разумно.

– Я не... кровожаден!

– Впервые вижу настолько лживого правдолюбца. – Я постукиваю пистолетом по его черепу. – Где компьютеры, которые контролируют симуляцию, Питер?

– Ты меня не застрелишь.

– Меня часто переоценивают, – тихо говорю я. – Думают, раз я маленькая, или девушка, или Сухарь, значит, не могу быть жестокой. Но это ошибка.

Я перевожу пистолет на три дюйма влево и стреляю ему в плечо.

Его вопли наполняют коридор. Кровь хлещет из раны, и он снова вопит, прижав лоб к полу. Я снова приставляю пистолет к его голове, не обращая внимания на укол вины в груди.

– Теперь, когда ты понял свою ошибку, я дам тебе еще один шанс

рассказать то, что мне нужно, прежде чем я выстрелю куда похуже.

Еще один момент, на который можно рассчитывать: Питер эгоистичен.

Он поворачивает голову и пристально смотрит на меня сверкающим глазом. Он закусил нижнюю губу и неровно выдыхает. И вдыхает. И выдыхает.

– Они слушают, – выплевывает он. – Если ты меня не убьешь, они убьют. Я скажу, но только если ты заберешь меня отсюда.

– Что?

– Забери меня... аах... с собой, – морщится он.

Я не верю собственным ушам.

– Ты хочешь, чтобы я забрала с собой тебя, человека, который пытался меня убить?

– Да, – стонет он. – Если хочешь узнать то, что хочешь.

Кажется, будто у меня есть выбор, но на самом деле нет. Каждую минуту, которую я таращусь на Питера и вспоминаю ночные кошмары с его участием и вред, который он мне причинил, очередной десяток альтруистов погибает в тисках безмозглой армии Лихости.

– Ладно. – Я чуть не давлюсь этим словом. – Ладно.

Я слышу за спиной шаги и оборачиваюсь, крепко держа пистолет. Отец и остальные идут к нам.

Отец снимает рубашку. Под ней надета серая футболка. Он приседает на корточки рядом с Питером и туго перевязывает его плечо. Промокая кровь, текущую по руке Питера, он поднимает взгляд на меня и спрашивает:

– Разве нельзя было обойтись без стрельбы?

Я не отвечаю.

– Иногда боль – во благо, – спокойно замечает Маркус.

Я мысленно вижу, как он стоит перед Тобиасом с ремнем в руке, и слышу эхо его голоса. «Это для твоего же блага». Несколько секунд я не свожу с него глаз. Он действительно в это верит? Это похоже на слова лихача.

– Нам пора, – говорю я. – Вставай, Питер.

– Ты хочешь, чтобы он шел? – возмущается Калев. – С ума сошла?

– Разве я прострелила ему ногу? Нет. Он идет с нами. Куда мы идем, Питер?

Калев помогает Питеру подняться.

– В стеклянное здание, – морщится он. – Восьмой этаж.

Он проходит в дверь первым.

Я окунаюсь в рев реки и голубоватое мерцание Ямы, которую никогда

еще не видела такой пустой. Я осматриваю стены в поисках признаков жизни, но не вижу ни движения, ни фигур, затаившихся в темноте. С пистолетом в руке я иду к тропинке, которая ведет к стеклянному потолку. От пустоты меня пробирает дрожь. Пустота напоминает о бескрайнем поле в моих кошмарах с воронами.

– Почему ты считаешь себя вправе стрелять в людей? – спрашивает отец, следуя за мной по тропинке. Мы проходим мимо тату-студии. Где-то сейчас Тори? И Кристина?

– Сейчас не время обсуждать мою этику, – отвечаю я.

– Напротив, самое время, – возражает он, – потому что скоро тебе представится возможность выстрелить в кого-то еще, и если ты не понимаешь...

– Не понимаю чего? – бросаю я, не оборачиваясь. – Что каждая потерянная мной секунда означает смерть очередного альтруиста и превращение очередного лихача в убийцу? Я поняла это. Теперь твоя очередь.

– Всегда есть правильный путь.

– Почему ты так уверен, что знаешь его?

– Пожалуйста, не надо ссориться, – с укоризной перебивает Кaleb. – Сейчас у нас есть дела поважнее.

Я продолжаю подниматься, мои щеки горят. Несколько месяцев назад я бы не осмелилась рявкнуть на отца. Возможно, даже несколько часов назад. Но что-то изменилось, когда застрелили мою мать. Когда отняли Тобиаса.

Сквозь рев воды я слышу, как пыхтит отец. Я забыла, что он старше меня, что его костяк хуже справляется с весом тела.

Прежде чем подняться по металлической лестнице, которая вознесет меня над стеклянным потолком, я жду в темноте и наблюдаю за солнечными бликами на стенах Ямы. Дождавшись, когда тень скользнет по залитой солнцем стене, я считаю секунды до появления следующей. Охранники совершают обход каждые полторы минуты, двадцать секунд стоят и движутся дальше.

– Там, наверху, вооруженные люди. Они убьют меня, если смогут, – тихо говорю я отцу и заглядываю ему в глаза. – Я должна им позволить?

Он несколько секунд смотрит на меня.

– Ступай, – отвечает он, – и помоги тебе Бог.

Я осторожно поднимаюсь по лестнице и останавливаюсь, прежде чем высунуть голову наружу. Я жду, наблюдая за движением теней, и, когда одна из них останавливается, делаю шаг наверх, целюсь и стреляю.

Пуля не попадает в охранника. Она разносит окно за ним. Я снова стреляю и ныряю вниз, когда пули со звоном отскакивают от пола вокруг меня. Слава богу, стеклянный потолок пуленепробиваемый, не то стекло разбилось бы и я расшиблась насмерть.

Одним охранником меньше. Я глубоко вдыхаю и поднимаю руку над потолком, глядя сквозь стекло на свою цель. Отклоняю пистолет назад и стреляю в бегущего ко мне охранника. Пуля попадает ему в плечо. К счастью, это его ведущая рука, потому что он роняет пистолет, и тот скользит ко мне по полу.

Дрожа всем телом, я бросаюсь в дыру в потолке и хватаю упавший пистолет, прежде чем охранник успевает до него добраться. Пуля со свистом проносится мимо моей головы, так близко, что ерошит мне волосы. С широко распахнутыми глазами я закидываю правую руку через плечо, отчего тело заливают жгучая боль, и три раза стреляю за спину. Одна из пуль чудом попадает в охранника, и на глаза невольно наворачиваются слезы от боли в плече. Я только что порвала шов. Я уверена в этом.

Еще один охранник стоит напротив меня. Распластавшись на животе, уперев локти в пол, я наставляю на него оба пистолета. Я смотрю в черную точку – дуло его пистолета.

Затем происходит нечто неожиданное. Он дергает подбородком в сторону. Пропускает меня.

Очевидно, он дивергент.

– Все чисто! – кричу я.

Охранник ныряет в зал пейзажа страха и исчезает.

Я медленно встаю, прижимая правую руку к груди. Я вижу только то, что прямо передо мной. Я бегу по этому пути и не смогу остановиться, не смогу ни о чем думать, пока не достигну конца.

Я протягиваю один пистолет Калебу и засовываю второй за пояс.

– Думаю, вам с Маркусом лучше остаться здесь с ним, – я киваю на Питера. – Он будет только помехой. Постарайся, чтобы за нами никто не пошел.

Надеюсь, он не понимает, что я делаю – оставляю его здесь, в безопасности, хотя он с радостью отдал бы жизнь ради нашего дела. Если я поднимусь в здание, вряд ли мне удастся вернуться. Лучшее, на что можно надеяться, – разрушить симуляцию, прежде чем меня убьют. Когда я решилась на эту верную смерть? Почему это было так просто?

– Я не могу здесь оставаться, пока ты рискуешь жизнью наверху, – возражает Калев.

– Это необходимо.

Питер опускается на колени. Его лицо блестит от пота. На мгновение мне почти становится его жаль, но потом я вспоминаю Эдварда и как зудели мои глаза под повязкой, и жалость уступает место ненависти. Кaleb наконец кивает.

Я подхожу к одному из упавших охранников и забираю его пистолет, отводя глаза от раны, ставшей для него смертельной. У меня в голове пульсирует кровь. Я не ела, не спала, не плакала, не кричала и даже не останавливалась ни на мгновение. Я закусываю губу и заставляю себя идти к лифтам на правой стороне комнаты. Восьмой уровень.

Как только двери лифта закрываются, я прислоняюсь головой к стеклу и слушаю писк.

Я смотрю на отца.

– Спасибо... что защитила Калеба, – говорит отец. – Беатрис, я...

Лифт поднимается на восьмой этаж, и двери открываются. Два охранника стоят наготове с пистолетами в руках и пустыми лицами. Я широко распахиваю глаза и падаю на живот под звуки выстрелов. Я слышу, как пули ударяют в стекло. Охранники оседают на пол; один из них жив и стонет, другой медленно угасает. Отец стоит над ними с пистолетом в вытянутой руке.

Спотыкаясь, я поднимаюсь на ноги. Охранники бегут из левого коридора. Судя по синхронности их шагов, ими управляет симуляция. Я могу убежать направо, но, если охранники явились слева, компьютеры именно там. Я падаю на пол между охранниками, которых только что застрелил мой отец, и лежу неподвижно.

Отец выпрыгивает из лифта и бежит по правому коридору, уводя охранников-лихачей за собой. Я зажимаю рот рукой, чтобы не заорать ему вслед. Тот коридор – тупик.

Я пытаюсь опустить голову, чтобы ничего не видеть, но не могу. Я выглядываю из-за спины упавшего охранника. Отец вполборота стреляет в преследователей, но недостаточно быстро. Один из выстрелов попадает ему в живот, и он стонет так громко, что я чувствую эхо в груди.

Он зажимает живот рукой, ударяется плечами о стену и стреляет снова. И снова. Охранники в симуляции, они не перестают двигаться, даже когда пули попадают в них, не перестают двигаться, пока их сердца не останавливаются. И все же они не добираются до отца. Кровь льется по его руке, и краски покидают лицо. Еще один выстрел, и последний охранник падает.

– Папа, – хрипло шепчу я, хотя думала крикнуть.

Он оседает на землю. Наши взгляды встречаются, как будто ярды

между нами – ничто.

Он открывает рот, словно хочет что-то сказать, но роняет подбородок на грудь, и его тело обмякает.

У меня печет глаза, и я слишком слаба, чтобы встать. От запаха пота и крови меня мутит. Хочется положить голову на пол, и пусть все закончится. Хочется уснуть и никогда не просыпаться.

Но то, что я сказала отцу чуть раньше, было правдой: каждую секунду моего промедления умирает очередной альтруист. Во всем мире для меня осталось только одно – разрушить симуляцию.

Я с трудом встаю и бегу по коридору, поворачивая в конце направо. Впереди всего одна дверь. Я открываю ее.

Противоположная стена составлена целиком из квадратных экранов со стороной один фут. Десятки экранов, и на каждом – своя часть города. Ограда. «Втулка». Улицы сектора Альтруизма, кишашие солдатами-лихачами. Первый этаж здания под нами, где Кaleb, Маркус и Питер ждут моего возвращения. Это стена всего, что я когда-либо видела, всего, что я знала.

На одном из экранов – строчка кода вместо изображения. Она проносится быстрее, чем я могу прочесть. Это симуляция, уже скомпилированный код, сложный список команд, которые предвосхищают и обрабатывают тысячу различных исходов.

Перед экраном – кресло и стол. В кресле сидит солдат-лихач.

– Тобиас, – произношу я.

Глава 38

Тобиас поворачивает голову и переводит на меня взгляд темных глаз. Он хмурит брови. Встает. Он выглядит озадаченным. Он поднимает пистолет.

– Брось оружие, – приказывает он.

– Тобиас, – говорю я, – ты в симуляции.

– Брось оружие, – повторяет он. – Или я выстрелю.

Жанин сказала, что он меня не знает. Жанин также сказала, что симуляция превратила друзей Тобиаса во врагов. Он выстрелит в меня, если потребуется.

Я кладу пистолет у своих ног.

– Брось оружие! – кричит Тобиас.

– Я бросила, – отвечаю я.

Тихий голосок в моей голове шепчет, что он не слышит меня, не видит, не знает. Языки пламени пляшут на изнанке моих век. Я не могу так просто позволить ему меня застрелить.

Я бегу к нему, хватая за запястье. Я чувствую движение его мышц, когда он нажимает на спуск, и наклоняю голову как раз вовремя. Пуля попадает в стену за моей спиной. Задышавшись, я пинаю его по ребрам и изо всех сил выворачиваю его запястье. Он роняет пистолет.

Я неспособна победить Тобиаса в драке. Мне это прекрасно известно. Но я должна уничтожить компьютер. Я ныряю за пистолетом, но, прежде чем успеваю его коснуться, Тобиас хватается за меня и валит на бок.

Мгновение я смотрю в его темные враждебные глаза, прежде чем он бьет меня в челюсть. Моя голова дергается в сторону, и я уклоняюсь от него, вскидывая руки, чтобы защитить лицо. Главное – не упасть; не упасть, не то он забьет меня ногами, и это будет хуже, намного хуже. Пяткой я отшвыриваю пистолет назад, чтобы он не смог его схватить, и, несмотря на пульсирующую челюсть, пинаю его в живот.

Он ловит мою ногу и швыряет меня на пол так, что я приземляюсь на плечо. От боли по краям поля зрения все чернеет. Я поднимаю взгляд на него. Он отводит ногу назад, как будто собирается меня пнуть, и я перекатываюсь на колени, протягивая руку за пистолетом. Я не знаю, что буду с ним делать. Я не могу застрелить Тобиаса, не могу его застрелить, не могу. Он где-то там, внутри.

Он хватается за волосы и опрокидывает на бок. Я тянусь к нему и

вцепляюсь в запястье, но он слишком сильный, и мой лоб врезается в стену.

Он где-то там, внутри.

– Тобиас, – произношу я.

Кажется, его хватка на мгновение ослабевает? Я изворачиваюсь и бью ногой назад, попадая пяткой по икре. Когда он пропускает мои волосы сквозь пальцы, я ныряю за пистолетом и сжимаю холодный металл. Я переворачиваюсь на спину и наставляю пистолет на него.

– Тобиас, – говорю я, – я знаю, ты где-то там, внутри.

Но будь это так, он не ринулся бы на меня с явным намерением наконец-то прикончить.

Я встаю.

– Тобиас, пожалуйста.

Я умоляю. Я жалкая. Лицо пылает от слез.

– Пожалуйста. Увидь меня.

Он идет ко мне, его движения опасны, стремительны, мощны. Пистолет дрожит в моих руках.

– Пожалуйста, увидь меня, Тобиас, пожалуйста!

Даже когда он хмурится, его глаза выглядят задумчивыми, и я вспоминаю, как изгибались его губы в улыбке.

Я не могу его убить. Я не уверена, люблю ли его, не уверена, в этом ли причина. Но я точно знаю, как он поступил бы на моем месте. Я уверена, что ничто на свете не стоит его гибели.

Я уже делала это раньше... в своем пейзаже страха, с пистолетом в руке, когда голос повелевал застрелить тех, кого я люблю. В тот раз я добровольно выбрала смерть, но не представляю, чем это поможет теперь. И все же я знаю, просто знаю, что это будет правильный поступок.

Отец говорит... говорил... что в самопожертвовании – сила.

Я переворачиваю пистолет дулом к себе и вкладываю его в руку Тобиаса.

Он прижимает дуло к моему лбу. Слезы остановились, и холодный воздух овеивает мои щеки. Я кладу руку на грудь Тобиаса, чтобы чувствовать его сердцебиение. По крайней мере, сердцебиение у него не отняли.

Щелкает взводимый курок. Возможно, позволить застрелить меня будет легко, как в пейзаже страха, как в моих снах. Возможно, просто раздастся выстрел, погаснут огни, и я очнусь в другом мире. Я неподвижно стою и жду.

Буду ли я прощена за все, что натворила, чтобы попасть сюда?

Я не знаю. Не знаю.

«Пожалуйста».

Глава 39

Выстрела все нет. Тобиас смотрит на меня с прежней свирепостью, но не двигается. Почему он не стреляет в меня? Его сердце стучится в мою ладонь, и в мое сердце закрадывается надежда. Он дивергент. Он может побороть эту симуляцию. Любую симуляцию.

– Тобиас, это я.

Я шагаю вперед и обнимаю его. Его тело неподвижно. Его сердце бьется быстрее. Я чувствую это щекой. Стук рядом с щекой. Стук пистолета, падающего на пол. Он хватается меня за плечи... слишком сильно, его пальцы впиваются в кожу в том месте, откуда извлекли пулю. Я кричу, когда он отстраняет меня. Возможно, он собирается убить меня каким-то более жестоким образом.

– Трис, – произносит он, вновь став собой. Наши губы встречаются.

Он обнимает и приподнимает меня, прижимает к себе, вцепившись мне в спину. Его лицо и затылок скользкие от пота, его тело дрожит, мое плечо горит от боли, но мне наплевать, наплевать, наплевать.

Он опускает меня на пол и смотрит на меня, гладит пальцами по лбу, бровям, щекам, губам.

Он издает что-то вроде всхлипа, вздоха и стона и снова целует меня. Его глаза блестят от слез. Никогда не думала, что увижу Тобиаса плачущим. Это ранит меня.

Я прижимаюсь к его груди и рыдаю в рубашку. Возвращается пульсирующая боль в голове, боль в плече, и мое тело словно становится в два раза тяжелее. Я прислоняюсь к Тобиасу, и он поддерживает меня.

– Как тебе это удалось? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает он. – Просто услышал твой голос.

Через несколько секунд я вспоминаю, зачем пришла. Я отстраняюсь, вытираю щеки внутренними сторонами ладоней и снова поворачиваюсь к экранам. На одном из них – питьевой фонтанчик. Тобиас так нервничал, когда я громила Лихость рядом с ним. Все время смотрел на стену над фонтанчиком. Теперь я знаю почему.

Мы с Тобиасом некоторое время стоим неподвижно, и я думаю, что знаю, о чем он думает, потому что я думаю о том же самом: как такая мелочь может управлять таким огромным количеством людей?

– И это я управлял симуляцией? – спрашивает он.

– Скорее, следил за ней, – отвечаю я. – Она уже завершена. Не представляю как, но Жанин заставила ее работать автономно.

Он качает головой.

– Это... невероятно. Ужасно, дурно... но невероятно.

Я замечаю движение на одном из экранов и вижу своего брата, Маркуса и Питера на первом этаже здания. Их окружают солдаты-лихачи, все в черном, вооруженные.

– Тобиас, – коротко бросаю я. – Пора!

Он бежит к экрану компьютера и несколько раз касается его пальцем. Я не могу подглядеть, что он делает. Все, что я вижу, – мой брат. Он держит пистолет, который я ему дала, в вытянутой руке, как будто готовится стрелять. Я закусываю губу. «Не стреляй». Тобиас еще несколько раз касается экрана, печатая буквы, которые ничего для меня не значат. «Не стреляй».

Я вижу вспышку света – искру выстрела – и ахаю. Мой брат, Маркус и Питер припадают к земле, закрыв головы руками. Через мгновение они начинают шевелиться, и я понимаю, что они еще живы, но солдаты-лихачи приближаются. Моего брата заслоняют черные спины.

– Тобиас! – молю я.

Он снова касается экрана, и все на первом этаже замирают.

Они опускают руки по швам.

А затем лихачи начинают двигаться. Они поворачивают головы из стороны в сторону, роняют пистолеты, беззвучно раскрывают рты, толкают друг друга, некоторые падают на колени, держась за головы и раскачиваясь взад-вперед, взад-вперед.

Напряжение покидает мою грудь, и я со вздохом сажусь на пол.

Тобиас приседает на корточки рядом с компьютером и снимает боковую часть корпуса.

– Мне нужны данные, – поясняет он, – не то они просто запустят симуляцию заново.

Я наблюдаю за хаосом на экране. Должно быть, такой же хаос творится на улицах. Я изучаю экраны, один за другим, в поисках того, который показывает сектор Альтруизма. Нахожу всего один – в дальнем конце комнаты, в нижнем ряду. Лихачи на этом экране стреляют друг в друга, толкаются, вопят... хаос. Мужчины и женщины в черном падают на землю. Люди бегут во все стороны.

– Есть! – Тобиас поднимает жесткий диск компьютера. Это кусок металла размером с мою ладонь. Он протягивает его мне, и я засовываю его в задний карман.

– Нам пора. – Я поднимаюсь на ноги и указываю на экран справа.

– Да, пора. – Он обнимает меня за плечи. – Идем.

Мы вместе идем по коридору и поворачиваем за угол. Лифт напоминает мне об отце. Я просто обязана отыскать его тело.

Он лежит на полу рядом с лифтом, в окружении тел охранников. Я сдавленно кричу и отворачиваюсь. Желчь подступает к горлу, и меня выворачивает на стену.

Мгновение мне кажется, что все внутри рушится, и я припадаю к земле у тела, дыша через рот, чтобы не чувствовать запах крови. Я зажимаю рот ладонью, чтобы сдержать всхлип. Еще пять секунд. Пять секунд слабости, и я встану. Раз, два. Три, четыре.

Пять.

Я толком не сознаю, что происходит вокруг. Лифт, стеклянная комната, порыв ледяного ветра. Вопящая толпа солдат-лихачей в черном. Я ищу лицо Калеба, но его нигде нет, нигде, пока мы не выходим из стеклянного здания на свет.

Калев бежит ко мне, когда я прохожу через двери, и я падаю на него. Он крепко держит меня.

– Папа? – спрашивает он.

Я молча качаю головой.

– Хорошо, – он едва не давится этим словом, – он не хотел бы иной смерти.

Через плечо Калеба я вижу, как Тобиас спотыкается на ходу. Он не сводит глаз с Маркуса и застывает на месте. В стремлении разрушить симуляцию я забыла его предупредить.

Маркус подходит к Тобиасу и обнимает сына. Тобиас продолжает стоять неподвижно, опустив руки, с ошеломленным лицом. Я наблюдаю, как подпрыгивает его кадык, как он поднимает глаза к небу.

– Сынок, – вздыхает Маркус.

Тобиас вздрагивает.

– Эй!

Я отстраняюсь от Калеба. Я вспоминаю, как ремень ужалил мое запястье в пейзаже страха Тобиаса, и встаю между ними, отталкивая Маркуса.

– Эй, оставь его в покое.

Я чувствую, как Тобиас дышит мне в шею, судорожно, неровно дышит.

– Держись от него подальше, – шиплю я.

– Беатрис, что ты делаешь? – спрашивает Калев.

– Трис, – произносит Тобиас.

Маркус бросает на меня возмущенный взгляд, который кажется фальшивым, – его глаза слишком широко распахнуты, рот чересчур приоткрыт. Я бы с удовольствием стерла это выражение с его лица кулаком, если бы могла.

– Не все те статьи эрудитов были полны лжи, – говорю я, щурясь на Маркуса.

– О чем ты говоришь? – тихо спрашивает Маркус. – Не знаю, что тебе наговорили, Беатрис, но...

– Я до сих пор не пристрелила тебя только потому, что это право принадлежит ему! – рявкаю я. – Держись от него подальше, не то я перестану сдерживаться.

Тобиас кладет руки мне на плечи и стискивает пальцы. Маркус несколько секунд не сводит с меня глаз, и они невольно кажутся мне черными провалами, как в пейзаже страха Тобиаса. Затем он отводит взгляд.

– Нам пора. – Голос Тобиаса дрожит. – Поезд придет с минуты на минуту.

Мы идем по вытоптанной земле к рельсам. Тобиас сжимает зубы и смотрит прямо перед собой. Я чувствую укол сожаления. Возможно, стоило дать ему самому разобраться с отцом?

– Прости, – бормочу я.

– Тебе не за что извиняться. – Он берет мою руку. Его пальцы еще дрожат.

– Если мы сядем на поезд в противоположную сторону, из города, а не в город, то сможем попасть в штаб-квартиру Товарищества, – предлагаю я. – Остальные направились туда.

– А правдолюбые? – спрашивает брат. – Как по-твоему, что они предпримут?

Я не знаю, как правдолюбые откликнутся на нападение. Они не примкнут к эрудитам – им глубоко противна всякая нечестность. Но они могут отказаться и от борьбы с эрудитами.

Мы несколько минут стоим рядом с рельсами, прежде чем приходит поезд. В конце концов Тобиас берет меня на руки, потому что я валюсь с ног, и я кладу голову ему на плечо, глубоко вдыхая запах его кожи. Поскольку он спас меня от нападения, я ассоциирую его запах с безопасностью и чувствую себя в безопасности, пока вдыхаю его.

Истина в том, что я не буду в полной безопасности, пока Питер и Маркус с нами. Я стараюсь не смотреть на них, но чувствую их

присутствие, как почувствовала бы одеяло на лице. Судьба жестока: я вынуждена путешествовать с людьми, которых ненавижу, в то время как мои любимые погибли.

Погибли или очнулись убийцами. Где сейчас Кристина и Тори? Бродят по улицам, терзаемые чувством вины за то, что натворили? Или обратили оружие против людей, которые заставили их это сделать? Или тоже мертвы? Хотела бы я знать.

И в то же время я надеюсь, что никогда не узнаю. Если Кристина еще жива, она найдет тело Уилла. И при нашей следующей встрече увидит своим натренированным взглядом правдолюбки, что это я его убила, я точно знаю. Я знаю это, и вина душит и корежит меня, так что я должна забыть о случившемся. Должна заставить себя забыть.

Приходит поезд, и Тобиас опускает меня на землю, чтобы я могла запрыгнуть в него. Я пробегаю несколько шагов рядом с вагоном и бросаюсь в сторону, падая на левое плечо. Извиваясь, я забираюсь в вагон и сажусь у стены. Калев сидит напротив меня, а Тобиас – рядом, создавая барьер между мной и Маркусом с Питером. Моими врагами. Его врагами.

Поезд поворачивает, и я вижу город за нами. Он становится все меньше и меньше, пока не открывается конец путей, леса и поля, которыми я в последний раз любовалась, когда была слишком маленькой, чтобы оценить их. Доброта товарищей утешит нас на время, хотя остаться у них навсегда мы не сможем. Скоро эрудиты и испорченные лидеры Лихости отправятся на наши поиски, и нам придется продолжить путь.

Тобиас притягивает меня к себе. Мы сгибаем колени и наклоняем головы так, что оказываемся в своем собственном пространстве, не видя тех, кто нас беспокоит. Наше дыхание смешивается на вдохе и выдохе.

– Мои родители, – говорю я. – Они умерли сегодня.

Хотя я произнесла это и знаю, что это правда, это кажется нереальным.

– Они умерли ради меня, – добавляю я.

По-моему, это важно.

– Они любили тебя, – отвечает он. – И не могли лучше показать свою любовь.

Я киваю и ласкаю взглядом линию его подбородка.

– Ты чуть не умерла сегодня, – говорит он. – Я едва не застрелил тебя. Почему ты не застрелила меня, Трис?

– Я не могла. Это было все равно что застрелить себя.

На его лице отражается боль, и он наклоняется ближе ко мне, так что касается моих губ губами, когда говорит.

– Я должен кое-что тебе сказать.

Я провожу пальцами по его ладони и поднимаю на него взгляд.

– Кажется, я люблю тебя. – Он слегка улыбается. – Немного выжду и скажу точно.

– Весьма благоразумно. – Я тоже улыбаюсь. – Найдем листок бумаги, и ты составишь список или таблицу.

Я чувствую боком, что он смеется; его нос скользит по моему подбородку, губы прижимаются за ухом.

– А если я уже уверен и просто не хотел тебя пугать?

Я тихонько смеюсь.

– Я думала, ты знаешь меня лучше.

– Ладно. Тогда я люблю тебя.

Я целую его, пока поезд скользит в неосвещенные, неведомые края. Целую его столько, сколько хочу, дольше, чем следовало бы, учитывая, что мой брат сидит всего в трех футах.

Я лезу в карман и достаю жесткий диск с данными симуляции. Кручу его в руках, ловя и отражая меркнувший свет. Маркус жадно следит за движением. «Не в безопасности, – думаю я. – Еще нет».

Я прижимаю жесткий диск к груди, кладу голову на плечо Тобиаса и пытаюсь уснуть.

Альтруизм и Лихость погибли, их члены рассеялись. Теперь мы все равно что бесфракционники. Не знаю, на что похожа жизнь отдельно от фракции, – я чувствую себя одинокой, как лист, отпавший от дерева, которое питало его своими соками. Мы дети утраты, мы все оставили позади. У меня нет дома, нет пути и нет уверенности. Я перестала быть Трис-самоотверженной или Трис-храброй.

Наверное, теперь мне предстоит стать чем-то б^ольшим.

Благодарности

Благодарю Тебя, Господи, за Сына Твоего и за благословение меня свыше всякого разумения.

Спасибо также:

Джоанне Стэмпфел-Вольпе, моему крутому агенту, которая работает усерднее всех, кого я знаю, – твоя доброта и великодушие не перестают меня удивлять. Молли О’Нилл, известной также как Чудо-Редактор, – не знаю, как возможно сочетать зоркий редакторский взор и огромное сердце, но тебе это удастся. Мне повезло заполучить на свою сторону двух таких людей, как ты и Джоанна.

Кэтрин Теджен, управляющей замечательным торговым знаком. Барб Фицсиммонс, Эми Райан и Джоэлу Типпи, создавшим красивую и мощную обложку. Бренне Францитта, Эми Винчеси и Дженнифер Страда, выпускающему редактору, литературному редактору и корректору соответственно, известным также как ниндзя грамматики, пунктуации и форматирования, – ваша работа очень важна. Фантастическим директорам по маркетингу и паблисити Сюзанне Даглян, Пэтти Росати, Колин О’Коннел и Сэнди Ростон; Эллисон Верост, моему рекламному агенту; и всем прочим сотрудникам отделов маркетинга и паблисити.

Джин Мак-Гинли, Альфе Вонг и всем членам команды субправ, благодаря которым мою книгу можно прочесть на таком множестве языков, какого я никогда не смогу выучить, и спасибо всем замечательным иностранным издателям, которые подарили моей книге новый дом. Выпускающей команде и команде аудиокниг и электронных книг «Харпер Медиа» за их тяжелый труд. Блестящим умам из отдела продаж, которые столько сделали для моей книги и которые, по слухам, любят Четыре почти так же сильно, как я. И всем остальным в «Харпер Коллинз», кто поддерживал мою книгу – на миру и смерть красна, и я искренне рада жить в вашем мире.

Нэнси Коффи, легендарному литературному агенту, за то, что поверила в мою книгу и отнеслась ко мне с такой теплотой. Пуе Шахбазян за чудеса с правами на фильм и поддержку моей одержимости реалити-шоу «Шеф-повар». Шоне Селий, Брайану Боулдри и Эверилл Керди, моим преподавателям, за то, что помогли мне кардинально улучшить свой стиль. Дженнифер Вуд, моей подруге-писательнице, за мастерские навыки мозгового штурма. Сумае Дауд, Веронике Петтингил, Кэти Брэди, Дебре

Дриза, Ларе Эрлих и Абигейл Шмидт, моим первым читателям, за полезные замечания и энтузиазм. Нельсону Фитчу за фотографии и безмерную поддержку.

Моим друзьям, которые всегда со мной, даже когда я капризничаю и ищу уединения. Майку – за то, что многому научил меня о жизни. Ингрид и Карлу, моим сестре и брату, за неизменную любовь и энтузиазм, и Фрэнку, разговоры с которым помогли мне пережить тяжелое время, – ваша поддержка значит для меня больше, чем вы думаете. И Барбаре, моей матери, которая поощряла меня писать еще до того, как мы поняли, что из этого что-то выйдет.